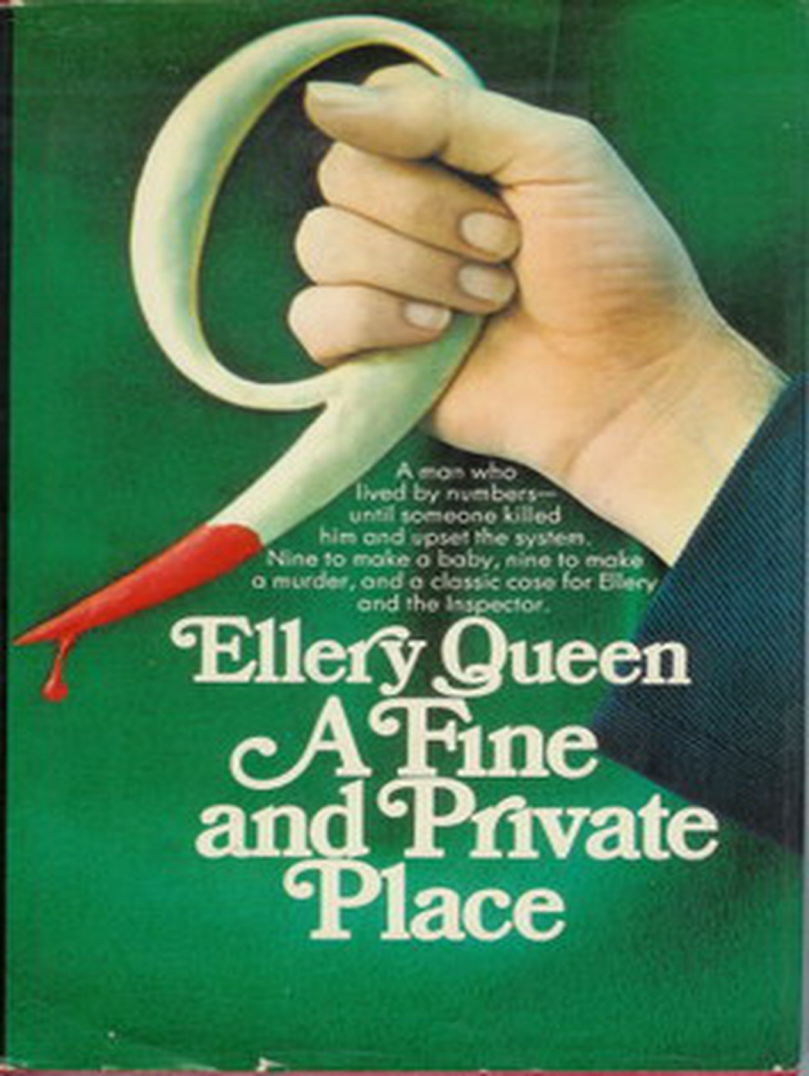
A man who
lived by numbers—
until someone killed
him and upset the system.
Nine to make a baby, nine to make
a murder, and a classic case for Ellery
and the Inspector.
Ellery Queen
A Fine
and Private
Place

Приятное и уединенное место

Эллери Квин

Аннотация
Эллери Квин. «Приятное и уединенное место»
ПЕРЕД ОПЛОДОТВОРЕНИЕМ
ОПЛОДОТВОРЕНИЕ
РОДЫ
ПОСЛЕД

Аннотация

Эллери Квин — псевдоним двух кузенов: Фредерика Дэнни (1905–1982) и Манфреда Ли (1905–1971). Их перу принадлежат 25 детективов, которые объединяет общий герой, сыщик и автор криминальных романов Эллери Квин, чья известность под стать популярности Шерлока Холмса и Эркюля Пуаро. Творчество братьев-соавторов в основном укладывается в русло классического детектива, где достаточно запутанных логических ходов, ложных следов, хитроумных ловушек.

Эллери Квин — не только псевдоним двух писателей, но и действующее лицо их многих произведений — профессиональный сочинитель детективных историй и сыщик-любитель, приходящий на помощь своему отцу, инспектору полиции Ричарду Квину, когда очередной криминальный орешек оказывается тому не по зубам.

Эллери Квин
«Приятное и уединенное место»

Могила — приятное и уединенное место.

Эндрю Марвелл "К его скромной возлюбленной"

Как и матка.

Джордж Уолли "Поэтический процесс"

ПЕРЕД ОПЛОДОТВОРЕНИЕМ

В нормальных условиях яйцеклетка пребывает в матке в ожидании около двадцати четырех часов.

9 августа 1962 года

Уоллес Райерсон Уайт шагнул в пространство с уверенностью астронавта, убежденного в том, что законы вселенной не позволят ему упасть. Вера его не подвела — он стоял высоко над Ист-Ривер, скрытой туманом, который собрался после дождливого дня в холодных сумерках.

Узкий балкончик пентхауса с охраняющими его каменными горгульями был причудливым творением архитектора fin de siecle,[1] испытывавшего гомосексуальную неприязнь к легкомысленным дамам своей эпохи. Но высокий мужчина не думал об этом. Он склонился на парапет, решив с толком использовать время, которым располагал.

Мужчина попыхивал трубкой «Шаратан» стоимостью двести пять долларов, набитой удо-

[1] ПРИМЕЧАНИЯ: 1

Конец века (фр.) — имеется в виду XIX век. (Здесь и далее примеч. пер.)

стоенным почетной медали табаком по доллару за унцию. На бархатный отворот пиджака в эдвардианском стиле упало немного пепла, но он не обращал на это внимания, пытаясь угадать причину, по которой его вызвал Импортуна. Сосредоточенность отражалась в его по-восточному раскосых глазах, прекрасно гармонировавших с загорелым лицом. Мужчина выглядел элегантно, но его элегантность казалась не вполне натуральной. Он привык скрывать ум и хитрость под фасадом родословной, перенасыщенной запылившимися добродетелями его класса. Отец давным-давно лишил его наследства, отчего он оказался первым мужчиной в трех поколениях рода, вынужденным зарабатывать себе на жизнь.

Похоже, дело было серьезным. Ему приходилось бывать в апартаментах верхнего этажа «99 Ист» для личных отчетов и по другим конфиденциальным делам, связанным с корпорацией «Импортуна индастрис», но Нино Импортуна никогда не приглашал своих служащих в пентхаус в нерабочее время по какому-либо ординарному поводу (или для ординарных развлечений).

По спине курильщика забегали мурашки.

Неужели Нино узнал?..

Бог все узнал, и теперь наступил Судный день…

Высокий мужчина выбил трубку о парапет и наблюдал за разлетающимися искрами, когда неприятный голос произнес слово «сэр» таким тоном, словно оно обозначало непристойность. Он повернулся, вопросительно приподняв брови. Это был Крамп — слуга Нино с украшенной бакенбардами физиономией, который впустил его в пентхаус. Крамп был одним из немногих английских дворецких, остававшихся на Манхэттене, и обладал свойственным его породе шестым чувством.

— Мистер Импортуна сейчас примет вас, сэр. Пожалуйста, следуйте за мной.

Высокий мужчина двинулся за слугой, стараясь не смотреть на его лакейскую спину и думая о том, насколько больше расписанный фресками потолок, арабески стен, великолепный мраморный камин и окна, наводящие на мысль о готическом соборе, подошли бы ему, чем Импортуне. Но мысль была подобна табачным искрам. Он никогда не мог полностью смириться с отсутствием таланта делать такие деньги, какими располагал Импортуна (а сколько людей им обладало?), но не позволял этому факту препятствовать привыч-

ному стилю его жизни. В конце концов, он умел извлекать лучшее из тех возможностей, которые жизнь предоставляла ему.

Крамп скользнул перед ним к порогу святая святых, шагнул в сторону и исчез, словно пройдя сквозь плотную стену. Высокий мужчина мог бы поклясться, что перед этим он многозначительно подмигнул.

В кабинете, за флорентийским папским столом, действительно некогда принадлежавшим Медичи, восседал сам понтифик. Нино Импортуна, приземистый человек, чье широкое и мясистое тело было вскормлено крестьянскими генами и пиццей, являл собой вполне ординарный южноитальянский тип. Но его массивную голову никак нельзя было назвать ординарной. Нос торчал на лице как бушприт. Маленький рот казался женственно мягким, но это впечатление было обманчивым. Когда он улыбался, обнажая большие белые зубы, что бывало редко, мягкость приобретала некий ужасающий оттенок. Оливковая кожа на гладко выбритых щеках и подбородке хорошо сочеталась с тусклым поблескиванием черных крашеных волос. Но глаза цвета мутного, застоявшегося кофе под густыми черными бровями придавали лицу властное выражение.

Взгляд этих глаз почти всегда был враждебным — в нем отсутствовали тепло, любовь, даже человечность.

Сейчас глаза были устремлены на высокого мужчину, наполовину скрываясь под веками, а руки подпирали подбородок в дюреровской манере. Но индустриальный гений империи Импортуны отнюдь не молился, и посетителю его взгляд казался не усталым, а настороженным.

Дело наверняка было плохо…

— Entrate pure.[2] — Как обычно, по низкому итало-американскому голосу было невозможно судить о настроении его обладателя. Хотя, возможно, сегодня он звучал громче на несколько децибел. Импортуна указал на стул.

Высокий мужчина послушно подошел и сел. Стул был приземистым, как сам Импортуна, с резьбой, словно намеренно делавшей его неудобным. Нино называл эту комнату своим логовом, что было недалеко от истины. Лишенное окон помещение освещалось тусклым светом и одурманивало запахами дешевых сигар, крема для бритья по десять долларов за унцию и краски для волос. Не хватало только запаха засохшей крови

---

[2] ПРИМЕЧАНИЯ: 2
Входите, пожалуйста (ит.).

былых жертв.

Высокий мужчина улыбнулся своим мыслям.

— Вы сегодня счастливы? — осведомился Импортуна.

— Прошу прощения?

— Вы улыбаетесь. Недавно наслаждались женщиной?

— Напротив, Нино. Я пришел прямо из офиса, как только мне передали ваш вызов.

— Тогда чему вы улыбаетесь?

Ох уж эта знаменитая техника Импортуны!..

— Ничему, Нино. — Столь же знаменитая техника наемного служащего. — Просто кое-что мелькнуло у меня в голове.

— Шутка?

— Нет… Хотя, пожалуй, да. В некотором роде.

— Тогда поделитесь ею со мной, amico. Сегодня я хотел бы услышать что-нибудь, что заставило бы меня улыбнуться.

Видя, что его ботинки зарываются в шелковистый ворс персидского ковра начала семнадцатого века, которому подобало бы висеть на стене, высокий мужчина почувствовал, что совершает святотатство, и перестал шаркать ногами. Он уже не улыбался и с усилием сдерживал гнев, понимая, что с Нино этот номер не пройдет. Нужно

сохранять хладнокровие.

— Пустяк, — сказал высокий мужчина. — Давайте перейдем к делу. Что у вас на уме? — Это ошибка, сразу же подумал он. Нельзя обнаруживать страх перед Нино, иначе он одержит верх.

— А вы не знаете?

— Нет, Нино, не знаю.

На сей раз улыбнулся Импортуна. «Почему у тебя такие большие зубы, дедушка?»

— «Суперба фудс»? — внезапно осведомился Импортуна. — «Л. М. Т. Электроникс»? «Фермерское оборудование Харрис-Фуллер»? «Ультима майнинг»?

— О чем вы, Нино? — Высокий мужчина гордился собой — он и бровью не повел. Даже дыхание оставалось под контролем.

— Прикидываетесь stupido?[3] Напрасно — я не нанимаю stupidi[4] на должность контролера. Итак, мой вице-президент по контролю играет в невинность. Но играть в невинность означает признать себя виновным. Bene?[5]

---

[3] ПРИМЕЧАНИЯ: 3
Тупица (ит.).

[4] ПРИМЕЧАНИЯ: 4
Тупицы (ит.).

[5] ПРИМЕЧАНИЯ: 5
Верно? (ит.)

— Я бы хотел знать, Нино, что вы имеете в виду.

— Признать виновным, — повторил Импортуна, подчеркивая слова улыбкой. По спине высокого мужчины вновь забегали мурашки, но он озадаченно покачал головой.

— Виновным, Нино? В чем?

— «Л. М. Т.». «Ултима». «Суперба». «Харрис-Фуллер».

— Я это уже слышал и все еще не понимаю.

— Названы компании, входящие в корпорацию.

— Разумеется.

— Вы контролер этих компаний?

— Ну и что, Нино?

— Все-таки вы stupido. — Импортуна сунул в зубы свежую сигару и откинулся на спинку высокого вращающегося стула. — Думать, что вы можете выйти сухим из воды с вашей двойной бухгалтерией, мистер вице-президент по контролю, игрок, распутник и прожигатель жизни, само по себе признак глупости. Правда, цифрами вы манипулировали ловко — тут вы настоящий чародей, ничего не скажешь. Немного здесь, немного там, добавляем со счета одной компании на счет другой, со счета другой на счет третьей

— и вы думали, что сможете проделывать это годами у меня под носом? По-вашему, amico, мне просто повезло, что я все это обнаружил? — Он закурил сигару, пустив через стол облако едкого дыма.

— Согласен с вами, Нино, — сказал высокий мужчина. — Нужно быть круглым дураком, чтобы пытаться вас обмануть. На это нет никаких шансов.

Массивная голова качнулась.

— Все еще играете в игры? Вы меня оскорбляете. Думаете, что я пытаюсь завлечь вас в ловушку, не имея никаких доказательств? Еще одна ваша ошибка, amico. Я поручил эксперту проверить ваши книги — разумеется, тайно.

— Этому новому сотруднику — Хартцу?

— S'intende.[6] Он доложил мне, что мой смышленый вице-президент по контролю за последние три года ограбил меня и моих братьев более чем на триста тысяч долларов. Более того, он представил мне доказательства. Если я предъявлю их окружному прокурору или налоговой инспекции, мистер контролер, вы проведете остаток жизни

---

[6] ПРИМЕЧАНИЯ: 6
Разумеется (ит.).

либо в Синг-Синге,[7] либо в тюрьме Дэнбери, в зависимости от того, кто первым наложит на вас руки — полиция штата Нью-Йорк или федеральное правительство. Что вы на это скажете?

— Могли бы предложить приговоренному сигару.

Выглядевший удивленным Импортуна протянул коробку сигар.

— Лучше не эти, — сказал высокий мужчина. — Гаванские, которые вы приберегаете для равных себе, больше соответствуют моему вкусу.

— Вашему вкусу! — Магнат улыбнулся в третий раз. Подобрав старинный флорентийский кинжал, используемый им для вскрывания писем, он подтолкнул им через стол кожаный портсигар. Контролер открыл его, достал горсть толстых и ароматных зеленых сигар, зажег одну из них, аккуратно спрятал остальные в нагрудный карман, откинулся на спинку стула и с удовольствием затянулся.

— Не знаю, сколько вы платите тому, кто контрабандой доставляет вам их с Кубы, но они того стоят. Как вы можете отравлять атмосферу этими жуткими черными кренделями, когда у вас есть

---

[7] ПРИМЕЧАНИЯ: 7

Синг-Синг — тюрьма штата Нью-Йорк в городе Оссининг.

такие сигары? Но я хотел сказать, Нино, что, если вы вызвали меня сюда сегодня вечером, чтобы поговорить об этом, значит, вы приготовили для меня не полицию и не налоговую инспекцию, а что-то совсем другое. Это было ясно с самого начала. Конечно, я не мог быть уверен и признаю, что немного нервничал. Но теперь я уверен. Ваши так называемые доказательства — рычаг, с помощью которого вы пытаетесь заставить меня войти с вами в сделку. Вы хотите что-то получить за ваши деньги, и, по-видимому, я этим располагаю.

Импортуна улыбнулся в четвертый раз.

— Вот это уже не слова stupido, за которого я вас принимал.

— Полагаю, что с присущими вам эффективностью и тщательностью вы покопались в моих действиях достаточно глубоко. В таком случае вы должны знать, на что и как истрачены якобы заимствованные средства и что у меня не осталось из них и десяти центов — что я в долгах по самую макушку. Следовательно, вы не можете рассчитывать на возмещение — по крайней мере, финансовое. Так в чем заключается quid pro quo,[8] Нино? Что такое у меня есть, чего вы бы

---

[8] ПРИМЕЧАНИЯ: 8
Что за что (лат).

хотели заполучить?

— Вирджиния.

На мгновение высокий мужчина застыл как вкопанный. Его глаза потемнели.

— Вирджиния? — переспросил он, словно впервые слышал это имя.

— Вирджиния, — повторил магнат.

Высокий мужчина вынул изо рта сигару и прищурился, глядя на ее дым.

— Право, не знаю, Нино. Это не ваша горная Италия и не девятнадцатый век. Между прочим, вы намерены жениться на моей дочери, а не просто позабавиться с ней в постели?

— Maiale! E figlio d'un maiale![9]

Почти видимый пар, струящийся из кофейных глаз, не произвел впечатления на высокого мужчину. Правда, его слегка удивил гнев Импортуны — очевидно, девушка по-настоящему нравится старому козлу.

— Да, я хочу на ней жениться! — резко сказал человек за письменным столом. — И лучше не выводите меня из себя. Мое предложение заключается в следующем: вы уговариваете Вирджинию выйти за меня замуж, а я не только не

---

[9] ПРИМЕЧАНИЯ: 9
Свинья! Сын свиньи! (ит.)

стану преследовать вас за растрату, но даже оплачу ваши долги — сорок шесть тысяч долларов, не так ли?

— Сорок восемь с небольшим, — деликатно поправил растратчик.

— …потому что вы станете моим тестем — моим suocero, как говорят у меня на родине. Семья… Вы ведь знаете, как мы заботимся о семье… suocero.

— Я немного молод для этой роли, — пробормотал контролер, — но неудачливые воры как нищие, верно, Нино? — Он снова сунул в рот сигару. — Но кое-чего я не понимаю. Вы сказали, что хотите жениться на Вирджинии. Но вы никогда не казались мне итальянским Майлсом Стэндишем.[10] Если вы чего-то хотите, то обычно говорите об этом прямо. Почему вы не просили ее выйти за вас? Или просили?

— Много раз.

— Значит, она вам отказывала?

— Постоянно… — Импортуна собирался что-то добавить, но вместо этого стиснул зубами сигару.

— Тогда как, по-вашему, я заставлю ее передумать? Вы достаточно долго пробыли амери-

---

[10] ПРИМЕЧАНИЯ: 10

Стэндиш, Майлс (ок. 1584–1656) — один из первых британских поселенцев в Массачусетсе, руководивший обороной Плимутской колонии.

канцем, чтобы знать, что покорные дочери и устроенные браки давным-давно вышли из моды.

— Вы найдете нужные аргументы, suocero. Например, вы могли бы упомянуть ей о растраченных деньгах, которые вам не принадлежали. О жестких нарах в Синг-Синге и Дэнбери. О позоре, который падет на вашу древнюю фамилию. Выбор предоставляю вам, amico. Учитывая судьбу, которая ожидает вас в случае неудачи, я уверен, что вы с этим справитесь.

— Вы говорите как персонаж мыльной оперы, — пробормотал растратчик, уже обдумывая тактику. — Это будет нелегко, Нино. Вирджиния — своевольная девушка…

— Но она любит вас, — сказал Импортуна. — Хотя один Бог знает почему.

— И еще одно. Существуют религиозные различия…

— Она перейдет в католичество — это само собой разумеется.

— Вот как? Предположим, Нино, она просто откажется? Даже тюремный аргумент не дает никаких гарантий.

— Это ваша проблема. Но не забывайте, что, если вы не добьетесь успеха, я обвиню вас в краже

в особо крупных размерах.

Гаванская сигара погасла. Контролер вынул ее изо рта, с сожалением посмотрел на нее и бросил в пепельницу.

— Сколько времени вы мне даете?

— Сегодня 9 августа. Даю вам на уговоры ровно один месяц. Я хочу жениться на Вирджинии 9 сентября.

— Понятно. — Остатки достоинства побудили его добавить: — Знаете, Нино, хоть я и мошенник, Вирджиния — мое единственное дитя, и мысль о том, чтобы принуждать ее выйти замуж за человека втрое старше ее…

— Может быть, мне заплакать, amico? — усмехнулся Импортуна. — Вы начинаете мне надоедать. Да вы бы продали дочь арабу, если бы он предложил вам достаточно денег! Я родился 9 сентября 1899 года, через месяц мне исполнится шестьдесят три, а Вирджинии сейчас двадцать один, значит, она действительно младше меня ровно втрое. Это будет отличный день для свадьбы — числа совпадают perfetto…[11]

— Ничего себе совпадают! Разница втрое…

— Довольно! — рявкнул Импортуна.

---

[11] ПРИМЕЧАНИЯ: 11
Идеально (ит.).

Высокий мужчина вздрогнул:

— Ладно, Нино.

Импортуна что-то пробормотал по-итальянски.

— Не вздумайте мне препятствовать. Я хочу ее, понимаете? Можете объяснить ей, что она приобретет, выйдя за меня замуж. Клянусь памятью матери, она получит все, что пожелает, — виллы, дворцы, яхту больше, чем у Онассиса и Ниархоса,[12] собственный самолет, драгоценности, платья от лучших модельеров. Все!

— Все, кроме молодого мужа в постели. — Высокий мужчина не вполне понимал, почему сказал это, и тут же пожалел о своих словах. Кофе в глазах магната начал кипеть, а руки стиснули кинжал, но потом расслабились и снова по-дюреровски подперли подбородок.

— Неужели потеря столь велика, если она так много приобретает? — ледяным тоном осведомился Импортуна. — Избавьте меня от проявления отцовских чувств, amico. Я знаю, чего вы стоите.

«Может, да, а может, и нет», — подумал высокий мужчина.

---

[12] ПРИМЕЧАНИЯ: 12

Онассис, Аристотель Сократ (1906–1975), Ниархос, Спирос Ставрос (1953–1995) — греческие финансисты.

— Значит, договорились? — спросил он вслух.

Импортуна покачал головой.

— Это еще не все?

— Si dawero, caro mio.[13] Вирджинии придется подписать добрачный договор.

— Какого рода?

— Она обязуется не предъявлять никаких прав на мое состояние — даже полагающихся вдове — до истечения пяти лет после свадьбы. Таким образом, она не сможет выйти за меня, а потом меня бросить. Но если Вирджиния будет придерживаться условий договора и проживет со мной до сентября 1967 года, то станет моей наследницей. Моей единственной наследницей, suocero. По-вашему, это не справедливо?

— Существует такая мелочь, как доверие между мужем и женой… — начал будущий тесть, но оборвал фразу и засмеялся. — Вы, безусловно, вправе защищать себя, учитывая… э-э… обстоятельства. — Протянув руку, он взял еще одну гаванскую сигару и зажег ее. — Но, Нино…

— Ora che cos'e?[14]

— 9 сентября 1967 года вам исполнится… дайте

---

[13] ПРИМЕЧАНИЯ: 13
Совершенно верно, дорогой мой (ит.).

[14] ПРИМЕЧАНИЯ: 14
Что еще? (ит.)

подумать… шестьдесят восемь. Поскольку мы говорим откровенно, — продолжал он сквозь струйку сигарного дыма, — я должен упомянуть о неприятной возможности, что к этой дате вас уже не будет с нами. Что произойдет с моей дочерью, если вы умрете до истечения срока договора? Она останется без гроша.

— Да, — кивнул Импортуна, — и вы тоже.

— Но, Нино, в таком случае она зря потратит пять лет ее молодой жизни. Это не кажется справедливым.

— Согласен, amico. Но ей придется пойти на этот риск. Игра не такая плохая, учитывая ставки. Кроме того, попытайтесь взглянуть на это с моей точки зрения.

— Пытаюсь, Нино. Но Вирджиния — все, что у меня есть. Как вам известно, ее мать умерла. Никаких родственников ни с какой стороны у нас не осталось — во всяком случае, мы о них не знаем.

— Я скорблю вместе с вами, мой бедный будущий suocero. Но вы не потеряете дочь, а приобретете зятя.

— Тоже верно, — пробормотал высокий мужчина. — Ну, Нино, могу только обещать, что приложу все силы… Да, насчет этих доказательств…

— Я буду придерживаться условий сделки, —

сказал Импортуна. — Вы сомневаетесь в моем слове?

— Конечно нет…

— И вы сохраните за собой пост вице-президента по контролю. В случае успеха я, возможно, прибавлю вам жалованье и предоставлю пакет акций. Но предупреждаю…

— О чем, Нино?

— Больше никаких заимствований у «Суперба фудс», «Ултима майнинг» и других компаний. Capito?[15]

— Естественно.

— И больше никаких фокусов с книгами. Хартц будет вас проверять.

— Нино, даю вам слово…

— И не предлагайте Хартцу долю украденного за то, что он будет предоставлять мне фальшивые отчеты — кое-кто, кого вы не знаете, будет проверять его. Не то чтобы меня беспокоило, сгниете вы в тюрьме или нет, caro.[16] Но как это будет выглядеть для жены Нино Импортуны? Ее родной отец! Прошу прощения. — Он снял трубку одного из батареи телефонов на флорентийском

---

[15] ПРИМЕЧАНИЯ: 15
Понятно? (ит.)

[16] ПРИМЕЧАНИЯ: 16
Дорогой (ит.)

столе. — Да, Питер?

— Мистер Э. только что прибыл из Австралии.

— Мистер Э.? Он здесь? В апартаментах?

— Ждет.

— Отлично, Питер! Я хочу видеть его немедленно.

Импортуна положил трубку и махнул правой рукой визитеру, отпуская его. Казалось, он нисколько не стесняется того, что на этой руке только четыре пальца — указательный и средний срослись, как сиамские близнецы, в один палец двойной толщины, но удивительно гибкий.

— Ciao, suocero,[17] — мягко произнес девятипалый миллионер.

[17] ПРИМЕЧАНИЯ: 17
Пока, тесть (ит.).

ОПЛОДОТВОРЕНИЕ

В нормальных условиях яйцеклетка пребывает в матке в ожидании около двадцати четырех часов.

Если оплодотворение имеет место, тогда вместо того, чтобы пройти через матку в мир тщеты, организм — теперь зигота — прикрепляется к стенке матки и приступает к осуществлению заложенной в нем программы роста.

Из дневника Вирджинии Уайт Импортуна

9 декабря 1966 г.

Интересно, почему я продолжаю записи? Это нагромождение чувств, надежд, разочарований, страхов, радостей и прочего. Из-за радостей — тех немногих, которые у меня есть, — и из-за почти наркоманской жажды выразить их? Тогда почему я останавливаюсь на скверных эпизодах? Иногда я думаю, что это не стоит риска. Если Н. когда-нибудь найдет дневник… Что он может сделать?

Многое. И не только папе.

Смотри в лицо фактам, Вирджиния. Ты полностью в его в руках.

Сегодня был тяжелый день. Утро было таким чудесным, полным надежд и еще более глубоких чувств, какие возникают, когда слушаешь Сазерленд в «Метрополитен-опере», если она в ударе… О, перестань нести чепуху, словно влюбившаяся впервые глупая девчонка! Тебе двадцать пять лет, и ты замужем!

Но я так надеялась побыть наедине с П., хотя не смела даже взглянуть на него, ведь этот жуткий тип Крамп шатается поблизости, не спускает с меня рыбьих глаз и произносит «мадам» ханжеским тоном, как будто пробуя меня на вкус.

И еще старая Эдитта с ее красным, хлюпающим носом. Я готова поклясться, что ее ноздри затрепетали, когда мы с П. едва не столкнулись в коридоре у моей гардеробной. Или мне это показалось, потому что я чувствую себя виноватой? Бояться собственной служанки, которая едва может членораздельно изъясняться на собственном родном языке, не говоря уже о моем!

У меня развивается паранойя. Вероятно, у старухи грипп, и она мечтает, чтобы я хоть раз приняла ванну и разделась перед сном самостоятельно.

Cara[18] Эдитта, я бы с удовольствием! Не по-

---

[18] ПРИМЕЧАНИЯ: 18
Дорогая (ит.)

нимаю, почему Н. настаивает на этих рабских услугах, как будто я султанша. Хотя он-то султан, так что, очевидно, это вопрос его имиджа, его «я», а не моего. Я существую для приема его раболепных друзей, подчиненных и партнеров по бизнесу из Европы, Северной Африки, Ближнего Востока, наподобие шикарной пятизвездочной экономки, как называет меня П. (разумеется, не в присутствии Н.).

Как бы то ни было, на этот вечер я избавилась от бедняжки — заверила ее, что синьор ни о чем не узнает. Возможно, в будущем мы с Эдиттой подружимся? Напрасная надежда. Она так боится Нино, что от одного его сердитого взгляда у нее мокро в mutandine,[19] как выражается Джулио с присущим ему изяществом. И не от страсти — она давно миновала этот возраст. Бедная Эдитта.

Бедная я. Повторяю, день был жуткий. Моей «крышей», как говорят шпионы (если я не путаю термин — надо спросить у П.; он все знает), — короче, моей крышей, предлогом, алиби, или как там это называется, была необходимость сделать покупки к Рождеству («Сакс», «Бергдорф», «Бонвит», «Георг Йенсен», «Марк Кросс», «Сулка»,

---

[19] ПРИМЕЧАНИЯ: 19
Трусики (ит.).

«Брентано» — обычный маршрут), который увел бы меня от рыбьих глаз Крампа и кроличьего носа Эдитты в благословенную скверну Пятой авеню, к звону колокольчиков Санта-Клауса и тривиальным опасностям со стороны карманников, попрошаек и хулиганов. А так как Нино находится за многие тысячи миль в Западном Берлине, Белграде, Афинах или где-то еще, пытаясь заставить свои миллионы приносить еще большее количество миллионов (как вчера сказал Джулио или Марко, конгломерат теперь стоит почти полмиллиарда долларов — как человек способен переварить такую сумму?), — так как он находится по другую сторону океана, я могла провести большую часть дня с Питером! Могла быть безрассудной, как сейчас, когда пишу его имя полностью заглавными буквами.

ПИТЕР ЭННИС.

О, Питер, дорогой…

Мы вели себя достаточно легкомысленно. К счастью, это не причинило вреда. Хотя кто знает, откуда, когда и даже почему может прийти вред? Неужели у меня действительно паранойя? Питер говорит, что жизнь в Нью-Йорке в эти дни — бесконечная игра в русскую рулетку, и ты либо к ней привыкаешь, либо сходишь с ума, а вскоре даже

начинаешь дерзко бросать ей вызов, прикрывая тем самым смертельный страх.

Хотя что такое громила с ножом позади тебя в темноте в сравнении с пребыванием в лапах такого демона, как Н.?

Ужасная мысль. Тысячи раз я просыпалась среди ночи, благодаря Бога за то, что все это было кошмарным сном, и обнаруживая, что это явь.

Я знаю, что люди сочли бы меня чокнутой, если бы услышали, как я говорю такое об Н. «Что ты, дорогая, он самый добрый, самый щедрый (и самый богатый) человек на всех четырех континентах! И он просто обожает тебя!» Конечно, он меня обожает — как индеец-хиваро обожает свои засушенные человеческие головы… Знали бы они, что означает для него слово «любовь». И что означает для девушки терпеть это целые четыре года…

Прости, дорогой дневник, мне нужно выпить. Вот так лучше.

Уже поздно, а я едва начала описывать сегодняшние события. Хотя кому это интересно? Еще раз прошу прощения, дневник. Теперь можно продолжать.

«У тебя есть все, что только может желать жена», — говорят мне их завистливые взгляды. Все?

Хотела бы я посмотреть на такую жену!

Интересно, походил ли Савонарола[20] на Нино? Как-нибудь нужно отыскать портрет старого монаха из Феррары. Держу пари, если их профили наложить друг на друга, они совпадут в точности.

Хотя скорее Нино напоминает злобную пародию на Федерико Феллини.[21] Я прикована к стареющему Феллини, который создает целые планеты иллюзий одним взмахом толстых потных рук. Эти его девять пальцев… Меня от них бросает в дрожь.

Конечно, с моей стороны это жестоко и бесчувственно. Нино виноват в своем врожденном уродстве не больше Минотавра[22] или Квазимодо.[23] Ведь я бы не стала отшатываться от мужчины с заячьей губой (если бы он не пытался

---

[20] ПРИМЕЧАНИЯ: 20

Савонарола, Джироламо (1452–1498) — настоятель доминиканского монастыря во Флоренции, обличавший папство, возглавивший восстание против Медичи и сожженный на костре.

[21] ПРИМЕЧАНИЯ: 21

Феллини, Федерико (1920–1993) — итальянский кинорежиссер.

[22] ПРИМЕЧАНИЯ: 22

Минотавр — в греческой мифологии получеловек-полубык, рожденный от связи жены царя Крита, Миноса, Пасифаи с быком бога Посейдона.

[23] ПРИМЕЧАНИЯ: 23

Квазимодо — уродливый горбун-звонарь из романа Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери».

поцеловать меня — брр!). Но что-то в его двойном пальце заставляет мой желудок опрокидываться. А когда он прикасается им ко мне… хотя к чему эти подробности?

А его нелепые суеверия! Вообразите себе одного из крупнейших магнатов мирового бизнеса, великого могола Уолл-стрит, Парижской биржи и Ближнего Востока, отбрасывающим две последние буквы фамилии его отца, деда и прадеда да еще подкрепляющим это официальным документом, заверенным судьей, только потому, что количество букв в фамилии, с которой он родился, не соответствует его счастливому числу, таким образом мстительно подчиняя судьбу своей воле! И он действительно верит в эту чепуху! Никто, даже Марко, который рожден, чтобы стать апостолом пророка, не может с этим примириться, хотя и пытается изо всех сил. Только эта история с фамилией вызывает у меня симпатию к Марко и Джулио. Эдитта рассказывала мне, как давил на них Нино — Большой Брат, — убеждая выбросить последние две буквы из фамилии Импортунато, как сделал он. Но они так и не согласились.

Кажется, сегодня вечером я постоянно отклоняюсь от темы. Ни на йоту дисциплины! И я еще

собираюсь стать Эмили Дикинсон[24] двадцатого столетия! Хотя как муза может соперничать с третью полумиллиарда долларов? Не говоря уже о привязанности к папе, который втянул меня в это, потому что не мог не запускать руки в чужую собственность? О, папа, дорогой папа, если бы я тебя не любила, черт бы тебя побрал, то позволила бы тебе гнить под землей на глубине шесть футов, где для тебя самое подходящее место. А ты бы попрощался со мной, очаровательно улыбнувшись и чмокнув меня в затылок, как всегда делал, когда я была маленькой и ревновала тебя к маме, чьего лица я теперь даже не могу вспомнить.

После обеда я перелистывала «Песни опыта» Блейка и наткнулась на «Ядовитое дерево».

Когда на друга был сердит,
То гневу я сказал: «Уйди!»
Злясь на врага, я промолчал.
И с этих пор расти гнев стал.

Его слезами поливал,
Его улыбкой согревал,
Пока однажды летним днем

---

[24] ПРИМЕЧАНИЯ: 24
Дикинсон, Эмили (1830–1886) — американская поэтесса.

Не вырос сладкий плод на нем.

Увидел яблоко враг мой,
Пробрался в сад во тьме ночной.
А утром мертвый он лежал
Под деревом, что я сажал.

Я много лет не перечитывала это стихотворение. По-моему, оно ужасное, хотя раньше я его обожала. Но именно это происходит теперь у меня внутри, где жар становится невыносимым. Сейсмограф может зашкалить, когда этого меньше всего ожидаешь.

Мы с Питером поспорили («Когда на друга был сердит») из-за места встречи. По какой-то причине это казалось очень важным нам обоим. Питер пребывал в одном из тех настроений, когда обычно угрожал втолкнуть зубы Нино ему в глотку. На сей раз он хотел подняться на крышу ресторана «Билтмор» на Сорок третьей улице с мегафоном, чтобы каждый, выходящий из вокзала Грэнд-Сентрал на Вандербилт или идущий в противоположную сторону по Мэдисон, в том числе репортеры, слышали, как он кричит о нашей любви, ниспосланной звездами. Потом он стал предлагать «Павильон», «Двадцать один» и другие жуткие рестораны, где бывают

абсолютно все и где официант хамит вам и отказывается сажать вас за столик, кем бы вы ни были. Но я протестовала, объяснив, что в таких местах тайный телеграф работает бесперебойно и что сведения о нашей встрече достигнут ушей Нино в Аддис-Абебе или где бы он ни находился. «Ну и что? — ответил Питер. — Чем скорее, тем лучше».

В конце концов мне удалось уговорить его пойти в уединенный немодный ресторанчик, куда меня как-то водил папа и где не было риска нарваться на кого-нибудь из знакомых. Готовят там лучше, чем во многих шикарных заведениях, где вашему спутнику засчитывают даже взгляд, который девушка, продающая сигареты, позволяет ему бросить за вырез ее платья.

Я думала, что первое появление с Питером на публике меня взбодрит, но оно произвело совсем противоположное действие. Во-первых, выглядела я, безусловно, не лучшим образом. Не знаю, почему я решила надеть платье от Поццуоли — я его ненавижу, так как выгляжу в нем так, словно скрываю беременность. Такое платье подходит, только если вы на девятом месяце или если у вас слоновьи бедра. А на кашемировом пальто с воротником из русской рыси, выбранном мной как

самое неброское из всех зимних пальто, которые мой щедрый супруг позволил мне купить, оказалось ужасное пятно спереди, которое я не могла скрыть, не распахивая пальто и не демонстрируя ненавистное платье.

Во-вторых, я боялась, что меня узнают, несмотря на все меры предосторожности.

А в-третьих, вместо того, чтобы проявить мужскую чуткость и вести безобидную застольную беседу, Питер снова стал уговаривать меня развестись с Нино и выйти замуж за него. Как будто я сама этого не хотела!

«Питер, какой смысл снова это обсуждать? — ответила я самым рассудительным тоном, каким только смогла. — Ты знаешь, что это невозможно. Я бы хотела глог[25]».

«В этой забегаловке, которую ты выбрала? — злобно усмехнулся Питер. — Они даже не поймут, о чем ты говоришь, дорогая моя. Предлагаю заказать пиво — это они поймут. И ничего невозможного не существует. Всегда есть какой-то выход».

«Мне холодно — я хочу чего-нибудь горячего, — сказала я. — И сарказм никогда не был твоим

---

[25] ПРИМЕЧАНИЯ: 25

Глог — скандинавская разновидность глинтвейна.

коньком. Повторяю, это невозможно. Я не могу оставить Нино. Он не отпустит меня».

«Как насчет обычного пролетарского «Тома и Джерри»?[26] Есть слабый шанс, что они знают о нем. Откуда тебе известно, что он не даст тебе развод, если ты ни разу его об этом не просила?»

«Нет, Питер! То, что ты целыми днями работаешь с Нино, не означает, что ты его знаешь. Говорю тебе, он не отпустит меня ни при каких обстоятельствах, даже если не считать чисто религиозных причин. Чувствую, мы зря пришли сюда».

«Неужели муж внушает тебе такой страх? Ну так я его не боюсь!»

«Знаю, дорогой, ты храбр как лев, а я обычный цыпленок. Кроме того, нужно думать о папе».

Уголки сексуального рта Питера сразу опустились. Эту тему мы стараемся не затрагивать. Питер знает, как я отношусь к папе, и пытается щадить мои чувства, хотя и без особого успеха. Питер приучил себя держаться на заднем плане, как подобает личному секретарю, но он слишком красив — высокий, широкоплечий, с золотистыми волосами и серыми, а временами голубыми

---

[26] ПРИМЕЧАНИЯ: 26

«Том и Джерри» — горячий напиток из рома с водой или молоком, взбитыми яйцами, пряностями и сахаром.

или зелеными глазами (их цвет зависит от настроения), — чтобы оставаться незаметным все время. По крайней мере, я могу читать его мысли, как сигнал светофора. Сейчас готовился зажечься красный свет.

Очевидно, стремясь этого избежать, я чересчур сильно нажала на газ и разболтала то, о чем не говорила никому, особенно Питеру, причем наихудшим способом — представив это как забавную шутку.

«Давай не будем говорить о папе, — сказала я. — Знаешь, какое ласкательное имя я дала своему мужу?»

Питер прореагировал так, словно я в него выстрелила:

«Ласкательное имя? Нино?»

«Тебя это злит?»

«Ты, должно быть, шутишь».

«Ни капельки».

«Ну и что это за имя?»

«Уменьшительное от Импортуна».

«Уменьшительное? Ты имеешь в виду что-то вроде «Импорт»? Слушай, Вирджин, ты просто пытаешься меня отвлечь…»

«Еще короче». Очевидно, меня подстрекал какой-то демон — иного объяснения я не нахожу.

«Короче, чем Импорт? Имп?[27] Это имя подходит ему, как корове седло».

«Нечто среднее», — весело сказала я, как будто мы были мальчиком и девочкой, играющими в угадайку.

«Среднее между Импортом и Импом? — Питер сдвинул светлые шелковистые брови. — Ты меня разыгрываешь. Ничего среднего там быть не может».

«А как насчет Импо?»

В следующий момент я бы откусила себе язык у самых корней, если бы мои зубы могли достать так далеко. Потому что это подало Питеру новую надежду. Я увидела, как в его глазах родился младенец, готовый завопить.

«Импо! — воскликнул он. — Ты имеешь в виду, что Нино — великий Нино — не способен…»

«Не стоит это обсуждать, — быстро прервала я. — Не знаю, почему я об этом упомянула. Давай лучше сделаем заказ».

«Не стоит обсуждать?»

«Питер, пожалуйста, тише!»

«Господи, малышка, неужели ты не понимаешь, что это значит? Если супружеские отношения ни-

---

[27] ПРИМЕЧАНИЯ: 27
Imp — постреленок (англ.).

когда не были осуществлены, это не настоящий брак и повод для его аннулирования!»

От возбуждения Питеру не пришло в голову выяснять, из чего состоит моя супружеская жизнь, что было к лучшему. Не хочу даже думать о том, что могло бы из этого выйти. Все и так складывалось достаточно скверно.

Поэтому мне пришлось объяснить, что я не могу расторгнуть брак юридическим, церковным или каким-либо иным способом, так как Нино все еще держит меня на коротком поводке из-за папы. Его вице-президент по контролю так и не усвоил урок 1962 года, за который я уже заплатила почти пятью годами жизни. Правда, он больше не запускал руки в кассу и не устраивал манипуляций с бухгалтерскими книгами — Нино об этом позаботился, — но продолжал играть на бирже и на ипподроме, постоянно проигрывая и все больше залезая в долги. Щедрый и великодушный Нино выкупал векселя своего тестя — своего suocero, — не забывая каждый раз сообщать мне сумму вплоть до последнего цента и давая таким образом понять, что все еще держит дамоклов меч над папиной и моей головой.

«Как я могу допустить, чтобы папа попал в тюрьму, Питер? Он мой отец — другого у меня не

будет — и по-своему любит меня. Как бы то ни было, мы не сможем строить свою жизнь на таком фундаменте. Я не смогу, и ты, думаю, тоже».

«Я в этом не так уверен, — грубо отозвался Питер. — Что происходит с твоим полоумным стариком? Какого черта он не обратится к психиатру? Неужели он не понимает, что губит твою жизнь?»

«Он неисправимый игрок, Питер».

«И неисправимый бабник — не забывай об этом. Твой отец, Вирджин, вообще неисправим. — Питер наедине часто называет меня Вирджин, не сознавая, насколько это уместно.[28] Это вызывает у меня корчи. — Ты говоришь, что он тебя любит. Что это за любовь, которая заставляет отца продать дочь евнуху, чтобы спасти свою жалкую шкуру?»

«Папа слабый человек, Питер, и потакает своим слабостям, но он вовсе не считает такой страшной судьбой мой брак с одним из богатейших людей в мире. Конечно, он не знает о… слабостях Нино. — Подошел официант, и я быстро сказала: — Я проголодалась. — Хотя вовсе не хотела есть. — Ты собираешься кормить меня разговорами?»

---

[28] ПРИМЕЧАНИЯ: 28
Virgin — девственница (англ.).

Мы что-то заказали — кажется, мне подали телячью котлету, запеченную в каком-то клее; очевидно, у их знаменитого шеф-повара был выходной. Питер подверг меня перекрестному допросу относительно договора, который мне пришлось подписать перед свадьбой. Очевидно, бедняга был в отчаянии, так как мы уже сотни раз пытались перелезть через эту Берлинскую стену, но не находили в ней ни единой лазейки. Я была вынуждена снова напомнить ему, что до истечения пятилетнего срока не обладаю никакими правами на состояние Нино, и если покину его ложе (!) и кров до конца срока, то он не только оставит меня без гроша в кармане, но и запросто может отправить папу за решетку по старому обвинению в растрате.

«Неужели его деньги так важны для тебя?» Питер скривил губы.

«Я ненавижу их и его самого! Ради бога, Питер, неужели ты думаешь, что дело в деньгах? Я же говорила тебе, что охотно согласилась бы на бедность, если бы не…»

«Если бы не твой дорогой старенький папочка. — Питер скрипнул зубами. — Черт бы его побрал! Когда истекает срок?»

«Какой срок, Питер?»

«Пятилетний срок вашего договора. Это одна из личных бумаг Нино, к которым он меня не подпускает».

«Какое сегодня число? 9 декабря. Значит, ровно через девять месяцев — 9 сентября будущего года, в шестьдесят восьмой день рождения Нино и пятую годовщину нашей свадьбы».

«Девять месяцев». Питер произнес это очень странным тоном.

Я не поняла смысл, пока Питер не повторил фразу. Это показалось мне забавным, и я засмеялась. Но Питер оставался серьезен, и, взглянув на его лицо, я тоже расхотела смеяться.

«В чем теперь дело, Питер?»

«Ни в чем», — ответил он.

Но я знала, что это не так. Я чувствовала, что в его светловолосой разочарованной голове мелькают ужасные мысли, но не стала об этом думать. Мне хотелось выкинуть это из моей головы как можно скорее. Я уверяла себя, что мой Питер не станет лелеять какие-то кошмарные планы, в какой бы ярости он ни пребывал.

Но я понимала, что он может это делать и делает.

Знает ли один человек другого по-настоящему? Даже того, которого любит? В тот момент я знала

мистера Питера Энниса, родившегося в 1930 году и окончившего Гарвард в 1959-м, доверенное лицо Нино, Джулио и Марко Импортуны, ведущего личные дела трех братьев, не более, чем любого незнакомца, которого случайно толкнула на улице.

Это пугало меня и пугает до сих пор.

Но и еще кое-что сделало сегодняшний день таким скверным. Когда я смотрела через стол на Питера, прикусив зубами салфетку, то увидела через его плечо моего отца, только что вошедшего в ресторан. Рядом с ним была размалеванная девица, но пришла ли она с ним, я так и не узнала. Меня беспокоило то, что папа увидит меня с Питером — ведь о наших отношениях не знал даже он. Конечно, папа специально не стал бы выдавать меня Нино, но он иногда выпивает лишнее, а Нино — ходячий радар, добывающий информацию из воздуха. Я просто не могла идти на такой риск.

«Питер, там мой отец, — прошептала я. — Нет, не оборачивайся — он не должен видеть нас вместе!..»

Питер не подкачал. Небрежно бросив на столик двадцатидолларовую купюру, он повел меня к задней стене, так что мы все время оставались

спиной к папе. Мы притворились, будто идем к уборным, но вместо этого ускользнули через кухню. Персонал не обратил на нас никакого внимания. Заставить работающих ньюйоркцев оторваться от своих обязанностей можно, лишь подложив под них бомбу.

Мы едва не попались, и на улице я сказала Питеру, что больше нам не стоит появляться вместе на людях. Он посмотрел на мое испуганное лицо, поцеловал меня, посадил в такси, но не поехал со мной. Прежде чем захлопнуть дверцу машины, Питер произнес тихим дрожащим голосом:

«Мне остается сделать только одно, и, клянусь богом, когда придет время, я это сделаю».

Больше я не видела Питера сегодня, но эти слова все еще преследуют меня. Они — и выражение его лица перед тем, как мой отец вошел в ресторан.

Девять месяцев…

Как будто сегодня что-то было оплодотворено в матке времени. Надеюсь, я не права, и молюсь, чтобы это было так, потому что, если взгляд Питера выражал то, что мне показалось, а его прощальные слова означали то, о чем я думаю, зародыш превратится в урода, как бывает, если

беременная женщина принимает талидомид,[29] если не в кого-нибудь еще хуже.

Это ужасная мысль, и я чувствую, что больше не в силах излагать свои мысли связно. Я выпила больше половины бутылки и здорово опьянела, чего почти никогда не позволяю, так как боюсь к этому пристраститься. Так что прощайте, миссис Бутылка, лучше я лягу в кроватку.

Первый месяц

Январь 1967 года

Беременность началась.

Зигота стала многоклеточным эмбрионом. Он вырос до размера горошины, а его сердцевина — до размера булавочной головки.

Клетки в этой сердцевине образуют хребет, на краю которого формируется крошечный узелок. Это зачаток головы.

Второй месяц

Февраль 1967 года

До конца второго месяца при обычном наблюдении невозможно отличить человеческий

---

[29] ПРИМЕЧАНИЯ: 29

Талидомид — транквилизатор, категорически запрещенный беременным.

эмбрион от собачьего.

Но по истечении первых восьми недель он приобретает безошибочные человеческие очертания. Теперь это уже не эмбрион, а утробный плод.

Третий месяц

Март 1967 года

Глаза уже не на одной стороне головы, но сближены друг с другом. Крошечные щелочки отмечают уши и ноздри, а чуть большая — рот. Лоб становится массивнее. На верхних конечностях появляются пальцы, запястья, предплечья. По внутренним репродуктивным органам можно определить пол.

Четвертый месяц

Апрель 1967 года

В течение этого периода живот развивается очень быстро, уменьшая диспропорцию между головой и остальной частью плода.

На голове появляются волосы.

Мать начинает чувствовать шевеление маленького тельца.

Пятый месяц

Май 1967 года

На половинной стадии беременности нижняя часть плода пропорционально увеличивается, а ноги начинают подниматься. Теперь мать четко ощущает то, что она вынашивает. Руки и ноги плода совершают внутри ее тела энергичные движения.

* * *

Эллери отделал свой кабинет панелями из сплавного леса — тогда этот выбор казался ниспосланным истинным вдохновением. Щербатая, неровная поверхность выглядела испещренной многолетними приливами и отливами и была искусно покрыта сероватым налетом пены морской. Глядя на нее, Эллери чувствовал, как пол колышется у него под ногами, а щеки обжигают соленые брызги. При установленном на максимальной мощности кондиционере было легко представить себя на палубе прогулочного судна, рассекающего воды Зунда.

Однако это оказалось серьезной помехой требованиям реальности. Метаморфоза стен кабинета

изменила обстановку до критической степени, превратив обычную манхэттенскую квартиру в аттракцион. Эллери всегда считал, что для наиболее эффективного использования времени и следования графику писатель прежде всего нуждается в рабочей атмосфере привычного беспорядка. Изменения должны ограничиваться моделью точилки для карандашей на подоконнике. Даже пыль поощряет к работе. Согласно древней метафоре, творческое пламя ярче горит на тусклых и пыльных чердаках.

Зачем же было избавляться от милых сердцу грязных обоев, которые так преданно помогали ему заканчивать многие рукописи?

Эллери тупо смотрел на четыре с половиной фразы, отпечатанные на листе, вставленном в машинку, и складывал руки в молитвенном жесте, когда в кабинет вошел его отец.

— Все еще работаешь? — устало спросил он и быстро удалился при виде мучительного зрелища.

Но через пять минут старик появился вновь, неся запотевший стакан с зеленоватым коктейлем, которым успел освежиться. Эллери стучал себя кулаком по виску.

Инспектор Квин опустился на диван, продол-

жая потягивать коктейль.

— К чему колотить себя по мозгам? — осведомился он. — Кончай работу, сынок. У тебя на этой странице меньше, чем было, когда я уходил утром.

— Что? — отозвался Эллери, не оборачиваясь.

— Заканчивай работу.

Эллери наконец обернулся:

— Не могу. Я и так запаздываю.

— Еще наверстаешь.

Эллери коротко усмехнулся:

— Если не возражаешь, папа, я все-таки попытаюсь работать.

Инспектор поднял стакан:

— Приготовить тебе то же самое?

— Что именно?

— «Типперери», — терпеливо объяснил старик. — Особый рецепт дока Праути.

— Из чего он состоит? — спросил Эллери, поправляя вставленный в машинку лист на сотую долю дюйма. — Я уже пробовал особые рецепты дока Праути и убедился: они все отдают запахом его лаборатории. Что это за зеленая гадость?

— Шартрез, смешанный с ирландским виски и сладким вермутом.

— А не с мятным ликером? Храни нас Боже от

профессиональных ирландцев! Если ты заделался барменом, папа, приготовь мне «Джонни на камнях».

Старик принес скотч. Эллери сделал глоток, поставил стакан рядом с машинкой и начал сгибать пальцы. Инспектор снова сел на диван, сдвинув колени, как викарий во время официального визита, потягивая «Типперери» и наблюдая. Когда пальцы сына готовились опуститься на клавиши, отец семейства со вздохом промолвил:

— Жуткий был денек.

Сын медленно опустил руки, откинулся на спинку стула и потянулся к стакану.

— Ладно, — сказал он. — Я слушаю.

— Нет-нет, сынок, я просто подумал вслух. Ничего важного — жаль, что я прервал твою работу.

— Мне тоже жаль, но факт, как сказал бы де Голль, свершился. Теперь я смог бы напечатать не больше, чем лежа на смертном одре.

— Я же сказал, что сожалею, — проворчал инспектор, вставая. — Вижу, мне лучше убраться отсюда.

— Сиди, где сидишь. Очевидно, ты вторгся в мои владения с заранее обдуманными дурными намерениями, как любила говорить моя знакомая леди из шоу-бизнеса, вопреки правам, гарантиро-

ванным четвертой поправкой к конституции.[30] — Старик снова сел с озадаченным видом. — Между прочим, как ты смотришь на то, чтобы не разговаривать на пустой желудок? Миссис Фабрикант оставила нам свое знаменитое — точнее, пользующееся дурной славой — ирландское жаркое. Сегодня Фабби пришлось уйти раньше…

— Я не хочу есть, — быстро прервал инспектор.

— Превосходно! Тогда я позже спущусь в забегаловку Сэмми и закушу горячей кошерной пастромой с еврейским жареным хлебом и пикулями. А стряпню Фабби мы можем отдать сеттеру Дилихэнти, поскольку он ирландец.

— Отлично. Тогда как насчет еще одной порции? — Эллери с трудом принял вертикальное положение, размял затекшие мышцы, подошел со своим стаканом к отцу и взял у него пустой стакан. — Ты все еще идешь долгим путем?

— Долгим путем?

— До Типперери.[31] Каковы пропорции?

— По три четверти унции ирландского виски,

---

[30] ПРИМЕЧАНИЯ: 30

Четвертая поправка к конституции США гарантирует защиту от необоснованных обысков и арестов.

[31] ПРИМЕЧАНИЯ: 31

«Долог путь до Типперери» — английская песня композитора Харри Уильямса (?–1930) на слова Джека Джаджа (1878–1938).

сладкого вермута и…

— Знаю. — Эллери содрогнулся и направился в гостиную. Вернувшись, он сел не за письменный стол, а в мягкое кресло лицом к дивану. — Если ты нуждаешься в амбулаторной помощи, папа, то я не в состоянии поднять зад. Срок сдачи книги дышит мне в затылок. Но если тебя удовлетворит совет, данный в кресле… Короче говоря, в чем дело?

— В трети от полумиллиарда долларов. И тут нечего ухмыляться, — сердито добавил инспектор.

— Это истерия разочарованного писателя, папа. Я правильно расслышал? Полмиллиарда?

— Абсолютно правильно.

— Ну и ну… Чьи же они?

— «Импортуна индастрис». Слышал что-нибудь об этом предприятии?

— Только то, что это конгломерат из множества компаний, больших и малых, иностранных и местных, которым владеют три брата по фамилии Импортуна.

— Неправильно.

— Неправильно?

— Им владеет один брат по фамилии Импортуна. Двое других носят фамилию Импортунато.

— Они стопроцентные братья? Не единокровные, единоутробные или сводные?

— Насколько я знаю, стопроцентные.

— А как возникла разница в фамилиях?

— Нино, старший брат, очень суеверен, и у него пунктик насчет счастливого числа или еще чего-то… Мне приходится ломать голову над куда более важными вещами. Короче говоря, он сократил свою фамилию, а его братья нет.

— Допустим. Что дальше?

— Проклятие… — Старик с отчаянием сделал большой глоток. — Предупреждаю, Эллери, что получилась чудовищная неразбериха. Не хочу отвечать за то, что втянул тебя в нее, когда ты занят своей работой…

— Заранее отпускаю тебе грехи, папа. Могу это сделать в письменном виде. Ты удовлетворен? Тогда продолжай.

— Ну ладно, — вздохнул инспектор с явным облегчением. — Три брата живут в принадлежащем им многоквартирном доме в Верхнем Ист-Сайде, выходящем фасадом на реку. В доме девять этажей и пентхаус, его спроектировал какой-то знаменитый архитектор в конце 90-х годов прошлого века. Купив дом, Нино Импортуна восстановил его первоначальный облик,

модернизировал водопровод и отопление, установил новейшие кондиционеры — короче говоря, сделал его одним из самых шикарных в районе. Насколько я понимаю, арендаторы проходят там более строгую проверку, чем охранники, прикомандированные к президенту.

— Почему? — осведомился Эллери.

— Этот дом — один из многих, которыми братья — особенно Нино — владеют на всем земном шаре, но именно в «99 Ист», как его называет Импортуна, они осуществляют управление конгломератом — по крайней мере, его американскими компонентами.

— Разве у них нет офисов?

— Офисов? У них куча офисных зданий, однако все главные решения принимаются именно там… Но прежде чем я перейду к убийству…

При этом слове нос Эллери дрогнул, как у сенбернара.

— Не мог бы ты хотя бы сказать мне, кого прикончили, как и где?

— Потерпи минутку, сынок! Ситуация следующая: Нино занимает пентхаус, а его братья Марко и Джулио — апартаменты на верхнем этаже, прямо под пентхаусом. На каждом этаже дома две огромные квартиры — не знаю, сколько в них

комнат. У братьев общее доверенное лицо — парень-секретарь по имени Питер Эннис, красивый и, очевидно, смышленый малый, иначе он не удержался бы на такой работе…

— Доверенное лицо, секретарь — слишком неопределенное понятие. Какую именно работу Эннис выполняет для братьев?

— Он говорит, что в основном занимается их личными делами, но поскольку братья управляют предприятиями из дома, то Эннис наверняка осведомлен и об их бизнесе. Как бы то ни было, сегодня рано утром…

— Все братья женаты?

— Только Нино — двое других холосты. Так ты хочешь, чтобы я перешел к убийству, или нет?

— Я весь внимание.

— Когда Эннис утром явился на работу, то обошел все три квартиры, как, по его словам, делает всегда, и обнаружил младшего брата, Джулио, мертвым. Там было настоящее кровавое месиво…

— Где именно он его обнаружил?

— В библиотеке квартиры Джулио. Ему размозжили голову — одним ударом превратили мозги в кашу — во всяком случае, с одной стороны. Убийство само по себе скверная штука, но,

учитывая то, что прикончили одного из членов правящей династии империи Импортуна, пошли взрывные волны…

— Какие еще волны?

— Ты не слушал шестичасовые новости?

— Я не включал радио всю неделю. Так что произошло?

— Убийство Джулио Импортунато потрясло фондовую биржу. Не только Уолл-стрит, но и европейские валютные рынки. Это первое следствие. Есть и второе. Комиссар давит с одной стороны, мэр — с другой, а я оказался между двух огней.

— Черт! — Эллери метнул злобный взгляд на пишущую машинку. — Ну, продолжай.

— Какой смысл? Это бесполезно, Эллери. Возвращайся к своей работе. — Инспектор сделал вид, что встает. — Я уж как-нибудь справлюсь.

— Ты знаешь, что можешь здорово действовать на нервы? — сердито сказал Эллери. — Что значит «бесполезно»? Польза всегда есть! Но я не могу быть полезным, пока ты держишь меня в неведении. Каковы факты? Есть какие-нибудь улики?

— Есть. По крайней мере две. — Старик умолк.

— А конкретно?

— Обе указывают прямиком на убийцу, — бод-

ро ответил инспектор.

— На кого именно?

— На Марко.

— Брата жертвы?

— Верно.

— Тогда в чем проблема? Не понимаю, папа. Ты выглядишь озадаченным и в то же время говоришь, что у тебя имеется пара улик, непосредственно связывающих брата убитого с преступлением.

— Так оно и есть.

— Но… Ради бога, что это за улики?

— Достоверные, но ты бы назвал их старомодными. — Инспектор потянул себя за усы. — Вы, современные авторы детективов, постеснялись бы использовать их в своих историях.

— Ладно, ты довел мой интерес до точки кипения, — мрачно сказал Эллери. — Давай вернемся к делу. Что это за достоверные и старомодные улики?

— Судя по состоянию библиотеки Джулио, там происходила жестокая борьба. Так вот, мы нашли на месте преступления пуговицу…

— Какую?

— Золотую, с монограммой «МИ».

— Ее идентифицировали как принадлежащую

Марко Импортунато?

— Угадал. На ней остались нитки. Это первая улика.

— Пуговицы, найденные на месте преступления, вышли из моды вместе с длинными гетрами и стоячими воротничками, — заметил Эллери. — А другая улика?

— Вышла из моды вместе с мешковатыми костюмами.

— Но что она собой представляет?

— След ноги.

— Босой ноги?

— Мужского ботинка.

— Где его нашли?

— В библиотеке убитого — на месте преступления.

— И вы считаете, что это след Марко?

— Мы в этом уверены.

— Пуговица и след ноги! — воскликнул Эллери. — В 1967 году! Ну, полагаю, такой анахронизм возможен. Но если все настолько ясно, что тебя беспокоит?

— Все не так уж ясно.

— Но ты сказал…

— Я же предупреждал тебя, что дело сложное.

— В каком смысле?

Старик поставил пустой стакан на пол, где его, очевидно, было удобнее пнуть. Эллери с подозрением наблюдал за ним.

— Мне искренне жаль, что я рассказал тебе об этом. — Инспектор поднялся. — Давай все забудем, сынок. Я имею в виду, ты забудь.

— Благодарю покорно! Как я могу это сделать? Очевидно, это одно из тех дел, которые только кажутся простыми. Следовательно…

— Да? — с нетерпением подбодрил его инспектор.

— У меня внезапно начался рецидив брюшного тифа. Знаешь, папа, последствие попадания ружейной пули, которая угодила мне в плечо, разбила кость и задела подключичную артерию в битве при Майванде.[32]

— Угодила в плечо?! — недоуменно воскликнул его отец. — Какая пуля задела тебе артерию? В какой еще битве?

— Наверное, мне придется уведомить моего издателя о задержке сдачи очередной книги. В конце концов, что это изменит? Вероятно, она и так безнадежно затерялась в их графике. Никто в издательской профессии не уделяет внимания

---

[32] ПРИМЕЧАНИЯ: 32

Эллери цитирует рассказ доктора Ватсона о ранении, полученном им в Афганистане, из романа А. Конан Доила «Этюд в багровых топах».

автору детективов — разве только подсчитывая прибыли от его презренных трудов. Мы — чернорабочие литературы.

— Эллери, я не хочу быть причиной…

— Ты это уже говорил. Конечно, хочешь, иначе съел бы несколько кусочков стряпни Фабби и лег в кровать, даже не сообщив мне, что вернулся домой. Ну а почему бы и нет? В деле замешаны важные персоны, сливки нью-йоркского бизнеса, ты не становишься моложе, а я никогда не покидал тебя в беде. Так что давай приступим.

— Ты действительно этого хочешь, сынок?

— По-моему, я только что это сказал.

Поведение инспектора Квина резко изменилось.

— В таком случае надевай пиджак! — скомандовал он.

Эллери поднялся:

— Куда мы отправимся?

— В лабораторию.

* * *

Сержант Войтершак, один из самых надежных сотрудников Бюро технической службы, сегодня работал сверхурочно. По этому факту Эллери оценил важность дела в глазах начальства, ста-

рающегося не перерасходовать бюджет. Сержант изучал сквозь лупу золотую пуговицу с обрывками ярко-голубых ниток.

— В чем проблема, Джо? — спросил инспектор Квин. — Я думал, ты покончил с пуговицей.

— Так оно и есть.

— Тогда почему ты снова ее обследуешь?

— Потому что она мне чертовски не нравится, — мрачно ответил сержант Войтершак. — И я не вижу, чтобы вы прыгали от радости, инспектор.

— Эллери хочет на нее взглянуть.

— Привет, Джо, — поздоровался Эллери.

— Добро пожаловать. — Сержант протянул ему лупу и пуговицу.

— Кажется, папа, — промолвил Эллери, разглядывая пуговицу, — ты говорил, что ее оторвали во время борьбы.

— Разве?

— Ну, не совсем. Но я понял…

— Думаю, сын мой, тебе предстоит узнать, — сказал инспектор Квин, — что в этом деле предположения весьма рискованны. Я сказал, что в комнате были следы борьбы и что мы нашли там золотую пуговицу, но не говорил, что эти два факта непременно связаны друг с другом. Ну а ты

что скажешь, Эллери?

— Я вижу несколько обрывков ниток одинаковой длины с ровными аккуратными кончиками. Если бы пуговицу оторвали рукой во время борьбы, то длина обрывков была бы разной, а кончики растрепанными. Пуговицу отрезали инструментом с острым краем — ножницами или ножом, скорее всего ножницами.

— Правильно, — кивнул сержант Войтершак.

— Верно, — подтвердил инспектор Квин.

— Ее нашли в руке убитого?

— На полу.

Эллери пожал плечами:

— Впрочем, если бы вы нашли пуговицу в руке, это ничего бы не изменило. Кто-то отрезал ее от какой-то одежды принадлежащей Марко Импортунато. Так как ее нашли на месте преступления, напрашивается вывод, что пуговицу поместили туда специально для полицейских. И это сделал тот, кто очень не любит братца Марко.

— Ты попал в точку, — сказал инспектор. — Таким образом, то, что сначала казалось бесспорной уликой против Марко, превращается в грязную клевету на него. Простое дело становится не таким уж простым.

Нахмурившись, Эллери поднял пуговицу за

ободок и перевернул ее. Рельефный рисунок на лицевой стороне представлял собой рамку из перекрещенных якорей и тросов с искусно вплетенными внутрь инициалами «МИ».

Отложив пуговицу, Эллери повернулся к сержанту:

— С отпечатка ноги сняли гипсовый слепок? Я бы хотел взглянуть на него.

Войтершак покачал седеющей головой.

— Разве инспектор не описал вам его?

— Нет, — отозвался инспектор. — Я не хотел влиять на его впечатления.

Сержант передал Эллери пачку фотографий сильно увеличенного следа, снятого с различных углов, на чем-то, что напоминало ковер с коротким ворсом.

— На чем остался этот отпечаток? — спросил Эллери. — Похоже на пепел.

— Это и есть пепел, — ответил Войтершак.

— Какой именно?

— Сигарный.

Пепла было очень много. На одной фотографии, сделанной с несколько большего расстояния, виднелась опрокинутая стеклянная пепельница с подставкой из слоновой кости, лежащая на ковре примерно в футе от груды пепла.

— От каких сигар этот пепел? — осведомился Эллери.

— От тех, которые ребята нашли в портсигаре на письменном столе убитого. Первосортные гаванские.

— Должно быть, пепельница была переполненной, когда перевернулась.

— Все говорят, что Джулио был завзятым курильщиком сигар, — сказал инспектор. — А горничная не убирала в его библиотеке со вчерашнего дня.

— Значит, пепельница могла упасть со стола во время борьбы?

— Похоже на то. Джо покажет тебе серию фотографий комнаты. Стулья и лампы опрокинуты, двухсотлетняя китайская ваза разбита вдребезги, полка с каминным оборудованием тоже перевернута — кстати, массивная трехфутовая кочерга в форме трезубца стала орудием убийства, — старинный табурет разлетелся в щепки — очевидно, на него кто-то упал. Так что ты скажешь насчет отпечатка ноги, Эллери?

— Правый мужской ботинок небольшого размера — максимум восьмого, а может, даже седьмого. Рифленая подошва — возможно, резиновая. Безусловно, это спортивная обувь. Через всю

подошву по диагонали тянется нечто похожее на глубокий разрез. Безусловно, это не деталь рисунка — разрез пересекает четыре бороздки рифления под острым углом. Это должно превратить идентификацию в задачку для детского сада, папа. Конечно, если вы найдете обувь.

— Уже нашли, — сказал инспектор. — Ботинок для яхтсменов на резиновой подошве был обнаружен на девятом этаже «Ист-Сайда 99» на полке для обуви в гардеробной восточных апартаментов, примыкающих к хозяйской спальне. Размер около семи с половиной. Идеально совпадает со следом в пепле. И имеет разрез в подошве, пересекающий те же бороздки под таким же углом.

— В квартире Марко Импортунато? Это его ботинок?

— В его квартире, и ботинок тоже его.

— Джо, ботинок сейчас здесь?

Сержант Войтершак продемонстрировал ярко-голубой спортивный ботинок на толстой резиновой подошве. Эллери стал изучать разрез.

— У вас есть кронциркуль или щипчики, Джо, — что-нибудь, чтобы раздвинуть края разреза?

Войтершак протянул ему инструмент и лупу. Оба полицейских молча наблюдали, как Эллери раздвинул края и уставился в недра разреза через

увеличительное стекло.

— Сомнений быть не может, — кивнул он. — Разрез, безусловно, сделан недавно и, судя по длине и одинаковой глубине, не мог быть результатом того, что человек в этом ботинке наступил на что-то острое — разве только он балансировал на лезвии топора. Таким образом, разрез поперек четырех бороздок в подошве сделали намеренно. А поскольку такая спортивная обувь продается почти везде, и отследить происхождение ботинка было бы нелегко, целью разреза являлась идентификация — с его помощью отпечаток в сигарном пепле можно было легко связать с конкретным ботинком Марко Импортунато. Иными словами, снова с целью ложно обвинить Марко в убийстве его брата Джулио. Марко уже допрашивали?

— Очень деликатно, — ответил инспектор Квин. — Мы решили, что в таком деле лучше не спешить. Пока что мы продвигаемся на ощупь.

Эллери поставил ботинок, и сержант Войтершак спрятал его.

— И это все улики против Марко? — спросил Эллери. — Золотая пуговица и отпечаток ботинка?

— Он к тому же левша, — добавил инспектор.

— Левша? Невероятно. Сегодня на уловку с убийцей-левшой уже никто не купится.

— Да, в детективных романах.

— Есть указания на то, что преступление совершил левша?

— Что он мог его совершить.

— И полагаю, все прочие подозреваемые — правши?

— Не знаю насчет всех — их может оказаться великое множество, а мы еще не разобрались со всеми, которые у нас под рукой. Но братья Марко — Джулио, убитый, и Нино, который возглавляет корпорацию, — правши.

— А что указывает на то, что преступление мог совершить левша?

Инспектор Квин кивнул сержанту. Войтершак молча передал Эллери очередную пачку фотографий. Старик постучал по верхней:

— Смотри сам.

Снимок, изображавший угол комнаты, с эстетической точки зрения не был образцом фотографического искусства. Позади массивного дубового письменного стола, щедро украшенного резьбой, на вращающемся стуле сидел человек — вернее, то, что прежде было человеком. Снимок был сделан по другую сторону стола, лицом к мертвецу. Верхняя часть туловища и голова упали вперед на крышку стола, а голова с одной

стороны была раздроблена.

На столе лежали большой блокнот и несколько листов бумаги — большая часть крови и мозга попала на газету, где оказалась размозженная часть головы. Вся эта сторона — головы, плеча и стола — являла собой жуткий беспорядок.

Эллери скорчил гримасу.

— Судя по ране, дело обошлось одним страшным ударом, нанесенным с размаху. — Он ткнул пальцем в цветную фотографию. — Вопрос: если между Джулио и его убийцей произошла жестокая схватка с разбиванием ваз и ломанием мебели, каким образом Джулио мог быть обнаружен более-менее мирно сидящим за столом?

— Очевидно, в схватке убийца одержал верх, — пожал плечами инспектор, — и каким-то образом — угрозами или уговорами — заставил Джулио сесть, возможно, чтобы обсудить разногласия, из-за которых произошла драка, а потом огрел беднягу кочергой. Это единственная теория, которая имеет хоть какой-то смысл.

— Время убийства удалось определить? Что сказал человек Праути?

— Человек Праути! Ты шутишь? Это преступление является достаточно важным, чтобы заставить прибыть великого доктора Праути

собственной персоной. По его приблизительной оценке, смерть наступила около десяти вечера.

— Кто-нибудь слышал звуки борьбы?

— Помещения для прислуги находятся с другой стороны квартиры. А стены здесь настолько плотные, что в одной из комнат можно устроить детский праздник и никто об этом не узнает. Когда строили «99 Ист», стены были настоящими — не то что нынешние картонные перегородки. Нет, никто ничего не слышал.

Эллери положил фотографию. Сержант Войтершак потянулся к ней, но Эллери подобрал ее снова.

— А Праути не мог быть поточнее насчет времени?

— Беспокоишься, сынок? — усмехнулся старик. — Дело не вписывается в твои обычные стандарты? Нет, не мог — во всяком случае, сегодня. Док говорит, что даст нам более точную информацию, как только сможет — если сможет вообще.

— В этом деле ты, кажется, ни в чем не уверен.

— А ты, кажется, не спешишь ухватиться за теорию с левшой.

Эллери нахмурился и посмотрел на фотографию. Одна из коротких сторон стола упиралась в

боковую стену. Таким образом, длинные стороны были параллельны задней стене позади стула мертвеца.

— Тут нет никакой тайны, — сказал Эллери. — Во всяком случае, на этом снимке. Если Джулио во время удара сидел на стуле в обычной позе, то, судя по углу соприкосновения орудия с головой жертвы, удар, безусловно, мог нанести левша.

Инспектор и сержант кивнули без особого энтузиазма.

— Это все? — спросил инспектор Квин.

— Для меня нет, — ответил Эллери. — Это соответствует тому, что Марко — левша, но если его старались оклеветать, если пуговица и след ноги — подтасовка, то и указания на левшу могут быть подтасованы. Я бы хотел побывать в библиотеке Джулио, папа. Можешь устроить, чтобы секретарь… как бишь его… Питер Эннис встретился там с нами?

* * *

Без двадцати пяти десять вечера Квины поднялись в маленьком частном лифте на девятый этаж «99 Ист» и вышли в скромный вестибюль перед восточной и западной квартирами. Внизу им пришлось пробиваться сквозь осиный рой ре-

портеров и фотографов, поэтому они выглядели потрепанными.

— Откройте, — приказал инспектор Квин полицейскому, дежурившему у двери восточной квартиры. Тот постучал трижды, и дверь отпер изнутри другой полицейский.

— Внизу дела плохи, инспектор? — спросил он.

— Проходу не дают. Все в порядке, Малви, мы найдем дорогу. Во мне кипит кровь ищейки.

Эллери последовал за отцом, разглядывая высокие потолки и орнаментику в стиле рококо. Мебель была массивной и большей частью итальянской, но яркий декор, не связанный с каким-либо периодом, выражал вкусы декоратора — несомненно, самого Джулио Импортунато. Очевидно, убитый был беспечным жизнелюбом, подумал Эллери. Портрет маслом в натуральную величину подтверждал его догадку. Это был высокий одутловатый мужчина с пышными усами и дружелюбными озорными глазами, напомнивший Эллери картину Халса «Цыган», которую он видел в Лувре. Символика художника соответствовала характеру избранного им персонажа. На столе, у которого был изображен младший из трех братьев, возле пустой винной бутылки, лежали игральные кости, высыпанные из перевернутой

кожаной коробки, а покоящийся на том же столе кулак Джулио сжимал ножку бокала. В зеркале на заднем плане отражалась широкая кровать, на которой лежала улыбающаяся обнаженная женщина солидных габаритов. Раму украшали золотые купидоны.

— Жаль, — промолвил Эллери.

— О чем ты?

— Просто у меня в голове мелькнула пошлая мысль о смерти… Сколько же комнат в этом лабиринте?

Наконец они добрались до места преступления. Библиотека, по словам инспектора Квина, пребывала в том же состоянии, в каком ее застал Питер Эннис, хотя полицейским пришлось кое-что передвинуть во время обследования. Стулья были опрокинуты, разбитые лампы лежали на полу, подставка для каминного оборудования валялась на камнях очага, даже обломки старинного табурета находились на прежнем месте. И хотя тело Джулио Импортунато уже убрали, оставался его суррогат — очертания торса и головы, нарисованные мелом на окровавленном письменном столе.

— След ботинка был здесь? — Эллери указал носом туфли на дыру диаметром около двух

футов, вырезанную в синем индийском ковре. Дыра располагалась возле одного из передних углов стола.

Инспектор кивнул.

— Кусок ковра вырезали для окружной прокуратуры в надежде, что его примут как улику.

— А Эннис здесь?

Инспектор подал знак полицейскому, который открыл дверь в дальнем конце библиотеки, и в комнату вошли двое мужчин. Появившийся первым никак не мог быть Эннисом — он шагал не спеша, словно капитан по палубе своего корабля. Питер Эннис следовал за ним мелкими быстрыми шажками, являя собой образец подчиненного — походка скрадывала его природное преимущество над боссом в росте.

— Это мистер Импортуна — мистер Нино Импортуна, — представил секретарь высоким тенором, не соответствующим его общим пропорциям и мужественной внешности.

Никто не отозвался, и Эннис, покраснев, шагнул назад.

Импортуна остановился перед письменным столом убитого брата, глядя на засохшую кровь, комочки мозговой ткани и обведенные мелом контуры. Каковы бы ни были его чувства, он их

не проявлял.

— Я впервые вижу… это. — Правая рука с четырьмя пальцами описала овал. — До сих пор меня сюда не пускали.

— Вам и теперь не следовало бы находиться здесь, мистер Импортуна, — сказал инспектор Квин. — Я предпочел бы избавить вас от тяжелого зрелища.

— Очень любезно с вашей стороны, но в этом нет необходимости. — Голос мультимиллионера был сухим, как заброшенный колодец. — Итальянские contadini[33] привыкли к виду крови… Значит, вот как в наши дни выглядит убийство брата. Хладнокровное убийство.

— Почему вы сказали «хладнокровное убийство», мистер Импортуна? — спросил Эллери.

Мультимиллионер окинул его взглядом:

— Кто вы такой? Вы не полицейский.

— Это мой сын Эллери, — быстро сказал инспектор. — У него профессиональный интерес к убийству, мистер Импортуна, хотя его профессия не связана с полицией. Он пишет о преступлениях.

— Вот как? И мой брат Джулио служит для вас

---

[33] ПРИМЕЧАНИЯ: 33
Крестьяне (ит.).

сырьем, мистер Квин?

— Не ради выгоды, — ответил Эллери. — Мы чувствуем, что это непростое дело, мистер Импортуна, и я помогаю в расследовании. Но вы не ответили на мой вопрос.

— Вы понимаете по-итальянски?

— Очень немного. Так почему «хладнокровное»?

— Насколько я понял, моего брата убили одним очень сильным и точным ударом. Это не похоже на слепую ярость. Если бы на Джулио напали в приступе гнева, ударов было бы много.

— Вам следовало стать детективом, мистер Импортуна, — одобрил Эллери. — Вы сделали очень важное замечание.

Нино Импортуна пожал плечами.

— Кстати, джентльмены, я прошу прощения за отсутствие моей жены. Миссис Импортуна была очень привязана к Джулио. Его убийство так потрясло ее, что я запретил ей появляться в этой квартире.

— Разумеется, нам придется с ней побеседовать, — сказал инспектор Квин. — Но когда вашей жене будет удобно — никакой спешки нет.

— Благодарю вас. Как я понимаю, вы хотите снова расспросить моего секретаря мистера Энниса?

— Этого хочет мой сын.

— Питер, сообщи мистеру Квину все, что он желает знать.

Коренастый мужчина отошел к ближайшей стене. Там стоял стул, но он им не воспользовался, а прислонился к стене и сжал по-женски мягкие губы, не отводя взгляда от Эллери.

— Полагаю, вы хотите, чтобы я повторил свою историю, — начал Питер Эннис. — Я имею в виду, как я обнаружил…

— Нет, — прервал Эллери.

— Нет?

— Я бы хотел услышать о ваших впечатлениях, мистер Эннис, когда вы справились с первым шоком при виде убитого мистера Импортунато…

— Боюсь, я не вполне понимаю… — Светловолосый секретарь запнулся.

— Я вас за это не упрекаю, — улыбнулся Эллери. — Я и сам толком не уверен, что ищу. Скажите, показалось ли вам что-нибудь в комнате не совсем обычным? Как я понимаю, вы вхожи во все три квартиры. Иногда, появляясь в знакомом месте, мы испытываем смутное беспокойство, потому что какой-то из предметов передвинут, исчез или, напротив, появился.

— Разумеется, многие вещи были опрокинуты

и разбиты…

— Помимо них, мистер Эннис.

— Ну…

— Одну минуту.

Инспектор Квин увидел, как Эллери внезапно застыл, напоминая собаку, натасканную для охоты за птицей, и глядя на что-то на ковре между письменным столом и задней стеной.

Внезапно Эллери подбежал туда, опустился на одно колено и стал изучать это место вблизи, потом отошел к задней стене и обследовал что-то у ее основания. После этого он подбежал к передней стороне стола, встал на четвереньки и заглянул под него на расстоянии примерно трети длины стола от боковой стены.

Поднявшись, Эллери позвал полицейского.

— Помогите мне, пожалуйста. — Он велел приподнять стол у переднего угла, ближайшего к боковой стене. — Всего на дюйм… Немного выше… Вот так. Подержите его минутку. — Эллери уставился на ковер под ножкой стола. — Отлично. Теперь подойдите сюда.

Он попросил своего помощника повторить процедуру с тремя остальными углами стола. Обследование возле угла рядом с боковой стеной заняло чуть больше времени.

Наконец Эллери кивнул полицейскому и встал.

— Ну? — В голосе инспектора не слышалось ожидания сюрприза.

Эллери бросил взгляд на Энниса и Импортуну. Когда его отец едва заметно кивнул, он вернулся к месту, которое обследовал прежде всего.

— Если вы посмотрите на ковер здесь, — сказал Эллери, — то увидите в нем круглую вмятину того же диаметра, что основания ножки стола, но не в том месте, где сейчас стоит ножка. В то же время, если вы поднимете ближайший угол стола и обследуете место на ковре, где теперь стоит ножка, то увидите любопытную вещь — вмятина там куда менее глубокая, чем в том месте, где ножки сейчас нет.

Эллери перешел ко второму пункту своих исследований — позади стола и почти у основания задней стены.

— Здесь присутствует тот же феномен: очень глубокая впадина там, где ножки сейчас нет, но где она, очевидно, стояла долгое время. А где теперь стоит соответствующая ножка, вмятина значительно менее глубокая. Пройдите к передней стороне стола у боковой стены, и под столом вы увидите на ковре еще одну глубокую вмя-

тину, а под ближайшей ножкой — снова более мелкую.

А если вы обследуете ковер под задней ножкой, ближайшей к боковой стене, то обнаружите самый интересный феномен — не мелкую вмятину, как под тремя другими ножками, а более глубокую, чем все остальные! Как будто эту ножку использовали в качестве оси вращения.

Единственный возможный вывод состоит в том, что стол передвинули с обычного места туда, где он стоит теперь. И, судя по глубине впадин под ножками в их нынешнем положении, передвинули совсем недавно.

— Ну? — тем же бесстрастным тоном произнес инспектор.

— Давайте используем глубокие впадины как указатели… Пожалуйста, — обратился Эллери к полицейскому, — подержите этот край стола… и, поворачивая стол на задней ножке к боковой стене, установим ножки на глубоких впадинах… нет, еще чуть-чуть… вот так. Теперь мы вернули стол в обычное положение — по диагонали к углу, с вращающимся стулом в треугольном пространстве, образовавшемся позади. У краев очень мало места, чтобы протиснуться к стулу. Во всяком случае, мистеру Импортунато с его габаритами

это было нелегко. Не так ли, мистер Эннис?

Питер Эннис был явно смущен.

— Право, не знаю, что сказать, мистер Квин. Конечно, стол всегда стоял именно так. Не понимаю, почему я не заметил, что его передвинули. Вероятно, из-за потрясения…

— Вполне возможно, — вежливо согласился Эллери. — А вы, мистер Импортуна? Очевидно, это ускользнуло и от вас?

— Мистер Импортуна редко приходит сюда… — быстро начал Эннис.

— Я могу сам ответить, Питер, — прервал Нино Импортуна, и молодой человек покраснел снова. — Я заметил, что стол передвинут, мистер Квин, как только вошел сюда. Но я думал, что это сделала полиция во время первоначального осмотра. — Его взгляд был непроницаемым. — Разве это что-то меняет? Вы усматриваете в этом особый смысл?

— Каждое изменение вносит разницу, — ответил Эллери. — А смысл в этом я действительно усматриваю, мистер Импортуна. Как в пуговице и следе ботинка.

— Какая пуговица? Какой след? — Мультимиллионер уставился на него. — Никто мне не говорил…

Инспектор просветил его с несвойственной ему откровенностью. Прочесть что-либо в его глазах также было невозможно.

— Пуговица и след ботинка были оставлены, чтобы обвинить вашего брата Марко, мистер Импортуна, — снова заговорил Эллери. — Передвижение стола Джулио, очевидно, имело ту же цель. Марко — левша. Судя по положению стола в то время, когда было обнаружено тело Джулио — параллельно задней стене, — и по тому, какая сторона головы Джулио приняла на себя удар, его вполне мог нанести левша. Это снова указывает на вину Марко — по крайней мере, не противоречит концепции.

Но теперь мы знаем, что такое положение стола было очередной подтасовкой. Когда стол стоял в первоначальной позиции — по диагонали к углу, — левша никак не мог нанести удар по той стороне головы Джулио, где находится рана, так как ему просто не хватило бы места, чтобы взмахнуть кочергой. Должно быть, убийца понял это и, чтобы создать возможность предположения об ударе левой рукой, передвинул стол.

Теперь не только пуговица и отпечаток ботинка, но и сама версия насчет левши — короче говоря, все доказательства против Марко выгля-

дят более чем сомнительно. Конечно, это явится для Марко величайшим облегчением, но нас оставляет без единой зацепки.

Эллери посмотрел на отца:

— Ты ведь тоже знал о столе?

Инспектор кивнул:

— Вот почему я так стремился привлечь тебя к расследованию, Эллери. Такая изобретательная подтасовка скорее по твоей части, чем по нашей.

— Боюсь, я не вполне понимаю, — промолвил Нино Импортуна.

— Кто-то хотел не только убить вашего брата Джулио, мистер Импортуна, — объяснил Эллери, — но и вывалять в грязи вашего брата Марко. Кто настолько ненавидел их обоих, чтобы убить одного и оклеветать другого?

— Я уже говорил инспектору Квину и другим полицейским чиновникам, которые побывали здесь сегодня, мистер Квин, что по отношению к Джулио не могу себе представить ничего подобного. Он походил на толстого и веселого щенка сенбернара, который, играя, опрокидывал мебель и сбивал людей с ног. У него не было ни желания, ни средств кому-то повредить. Он был щедрым и богобоязненным человеком, всегда помогавшим другим…

— Вы описываете святого, мистер Импортуна, — заметил Эллери. — Но его портрет в этой квартире свидетельствует, что у святого имелись некоторые слабости. Например, игра…

— Если вы предполагаете, что у Джулио были финансовые затруднения: скажем, с мафией или еще с кем-то в преступном мире, мистер Квин, то уверяю вас, это не так. А если бы они и были, то мы с Марко давно бы избавили его от них. — Мягкие губы растянулись в улыбке.

— Ну а женщины? — осведомился Эллери.

Нино Импортуна пожал плечами:

— Женщин у Джулио было много. Но к тому времени, как он бросал их, они становились богаче и счастливее.

— У женщин иногда бывают ревнивые мужья, мистер Импортуна.

— Джулио не связывался с замужними женщинами, — резко сказал мультимиллионер. — В нашей семье это всегда строго запрещалось. Уважение к святости брачных обетов воспитывали в нас с детства. Джулио мог спать с чужой женой с такой же вероятностью, как изнасиловать монахиню.

— Тогда как насчет вашей деловой империи, мистер Импортуна? Едва ли вы трое могли до-

стичь подобных успехов, не наступив на ноги многим — фактически не разрушив несколько жизней. В бизнесе Джулио тоже был святым?

Губы раздвинулись снова.

— Вы не колеблетесь говорить откровенно, мистер Квин, не так ли?

— Да, если речь идет об убийстве.

Мультимиллионер кивнул:

— Вижу, вы преданы своему делу. Нет, мистер Квин, Джулио не питал склонности к большому бизнесу. Он часто говорил, что был бы куда счастливее в качестве venditore di generi alimentari,[34] продавая целыми днями помидоры и сыр. Я не отрицаю справедливости ваших слов. Чтобы делать большие деньги на международном рынке, нужно быть… как это вы говорите… inumano[35]… spietato[36]… бесчувственным. Марко и особенно я можем быть spietato, когда это необходимо. Я никогда не просил Джулио присоединяться к нам в подобных делах, а если бы попросил, то он бы отказался. Я держал Джулио в стороне, ради

---

[34] ПРИМЕЧАНИЯ: 34
Торговец продовольственными товарами (ит.).

[35] ПРИМЕЧАНИЯ: 35
Бесчеловечный (ит.).

[36] ПРИМЕЧАНИЯ: 36
Безжалостный (ит.).

спокойствия его души. Как я уже сказал, Джулио был добрым, богобоязненным человеком. Его любили абсолютно все.

— Боюсь, что не все, — вздохнул Эллери. — Нам известно по крайней мере одно исключение. А Марко, мистер Импортуна? Его тоже все любят?

Массивная голова покачнулась — Эллери не мог понять, в знак отрицания или раздражения. Мультимиллионер что-то тихо и быстро пробормотал по-итальянски, чего Эллери не смог разобрать. Глядя в глаза Импортуны, он подумал, что, возможно, это к лучшему.

— Пожалуй, — внезапно заговорил инспектор Квин, — мы переберемся в квартиру напротив, мистер Импортуна, и побеседуем с вашим братом Марко. Нам давно пора это сделать.

* * *

Если обстановка способна говорить о человеке, думал Эллери, то Марко Импортунато был самым эксцентричным из трех братьев. Его квартира отличалась от апартаментов Джулио, как эпоха Энди Уорхола[37] от Флоренции времен Мике-

[37] ПРИМЕЧАНИЯ: 37

Уорхол, Энди (1928–1987) — американский художник и кинорежиссер, работавший в стиле поп-арт.

ланджело. Все поздневикторианские украшения были удалены, переделаны или скрыты. Белые кубические комнаты походили на больничные палаты, за исключением ярких разноцветных полов. Иногда на глаза неожиданно попадался какой-нибудь артефакт — предмет мебели невообразимой формы и из столь же невообразимого материала, несколько причудливых скульптур, а на одной стен красовался гигантский насос фирмы «Тексако», грозящий свалиться на голову какому-нибудь любителю поп-арта. Эллери задержался в маленькой комнате, любуясь триумфом модернизма над традициями — репродукцией «Композиции в сером и черном» Уистлера, абсолютно точной, за исключением того, что рука старой леди сжимала огромных размеров банан. Другая комната, очевидно, предназначалась для психоделических световых эффектов — Эллери увидел прожекторы, софиты и прочее оборудование, которое можно было регулировать, играя на инструменте, похожем на орган, и, должно быть, рассчитанное на десять тысяч ватт. Ему пришло в голову, что Марко принадлежит к типу ньюйоркца из журнала «Плейбой», который бежит покупать «мазерати-гибби» ради его способности увеличивать скорость от нуля до ста миль в час

за девятнадцать и восемь десятых секунды и испытывает его, мчась к Вестсайдскому шоссе в часы пик.

Они нашли обладателя этих современных сокровищ во вполне ортодоксальном помещении, совмещающем спортзал и игровую комнату. Он был одет в бордовое трико и сидел, скрестив ноги, на батуте, держа в руке стакан, наполненный жидкостью, которая выглядела и пахла как дешевое неразбавленное виски. Бар из черного дерева и стекла, очевидно доставленный из другого помещения, демонстрировал многочисленные признаки предыдущих возлияний.

— Нино! — Марко сполз с батута, не выпуская стакан. — Слава богу! Я пытался связаться с тобой — звонил Вирджинии не знаю сколько раз. Где ты был? Господи, Нино, если я когда-нибудь нуждался в тебе, так это сегодня — в самый ужасный день моей жизни. — Он бросился в объятия брата, расплескивая на обоих виски и рыдая.

— Питер, — произнес Импортуна. Как обычно, в его тоне не слышалось никаких эмоций — ни смущения, ни досады, ни отвращения, ни даже беспокойства.

Эннис поспешил на выручку. Вдвоем они подтащили Марко к стулу. Нино Импортуна забрал у

него стакан, а Эннис взял со стойки бара салфетку и начал вытирать пиджак Импортуны.

— Ничего, — отмахнулся мультимиллионер. — Как видите, он пьян, инспектор Квин. Думаю, вам лучше отложить разговор на другое время.

— Нет, сэр, я расспрошу его теперь, если вы не возражаете. — Инспектор склонился над плачущим человеком: — Вы меня помните, мистер Импортунато?

Марко что-то буркнул.

— Вы знаете, кто я?

— Конечно, знаю, — брюзгливо, но неожиданно четко отозвался Марко. — Вы коп, инспектор какой-то там.

— Квин. А это Эллери Квин, мой сын. Простите, что заставили вас ждать весь день…

— Чертовски верно. Слышишь, Нино? Вот почему я надрызгался. Ждал их проклятых вопросов и не мог ни о чем думать, кроме как о бедном старине Джулио. Ведь он никогда и мухи не обидел. Верни мне мой стакан.

— С тебя хватит, Марко, — сказал его брат.

Марко встал и шагнул к стакану, но Импортуна преградил ему дорогу, и тот снова начал всхлипывать.

— Что вы надеетесь вытянуть из него в таком

состоянии? — обратился Импортуна к инспектору.

— Кто знает? Я не могу ждать, когда он протрезвеет.

— Но что он может знать о смерти Джулио?

— Это я и должен выяснить, мистер Импортуна.

Эллери воспользовался возможностью как следует рассмотреть человека в трико. Если Нино был крепким и приземистым, а Джулио — крупным и мягкотелым, то средний брат — тощим, хлипким и выглядел почти чахоточным. Его оливковая кожа казалась поблекшей, словно долго не видела солнца. Вокруг рта и налитых кровью глаз виднелись глубокие морщины.

Очевидно, Марко Импортуна был невротиком, целиком зависящим от старшего брата. Глядя на его желтоватое худощавое лицо, выражающее горе и страх, Эллери поймал себя на мысли об испуганном ребенке, цепляющемся за ноги отца. Конечно, это был поверхностный и потому ненадежный анализ, но подобные отношения встречались нередко. Переведя взгляд на старшего брата, Эллери увидел на его массивном лице легкое презрение. Это также казалось естественным. Нино Импортуна не принадлежал к людям,

которые уважают слабость, особенно в своих родственниках.

Импортуна подал знак Эннису, и секретарь снова подбежал, чтобы помочь усадить Марко на стул. Потом Нино отошел к бару, вылил большую часть содержимого стакана в раковину и принес брату остаток. Марко сделал судорожный глоток и кивнул, когда Импортуна шепнул ему что-то.

— Теперь он может говорить, — сказал мультимиллионер и унес стакан.

— Мистер Импортунато, — начал инспектор Квин, — вы помните, как вам сегодня утром показывали золотую пуговицу с рисунком в виде якорей и тросов и монограммой «МИ»?

— Пуговицу? — пробормотал Марко.

— Старший инспектор Мэки из полиции Северного Манхэттена показал ее вам, мистер Импортунато, и вы опознали в ней принадлежащую вам. Помните это?

— Конечно помню. Оторвалась от моего морского кителя. Я так ему и сказал. Симпатичный старикан, только изо рта у него скверно пахнет. Кто-нибудь из друзей должен его предупредить…

— Марко, — остановил его старший брат.

— Si. Si bene,[38] Нино.

— Вы знаете, где нашли вашу пуговицу?

Голова Марко качнулась.

— Ее нашли на полу библиотеки вашего брата Джулио.

— Неужели?

— Можете объяснить, как она туда попала, мистер Импортунато? И когда?

Марко быстро заморгал.

Инспектор Квин подошел к батуту, придвинул его ближе к стулу, сел и дружелюбно постучал по волосатому колену человека в трико.

— Я собираюсь нарушить одно из правил полицейского опроса, Марко, — не возражаете, если я буду вас так называть? — и сообщить вам, что еще мы обнаружили. Вы меня слушаете, Марко?

— Si. Я хотел сказать «да».

— Сначала мы подумали, что это вы дрались с Джулио, и он оторвал пуговицу от вашей куртки.

Марко энергично замотал головой.

— Но при более внимательном обследовании мы увидели, что пуговицу не оторвали, а отрезали — вероятно, ножницами. Поэтому мы решили, что кто-то пытался ложно обвинить вас в убий-

---

[38] ПРИМЕЧАНИЯ: 38
Да. Да, хорошо (ит.).

стве брата. Вы меня понимаете?

— Конечно, понимаю, — с достоинством ответил Марко. — И знаете, что я вам скажу? Это не-ле-по!

— Что вы имеете в виду?

— Я могу сообщить вам, кто отрезал пуговицу от моей куртки.

— Ну и кто же?

— Я.

— Вы?

— Чик-чик — и как не бывало. Собственными ножницами. Она еле держалась, а я не хотел ее терять. Все-таки золото. Импортунато — бережливый клан. Не то чтобы у famiglia[39] был выбор. Нельзя разбрасываться тем, чего нет, верно, Нино?

Марко ухмыльнулся, повернувшись к брату, но Импортуна не улыбнулся в ответ.

— Когда это произошло, мистер Импортунато? — спросил Эллери. — Когда вы отрезали пуговицу от вашего кителя?

— Не знаю. Какой сегодня день? Да, вчера. Не было случая приказать Тебальдо пришить ее.

— Тебальдо?

---

[39] ПРИМЕЧАНИЯ: 39
Семьи (ит.).

— Его слуга, — объяснил Импортуна.

— И что вы сделали с пуговицей, мистер Импортунато?

— Что сделал? — обиженным тоном переспросил мужчина в трико. — Положил в карман — вот что. Скажите еще раз, кто вы.

— Моя фамилия Квин. В карман чего? Того же кителя?

— Да, сэр. Si, capitano mio.[40]

— Где сейчас китель, папа? Очевидно, его забрали эксперты?

— В лаборатории.

— Мне надо было осмотреть его, прежде чем мы отправились сюда. Мистер Импортуна, откуда я мог бы позвонить?

— В спальне брата есть телефон.

— Вы позволите, мистер Импортунато?

— Звоните хоть в Токио, — дружелюбно отмахнулся Марко.

Эллери вернулся через несколько минут. Он тянул себя за нос, словно это была ириска.

— Китель полон сюрпризов, папа. Я узнал, что в левом накладном кармане обнаружили дырку по шву — достаточно широкую, чтобы в нее про-

---

[40] ПРИМЕЧАНИЯ: 40
Да, мой капитан (ит.).

валилась пуговица.

Квины посмотрели друг на друга.

— Этот stupido Тебальдо, — покачал головой Марко. — Мне следовало уволить его в первый же день.

— Скажите мне вот что, Марко, — снова заговорил инспектор. — Помните ваш ботинок на резиновой подошве, который мы сегодня позаимствовали?

— Оставьте его себе, — великодушно разрешил Марко. — Можете взять и другой. У меня больше обуви, чем в универмагах «Мейсиз» и «Джимбелс», вместе взятых.

— Вы знаете, что там есть глубокий разрез почти на половине подошвы?

— Конечно знаю! Это произошло… когда же? Ну, не важно. Несколько дней назад.

— Вот как? — Инспектор выглядел озадаченным. — Как именно произошло?

— Я обещал прокатить подружку на одной из моих яхт в Ларчмонте. Она приезжала с севера штата, и я встречал ее на вокзале Грэнд-Сентрал. Ну и наступил там на кусок жвачки, который какой-то олух выплюнул на пол. Это чертовски меня разозлило. Я спустился в мужской туалет, стал выковыривать жвачку перочинным ножом,

лезвие соскользнуло и проделало аккуратный разрез, который вы видели. Как скальпель!

— Почему вы раньше не рассказали нам о том, что отрезали пуговицу от вашего кителя и проделали разрез в подошве вашего ботинка? — сердито проворчал инспектор.

— Потому что вы меня об этом не спрашивали. — Марко снова надулся. — Никто меня не спрашивал. Нино, дай мне еще выпить. Тогда я отвечу на все дурацкие вопросы.

— Нет, — отрезал его брат.

Что-то в его голосе заставило Марко недоуменно моргнуть. Потом он решил обратить все в шутку:

— Знаете, Нино не притрагивается к крепким напиткам — только иногда позволяет себе немного вина. И это мой брат! Никто ни разу не видел его под мухой. Он слишком осторожен, а, Нино?

— Думаю, — обратился к инспектору Импортуна, — мой брат ответил на все вопросы.

— Я почти закончил, мистер Импортуна.

— Не хочу казаться не желающим сотрудничать, но, если вы намерены продолжать, я буду вынужден потребовать присутствия одного из наших адвокатов. Мне следовало настоять на этом с самого начала. Вы же видите состояние

Марко, инспектор. Для всех нас это был очень тяжелый день…

— Что не так с моим состоянием? — Марко поднялся, размахивая костлявыми кулаками. — Теперь меня, чего доброго, назовут пьяницей. Я готов пройти любой тест…

Импортуна кратко кивнул, и Питер Эннис вновь подскочил, помогая утихомирить разбушевавшегося Марко. Пока они усаживали его на стул, Квины воспользовались возможностью посовещаться.

— То, что Марко сам отрезал пуговицу и случайно разрезал подошву своего ботинка, — пробормотал инспектор Квин, — сводит на нет теорию подтасовки, Эллери. Пуговица, которая просто выпала из дырки в его кармане, и отпечаток ботинка с разрезом в сигарном пепле становятся вполне законными уликами. Учитывая признания Марко, получается, что он действительно побывал в библиотеке Джулио.

— После всех нелепостей, которые уже произошли, тебя не удивит, если я в этом усомнюсь? — Эллери вместо носа стал тянуть себя за нижнюю губу. — Похоже, папа, в этом деле сплошные «если». Давай попробуем прояснить хотя бы некоторые из них. Хочешь сам заняться Марко или

предоставишь это мне?

— Лучше я сам. Импортуна настроен использовать свое влияние. Давить на меня ему будет труднее… Кажется, вы слегка раздражены, мистер Импортунато? Судя по тому, как ситуация складывается для вас, вы едва ли можете это позволить.

Марко нервно дернулся. Желтоватая кожа начала понемногу приобретать зеленый оттенок.

— Спокойнее, Марко, — сказал ему брат. — Что вы имеете в виду, инспектор Квин?

— Все очень просто. Теперь мы знаем, что Марко не пытались оклеветать — он сам опроверг эту теорию своими признаниями. Но раз мы обнаружили в библиотеке его пуговицу и след ботинка, значит, он действительно побывал на месте преступления. Поэтому, если у Марко есть какие-то объяснения, я очень советую ему дать их, пока к делу не подключился окружной прокурор.

— Он не обязан ничего вам рассказывать, — резко возразил мультимиллионер. — Меня все это уже начинает утомлять…

— Нино. — Марко Импортунато оторвал голову от дрожащих рук. — Думаю, мне лучше рассказать…

— Я бы предпочел, чтобы ты помалкивал. По

крайней мере, пока я не вызову сюда Эмерсона Ланди.

— Почему я должен требовать адвоката, Нино? — Казалось, Марко внезапно протрезвел. — Как будто я виновен! Моя совесть чиста! Если эти люди думают, что я мог убить Джулио… Господи, ведь он был моим родным братом! Я в самом деле побывал в библиотеке Джулио вчера вечером, инспектор Квин. И мы поссорились. Но…

— В котором часу это было, мистер Импортунато? — небрежно осведомился инспектор, словно речь шла о какой-то мелочи.

— Точно не знаю. До девяти, потому что, когда я ушел от него, девяти еще не было. — Налитые кровью глаза устремились на инспектора. — Я оставил его целым и невредимым.

— А как насчет состояния комнаты? Сломанная мебель, опрокинутые лампы…

— Я ничего об этом не знаю. Когда я выходил из библиотеки Джулио, все стояло на своих местах. Мы же не устраивали кулачный бой, инспектор, а просто поспорили, как часто бывает между братьями. Мы с Джулио часто спорили. Спросите Нино. Спросите кого угодно.

— Марко, я хочу, чтобы ты держал язык за зубами, — повторил его брат. — Я приказываю тебе,

слышишь?

— Нет, — хрипло отозвался Марко. — Они думают, что я убил Джулио. Я должен убедить их, что не делал этого. Задавайте ваши вопросы, инспектор!

— Из-за чего вы поспорили вчера вечером?

— Из-за бизнеса. У нас существовало семейное правило, что все решения, касающиеся инвестиций «Импортуна индастрис», должны единогласно приниматься Нино, Джулио и мной. Если один из нас говорит «нет», сделка отменяется. Обычно у нас не возникало разногласий. Но недавно Нино предложил, чтобы мы основали новую корпорацию и купили девятнадцать миллионов акров канадской арктической территории — наш главный геолог полагает, что там могут оказаться крупные залежи нефти… нет, Нино, не затыкай мне рот!., больше, чем в Техасе и Оклахоме. Мы могли купить их по полтора доллара за акр, так что инвестиция была бы не такой уж крупной. Прочитав отчеты, я согласился с Нино, что это хороший вклад. К сожалению, Джулио заупрямился, поэтому нам пришлось отказаться от сделки. Нино был очень раздосадован, и я тоже. Но… убийство? — Его голова дергалась, как у младенца или глубокого старика. Трудно

сказать, было ли это намеренным выражением отрицания или всего лишь слабостью шейных мышц в результате поглощения дешевого виски.

— Ладно, — заговорил инспектор Квин. — Итак, вчера вечером вы пришли в библиотеку Джулио и сцепились с ним из-за неудавшейся сделки?

— Не сцепились, а поспорили! Тут есть разница.

— Прошу прощения, поспорили. Продолжайте, мистер Импортунато.

— Я думал, что вечером Джулио, возможно, будет в другом настроении и изменит мнение. Но он продолжал упорствовать — вбил себе в голову, что либо кто-то подкупил нашего геолога, чтобы нагреть нас на крупную сумму, либо, даже если нефть найдут, для нас будет экономической катастрофой пытаться руководить добычей и прокладывать нефтепровод через тысячи миль промерзшей земли. Слово за слово, и мы начали осыпать друг друга итальянскими ругательствами. — Марко поднял распухшее от слез лицо. — Но Джулио не умел долго сердиться. «Слушай, fratello,[41] из-за чего мы ссоримся? — внезапно сказал он. — Даже если мы бросим на

---

[41] ПРИМЕЧАНИЯ: 41
Брат (ит.).

ветер двадцать восемь или двадцать девять миллионов баксов, черт с ним. Что такое деньги?» Мы оба засмеялись, пожали друг другу руку через стол, я пожелал Джулио доброй ночи и ушел. Вот и все, инспектор Квин, клянусь вам.

Лицо Марко теперь покрылось потом.

— Ты имеешь в виду, что Джулио дал согласие на сделку, Марко? — осведомился Нино Импортуна. — Мне ты этого не говорил.

— У меня не было возможности.

— Минутку, мистер Импортуна, — сказал инспектор. — Вы не выходили из себя, мистер Импортунато? Не опрокидывали мебель? Не били вазы?

— Джулио и я? Конечно нет!

— Мистер Импортунато, — заговорил Эллери. Отец посмотрел на него и сразу шагнул назад. — Вы или ваш брат, случайно, не сбрасывали с его стола пепельницу?

При неожиданной атаке с другой стороны Марко втянул голову в плечи.

— Не припоминаю ничего подобного.

— Когда вы уходили, где именно находился Джулио? Я имею в виду в библиотеке?

— Сидел за своим столом.

— А стол стоял в обычном положении? По диа-

гонали?

— Да.

— Пока вы были в комнате, вы или ваш брат не передвигали стол?

— Зачем нам было его передвигать? Вряд ли я даже прикасался к нему. А Джулио ни разу не вставал из-за стола.

— Вы сказали, что ушли из библиотеки не позже девяти. Похоже, вы в этом уверены. Почему?

— Матерь Божья! — крикнул Марко. — Неужели вы никогда не верите человеку на слово? В четверть десятого в моей квартире меня должна была ждать одна цыпочка — мы собирались пойти потанцевать. Уходя от Джулио, я посмотрел на свои часы. Было без двух минут девять. Я едва успел переодеться. Вы удовлетворены? — Он агрессивно выпятил нижнюю губу.

— Переодеться? Что же было на вас, когда вы приходили к Джулио?

Губа втянулась, а руки так сильно вцепились в подлокотники стула, что костяшки пальцев побелели.

— Ваш китель, мистер Импортунато? — допытывался Эллери. — И ботинки на резиновой подошве?

— Больше я не отвечу ни на один вопрос, ми-

стер кто бы вы ни были! Убирайтесь из моей квартиры!

— Вот как? Вы внезапно решили замкнуться? Почему?

— Потому! Я вижу, что вы уже решили, будто я виновен. Мне следовало послушаться Нино и не разевать пасть. Если хотите узнать еще что-нибудь, можете обратиться к моему адвокату!

Марко Импортунато поднялся и, шатаясь, направился к бару. Нино преградил ему дорогу, но он резко оттолкнул старшего брата, схватил бутылку, запрокинул голову и начал жадно пить. Импортуна и Эннис подбежали к нему.

Под прикрытием начавшейся возни инспектор осведомился вполголоса:

— Что ты об этом думаешь, Эллери? Пуговица могла выпасть из кармана незаметно для Марко. А пепельница могла случайно свалиться со стола, и он ступил ногой в пепел.

— Но стол ведь передвинули, папа. А если Марко убийца, то это не имеет смысла. Предположим, он лжет и сам передвинул стол. Зачем? В результате все стало выглядеть так, будто убийство совершил левша. Но Марко и есть левша. Выходит, он пытался обвинить себя? — Эллери покачал головой. — В данный момент я склонен

ему верить. Стол передвинул кто-то другой. Если только… — Он умолк.

— Если только — что, сынок?

— Кажется, я понимаю… — сказал Эллери. — Да, это возможно…

— Что именно?

— Папа, давай вернемся в библиотеку Джулио. И вызови туда дактилоскописта.

* * *

Нино Импортуна и Питер Эннис вскоре присоединились к Квинам в библиотеке убитого. Они задержались в квартире Марко, успокаивая его. Инспектор отдыхал в кресле — он выглядел усталым. Эллери стоял у письменного стола.

— Нам наконец удалось уложить его в постель. — Взъерошенный Эннис энергично стряхивал пыль с одежды. — Искренне надеюсь, что он там останется! Когда Марко напивается, с ним приходится нелегко.

— Тебальдо о нем позаботится, — резко сказал мультимиллионер. — Мистер Квин, может быть, хватит на сегодня? Я начинаю чувствовать, будто меня преследуют. В чем дело теперь?

— В этом столе, мистер Импортуна. — Эллери уставился на упомянутый предмет — он стоял по

диагонали к углу, как они его оставили. — Как я уже указывал, если стол был в таком положении, а Джулио сидел позади него на вращающемся стуле лицом к убийце, было невозможно нанести левой рукой удар по той стороне головы Джулио, где находится рана. Нет, если бы удар нанес Марко, рана находилась бы с другой стороны головы Джулио. Разве только… — Эллери резко повернулся, — разве только наше предположение неверно и Джулио не находился лицом к убийце в момент удара.

— Не понимаю… — начал Импортуна.

— Погодите! — прервал инспектор. — Как ты это себе представляешь, сынок?

— Предположим, Джулио, сидя лицом к убийце, предвидел удар и за долю секунды до того, как опустилась кочерга, попытался уклониться, но смог лишь повернуть свой стул на сто восемьдесят градусов. В таком случае в момент удара он сидел лицом к углу и затылком к опускающейся кочерге, а не наоборот, как мы думали. Тогда она должна была ударить по другой стороне головы! — Эллери нетерпеливо мерил шагами комнату. — Где, черт возьми, этот дактилоскопист?

— Будь я проклят! — воскликнул инспектор

и покачал головой. — И никто из нас этого не заметил! Но, Эллери, зачем тебе понадобился дактилоскопист?

— Чтобы проверить теорию, которая вырастает из выдвинутой мной версии. Если Джулио резко повернул стул, пытаясь избежать удара кочергой, то он мог инстинктивно выбросить вперед руки, чтобы не свалиться со стула. А если это произошло, то руки Джулио никак не могли избежать контакта со стенами, которые встречаются в этом углу. — Эллери протиснулся за стол. — Примерно в этом месте… А вот и он! Сюда, пожалуйста, Мэглай, не так ли?

— Но мы уже все проверили, мистер Квин. — Эксперт был небрит и в грязной, мятой рубашке без галстука. Недовольное лицо свидетельствовало, что его оторвали от телевизора и бутылки пива. — В чем проблема, инспектор?

Старик вяло махнул рукой:

— В этом углу, Мэглай. На стенах. Эллери вам покажет.

Спустя несколько минут они уставились на два больших смазанных отпечатка ладоней на уровне плеч сидящего человека. Каждый отпечаток находился примерно в футе от того места, где встречались две стены, а кончики пальцев были

слегка наклонены в сторону другого отпечатка.

Никто не проронил ни слова, пока дактилоскопист не собрал свое оборудование и не ушел.

— Ясно, как на фотоснимке! — сказал инспектор, тщетно пытаясь изгнать ликующие нотки из своего голоса. — Именно так все и произошло! Раз Джулио сидел спиной к убийце, рана находится там, где ей следует быть, если удар нанес левша. Впрочем, никаких «если». Теперь очевидно, что Джулио убил левша. Сожалею, мистер Импортуна, но вкупе с золотой пуговицей и следом ботинка это снова указывает на вашего брата Марко — причем еще сильнее, чем прежде…

— Подождите, — прервал Нино Импортуна. — Вы не ответили на важные вопросы. Почему Джулио не оставили сидящим лицом к углу? Почему его тело повернули таким образом, чтобы лицо упало на стол?

— Если бы вы не были так расстроены, мистер Импортуна, — сказал Эллери, — то смогли бы сами на это ответить. Допустим, Марко только что нанес смертельный удар — улики вынуждают нас предполагать это — и смотрит на голову неожиданно повернувшегося Джулио, рана на которой безошибочно выдает удар, нанесенный левой рукой. А он, Марко, левша. Убийцы, мистер

Импортуна, редко хотят быть пойманными. Поэтому Марко поворачивает тело Джулио лицом к нему. В таком положении удар левой выглядит невозможным, как мы до сих пор и предполагали. Разве для Марко это не достаточная причина, чтобы не оставлять тело брата лицом к углу?

— Да, но зачем Марко могло понадобиться передвигать стол? — возразил Импортуна. — Если бы он оставил его стоящим по диагонали к стенам, но повернул Джулио лицом к себе, вы бы сказали, что убийца правша, а не левша. Если Джулио убил Марко, то у него были все основания не передвигать стол. Поэтому я спрашиваю снова: зачем он передвинул стол, помешав собственному плану, мистер Квин?

— Знаешь, Эллери, — инспектор снова выглядел усталым, — в этом есть смысл.

Эллери опять начал тянуть себя за нос.

— Пожалуй… — пробормотал он. — Если Марко мыслил достаточно ясно, чтобы перевернуть тело, ему должно было хватить ума не двигать стол. Дело очень странное… Нам лучше еще раз побеседовать с Марко. Может быть, он сумеет прояснить этот пункт.

Но им не удалось снова поговорить с Марко Импортунато ни в этот, ни в какой-либо другой

вечер. Они нашли его висящим на гимнастическом канате, прикрепленном к высокому потолку спортзала. Он сделал петлю на нижнем конце, просунул в нее голову, потом, очевидно, поднялся по канату к потолку и бросился оттуда головой вниз. В итоге петля затянулась у него на шее.

Слуга Тебальдо растянулся на батуте, как мученик инквизиции, громко храпя и прижимая к себе пустую на три четверти бутылку итальянского ячменного бренди. Гораздо позже, относительно протрезвев, Тебальдо сообщил, что его cugino[42] Марко — по его словам, он был шестиюродным братом Марко, который привез его из Италии за свой счет, руководствуясь духом famiglia: добродетель, весьма редкая в великой во всех прочих отношениях Америке, — внезапно сполз с кровати и вызвал его, Тебальдо, на состязание, кто больше выпьет. Последнее, что помнил Тебальдо, прежде чем отключиться, были пылающие глаза Марко, которые напоминали два адских огня. В подтверждение своих слов слуга несколько раз осенил себя крестом.

---

[42] ПРИМЕЧАНИЯ: 42
Кузен (ит.).

* * *

— Сынок, — говорил инспектор Квин, наблюдая, как уносят тело Марко — сотрудники лаборатории конфисковали для обследования большую часть каната, включая петлю, — в таком деле любой мог напортачить. Не расстраивайся. Я виноват не меньше тебя — не мог поверить уликам, которые указывали на Марко, хотя все было ясно с самого начала. Пуговица, выпавшая из его кармана, отпечаток ботинка в пепле, удар, нанесенный левой рукой… А теперь самоубийство — все равно что подписанное признание… В чем дело, Эллери? Почему ты опять тянешь себя за губу? Ты все еще не удовлетворен?

— Поскольку ты задаешь прямой вопрос, — отозвался Эллери, — я должен ответить столь же прямо: нет.

— Почему нет? Что гложет тебя теперь?

— Очень многое. Во-первых, почему Марко не оставил стол стоящим по диагонали к углу? Во-вторых, тот факт, что он покончил с собой, не обязательно означает признание в убийстве, хотя возникает большое искушение интерпретировать его именно так. Самоубийство могло быть результатом временного умопомрачения,

вызванного горем и немереным количеством алкоголя. В таком состоянии петля на шее выглядит логичным ответом на чувство вины из-за ссоры с Джулио. Не говоря уже — если он был невиновен — о панике из-за того, что его старались оклеветать. К тому же, папа, не следует забывать вопрос «cui bono?», который давным-давно сформулировал один смышленый парень по имени Цицерон. Кому выгодно? Кто выигрывает от смерти братьев Импортунато?

— Знаешь, что я думаю? — взорвался инспектор. — Ты просто ищешь предлог не возвращаться к работе над своей книгой! Ладно, давай расспросим Импортуну.

— Только позволь говорить мне, папа.

Инспектор пожал плечами.

На время работы экспертов он отправил Импортуну и Энниса в спальню Марко. Они застали секретаря свалившимся от изнеможения в кресло, но Импортуна стоял, как статуя, на расстоянии ярда от кровати брата. У Эллери создалось нелепое впечатление, будто он стоит на одной ноге, как аист или дальневосточный религиозный фанатик. Помимо этого, Эллери не смог разглядеть в нем признаков каких-либо эмоций по поводу потери второго брата за сутки. Массивные черты

лица казались отлитыми из бронзы.

— Почему бы вам не сесть, мистер Импортуна? — оговорил Эллери. Несмотря на всю отстраненность мультимиллионера, было трудно не испытывать к нему сострадания. — Мы понимаем, как вам все это тяжело…

— Что вам нужно? — резко осведомился Нино Импортуна, не шевельнув и мускулом. Кофейные глаза враждебно устремились на Эллери. Их выражение вкупе с тоном свидетельствовало, что между ними возникло нечто, отдающее ледяным холодом смерти и в то же время притягивающее их друг к другу.

«Возможно, так было все время, — думал Эллери. — Вероятно, он с самого начала почуял во мне противника».

— Кто наследует состояние Джулио и Марко, мистер Импортуна? Поскольку оба не были женаты…

— Никто.

— Никто?

— Корпорация.

— Единственным владельцем которой вы теперь являетесь?

— Разумеется. Я последний из братьев. Последний из всей семьи.

— Я думал, Тебальдо — ваш шестиюродный брат.

— Это старая шутка Марко, в которую Тебальдо наполовину уверовал. Несколько лет назад во время визита в Италию Марко обрюхатил сестру Тебальдо и нанял его лакеем, чтобы заткнуть тому рот, а девушку щедро обеспечил. Пьяный дурень вовсе не наш родственник. Поэтому если вас интересует, кто выигрывает со смертью Джулио и Марко, мистер Квин, то это я, и никто другой.

Их глаза встретились.

— Папа, — спросил Эллери, не глядя на инспектора, — в котором часу, по мнению доктора Праути, умер Джулио?

— Вчера около десяти вечера плюс-минус полчаса. По его тону я понял, что ему вряд ли удастся сузить этот промежуток.

— Мистер Импортуна, — вежливо осведомился Эллери, — если вы не собираетесь настаивать на вашем праве хранить молчание, не скажете ли вы нам, где находились вчера вечером между половиной десятого и половиной одиннадцатого?

Спокойный голос в сравнении с резким тоном Импортуны давал Эллери преимущество, которое мультимиллионер быстро почувствовал. Когда он заговорил снова, его голос был таким

же спокойным:

— Питер.

Эннис уже поднялся с кресла, потревоженный диалогом.

— Позвоните наверх и попросите миссис Импортуна немедленно спуститься сюда. Учитывая направление, которое принимают ваши вопросы, джентльмены, вы не будете возражать, если я приглашу мою жену. — Казалось, он говорит о тривиальной сплетне, услышанной в одном из клубов.

Через три минуты смертельно бледный Тебальдо доложил о приходе миссис Импортуна и вышел, шатаясь.

Вирджиния Уайт Импортуна направилась прямо к мужу и встала рядом с ним. Эллери с интересом отметил, что она не взяла его за руку, не прижалась к нему и вообще не вступала ни в какой физический контракт с ним, а просто стояла прямо, как солдат рядом с офицером, отделенная от него невидимой пропастью. Очевидно, она не хотела или не чувствовала необходимости приободрить мужа прикосновением. Или причина была в другом?

Вирджиния была очень светлой блондинкой с большими и смышлеными фиалково-голубыми

глазами, слегка выдающимися североевропейскими скулами и маленьким прямым носом. Ее красота казалась воздушной и поэтичной, но Эллери не сомневался, что под ней скрывается кольчуга и что она в любой момент готова отразить атаку. Какая другая женщина могла бы жить с таким человеком, как Нино Импортуна?

На ней было модельное платье, обманчиво кажущееся простым и подчеркивающее длинные ноги и стройную фигуру. Она была выше мужа, хотя на нем были туфли на высоком каблуке, а на ней на низком — несомненно, по его указанию. На вид Эллери дал ей лет двадцать пять. Женщина годилась Импортуне во внучки.

— Вирджиния, это инспектор Квин из Главного полицейского управления и его сын Эллери Квин. Мистер Квин — криминалист-любитель, которого интересуют наши неприятности. Кстати, дорогая, я не успел тебя уведомить. Марко только что покончил с собой.

— Марко?.. — Больше женщина ничего не сказала. Быстро оправившись от шока, вызванного жестоким сообщением мужа, она опустилась на так называемый стул — надувное изделие, похожее на прозрачный пузырь.

Казалось, Импортуна гордится выдержкой

жены. Он шагнул к ней — в его глазах светилась любовь и одновременно горечь.

— А теперь, — продолжал он, — нос мистера Квина, похоже, чует след, ведущий ко мне. Он только что спросил меня, Вирджиния, где я был вчера вечером между половиной десятого и половиной одиннадцатого. Ты ответишь ему?

— Мой муж и я были в опере с четырьмя гостями, — сразу же сказала Вирджиния Импортуна. Ее женственный голос был абсолютно лишен эмоций, походя на музыкальную загадку. Эллери был заинтригован. Он слышал, что Импортуна обожает жену, и начинал понимать почему. Она была идеальной леди для его лордства.

— Мы слушали «Парсифаля» в ложе, которую абонировали на этот сезон, мистер Квин, — снова заговорил мультимиллионер. — Несомненно, это вас шокирует, но «Парсифаль» кажется мне невероятно скучным. Итальянскому крестьянину, обожающему Пуччини и Россини, нелегко его выдержать. Впрочем, я никогда не испытывал энтузиазма в отношении Вагнера — даже идеологического, несмотря на любовь Муссолини к немцам. Хотя Вирджиния без ума от Вагнера — для женщины это вполне естественно. Тем не менее я заслужил медаль героя — высидел весь

спектакль. Не так ли, дорогая?

— Да, Нино.

— В десять часов — поскольку вас интересует это время, мистер Квин, — плюс-минус не полчаса, а все два, миссис Импортуна и я постоянно пребывали в компании четырех человек. Никто из нас не покидал ложу, за исключением антрактов, но и тогда мы выходили группой. Не так ли, Вирджиния?

— Да, Нино.

— Конечно, вы хотите знать имена наших гостей. Сенатор и миссис Генри Л. Фактор — сенатор Соединенных Штатов, мистер Квин, — а также епископ Тьюмелти из Нью-Йоркской епархии и раввин Винкельман из реформированной синагоги на Парк-авеню. По-моему, рабби наслаждался «Парсифалем» не меньше епископа! Не так ли, дорогая? Ваш отец может — и, несомненно, сделает это, мистер Квин, — проверить наше алиби у сенатора и двух духовных лиц. Я ответил на ваш вопрос?

— Ответили, — сказал Эллери.

— Хотите спросить меня еще о чем-нибудь?

— Об очень многом, мистер Импортуна, но чувствую, что зря потрачу ваше и мое время.

Мультимиллионер пожал плечами.

— А вы, инспектор Квин?

— Нет, сэр.

Но Импортуна продолжал вежливо настаивать:

— Возможно, инспектор, у вас есть вопросы к моей жене, раз уж она здесь?

— Нет, — ответил старик. — На сегодня больше никаких вопросов.

— Benone! Allora rivederla.[43] — Он обратился к жене и к Эннису, как к маленьким детям: — Andiamo, andiamo![44] Нам сегодня еще нужно поработать, Питер, над молочным комбинатом на Среднем Западе. И я не могу заставлять мистера Э. так долго ждать наверху.

Квины молча наблюдали, как Импортуны проходят под аркой. Питер Эннис следовал за ними на некотором расстоянии, опустив взгляд. Мультимиллионер остановился настолько неожиданно, что его жена успела скрыться из вида, а Эннис едва не налетел на него.

— Мне пришло в голову, мистер Квин…

— Да? — спросил Эллери.

— Между прочим, могу я называть вас по име-

---

[43] ПРИМЕЧАНИЯ: 43
Превосходно. Тогда до свидания (ит.).

[44] ПРИМЕЧАНИЯ: 44
Идем! Идем! (ит.)

ни?

Эллери улыбнулся:

— Вы имеете в виду, как, скажем, Питера? — Увидев, что секретарь покраснел, он быстро добавил: — Не обижайтесь, мистер Эннис. Я всего лишь привел пример.

— Туше, мистер Квин. — Импортуна улыбнулся в ответ, демонстрируя большие зубы. — Вы не возражаете против наемной службы? Разумеется, на руководящей должности и сугубо конфиденциальной. Я мог бы использовать человека с вашими талантами и характером.

— Благодарю за комплимент, мистер Импортуна, но нет. Я предпочитаю работать на себя.

— Жаль. Если вы когда-нибудь передумаете, мистер Квин, то знаете, где меня найти.

* * *

— Интересно, — промолвил Эллери, когда они ехали домой в полицейской машине.

— Что? — Инспектор Квин клевал носом.

— Последние слова Импортуны — насчет того, что я знаю, где его искать. Интересно, знает ли кто-нибудь, включая его жену, что собой представляет в действительности Нино Импортуна? Крутой и опасный человек! Кстати, о его жене.

Папа, ты ничего необычного не заметил в Питере Эннисе?

— Ты перескакиваешь с одной темы на другую так, что за тобой уследить невозможно, — пожаловался инспектор. — Если мы говорим о миссис Импортуна — между прочим, шикарной бабенке, — то почему я должен был замечать что-то в Эннисе? Он едва взглянул на нее за все время, что она была там.

— Это и необычно, папа. Конечно, Эннис может быть геем, хотя я так не думаю, но если он нормальный мужчина, то как он может находиться в одной комнате с такой ослепительной женщиной и абсолютно на нее не реагировать?

— Думай об этом сам, — проворчал старик. — Для меня убийство Джулио Импортунато было раскрыто, когда повесился его братец Марко. И, сынок…

— Да, папа?

— Не связывайся с Импортуной. Послушай моего совета — ты только наживешь неприятности. Для тебя он слишком важная шишка… Что ты сказал?

— Мистер Э., — пробормотал Эллери.

— Кто?

— Мистер Э. Разве ты не слышал, как Импорту-

на сказал, что не должен заставлять мистера Э. ждать? Интересно, кто это?.. Папа!

Но инспектор уже спал.

Шестой месяц

Июнь 1967 года

Плод вытягивается в длину. Появляются ресницы и брови. Тело быстро растет.

* * *

Они находились в «логове» Импортуны. Эннис, скрючив свой длинный торс над блокнотом и кучей бумаг, сидел в углу флорентийского стола. К его досаде (принявшей хроническую форму), он был вынужден притащить стул и расчистить для себя место. Хотя у Энниса был в квартире свой кабинет, Импортуне никогда не приходило в голову оборудовать для него постоянное место в «логове» на время рабочих сессий, происходивших из года в год. «Я очень скромный секретарь, — думал Эннис, — если не считать тайной связи с женой босса. Выделить мне столик для личных нужд в его кабинете было бы не так уж тяжело для одного из богатейших людей Америки. Едва ли такая просьба с моей стороны выглядела бы

посягательством на уединение или прерогативы его величества, поскольку я появляюсь в этих священных стенах исключительно по его приказу. И почему он не пробьет окно в наружной стене, чтобы в «логове» стало светлее? Новый кондиционер тоже не помешал бы — этот не справляется с дымом от его вонючих сигар».

Разумеется, эти мысли никак не отражались на лице Энниса. Он молча ждал указаний, как следовало образцовой марионетке.

Импортуна ходил взад-вперед. Его массивное лицо было хмурым, что вызывало у Энниса любопытство. Это не была знакомая недовольная мина, перед которой трепетали президенты компаний и председатели советов, — она была вызвана чем-то личным.

«Не страх ли это?» — неожиданно подумал Эннис. Неужели великий Импортуна чего-то боится? Его оторвал от размышлений скрипучий голос босса:

— На чем мы остановились, Питер?

— На меморандуме торговым отделам офисов «Э. И. С.» в Цюрихе. Перевес расходов над прибылью в общих фондах составляет около двух миллионов в день. Эту тенденцию нужно срочно переломить. Необходимо любой ценой избежать

потери доверия к нашим фондам. Весь персонал должен удвоить усилия для скорейшего восстановления позитивного баланса.

— Да. А теперь записка для миссис Импортуна: «Дорогая, распорядись, чтобы миссис Лонгуэлл свернула ковер в моем «логове» и отправила его к Бажабатяну для чистки и хранения на лето. Я уже два дня назад велел это сделать, но результатов нет до сих пор». Подпишите как обычно.

— «С любовью. Нино», — пробормотал Эннис и оторвал взгляд от блокнота. — Что-то не так, мистер Импортуна?

— Что вы имеете в виду?

Было интересно наблюдать за походкой Импортуны. Он делал ровно девять шагов в одну сторону и девять в другую. Неизвестно, считал ли он их, или же его навязчивая идея относительно счастливого числа стала автономной частью нервной системы.

— Ничего. Просто мне показалось, что этим утром вы выглядите расстроенным.

— Так оно и есть. Перед вашим приходом мне позвонил из Европы фон Слонем. Сделка в Плоешти лопнула.

— Я думал, она вполне надежна.

— Она такой и была! Не понимаю, как это

могло произойти. Все рассыпалось абсолютно неожиданно. Фон Слонем толком ничего не мог объяснить. В самый последний момент что-то пошло не так. Неужели от меня отвернулась удача?.. Вы помните, какой сегодня день?

— Пятница.

— Сегодня 9-е!

— Ах да! — спохватился Питер Эннис. — Возможно, удача просто маскируется, мистер Импортуна. Помните, что говорил ваш брат Джулио? Самые сладкие на вид сделки оказываются на вкус самыми горькими. Возможно, то, что сделка в Плоешти лопнула именно 9-го числа, указывает, что вам вообще не следовало ее заключать.

Лицо Импортуны прояснилось. Подобное суеверие в столь проницательном человеке казалось просто невероятным!

— Вы так думаете, Питер?

— Кто знает, мистер Импортуна? Если вы искренне верите в ваше счастливое число…

«Господи, сколько это еще будет продолжаться?»

Они возобновили работу.

Девять шагов в сторону от Энниса приводили Импортуну к книжным полкам на противоположной стене, тянущимся от пола до потолка.

Обычно, доходя до полок, мультимиллионер круто поворачивался и шел назад. Но иногда, диктуя Эннису, он прислонялся к полке, занятый своими мыслями, — при этом правая рука с четырьмя пальцами тянулась к верхним ярусам, а взгляд устремлялся на ковер. Во время одной из этих пауз Импортуна огляделся вокруг, задержал взгляд на книгах, стоящих на уровне его глаз, и задумчивое выражение сменилось чем-то, очень похожим на панику.

— Питер! — свирепо рявкнул он.

Эннис вздрогнул и обернулся:

— Да, сэр?

— Подойдите сюда!

Секретарь вскочил со стула:

— В чем дело?

— Я сказал, подойдите!

— Что случилось, мистер Импортуна?

— Эта полка… эти книги… — Казалось, он теряет дар речи.

— Книги? По-моему, с ними все в порядке.

— Не все! Три книги — эта, эта и эта — стояли вверх ногами, не так ли?

— Если вы так говорите, мистер Импортуна… — пролепетал Эннис.

— Вы сами это отлично знаете! — бушевал маг-

нат. — Зачем вы их перевернули, Питер? Ведь это вы сделали?

— Разве, мистер Импортуна?.. Подождите, теперь я припоминаю… Я не смотрел на названия, но увидел, что некоторые книги на этой полке стоят вверх ногами, и, естественно, перевернул их.

— Что значит «естественно»? Ничего естественного тут нет! Почему вы это сделали?

— Ну, потому что…

— Разве вы не помните мое специальное распоряжение не прикасаться ни к одной из книг на этой полке?

Эннис побледнел.

— Прошу прощения, мистер Импортуна, я забыл об этом или перепутал полку. Как бы то ни было, я только…

— Вы натворили то, чего не в состоянии понять! — Сорвав с полки три злополучные книги, Нино Импортуна поставил их вверх ногами. — Неудивительно, что сделка в Плоешти лопнула! С этих пор, Питер, не смейте прикасаться ни к чему, что я запретил трогать! Понятно? Передайте мне телефон для прямой связи с офисом.

Эннис подбежал к столу, схватил красный телефон и вернулся с ним к Импортуне.

— Позовите Грэбшо… Джон? Это Импортуна. Немедленно созовите собрание персонала. И организуйте совещание по трансатлантической связи с Бухарестом и фон Слонемом… Я знаю, Джон, что сделка в Плоешти лопнула, но хочу знать почему, так как надеюсь ее спасти. Я собираюсь сделать им новое предложение и уверен, что они его не отвергнут… Да, я присоединюсь к вам… — Импортуна посмотрел на часы и улыбнулся, — ровно через девять минут. — Он положил трубку, и Эннис забрал у него аппарат. — Машину, Питер!

— Я уже уведомил Мак-Кумбса. Когда вы спуститесь, автомобиль будет ждать вас, мистер Импортуна. Хотите, чтобы я сделал еще что-нибудь?

— Нет, закончим завтра утром. Только позаботьтесь о делах, которые я уже упомянул. И скажите миссис Импортуна, что я позже сообщу ей насчет вечера. Не знаю, насколько румыны меня задержат. — Импортуна снова продемонстрировал зубы в улыбке и дружески постучал Энниса по груди. — Простите, что я накричал на вас, Питер. Но вы меня очень расстроили.

Он вышел в бодром настроении.

Эннис опустился на стул Импортуны, вцепившись в подлокотники, чтобы унять дрожь

в руках. Его грудь чесалась в том месте, где ее коснулся сдвоенный палец мультимиллионера.

Две прохладных руки закрыли ему глаза.

Эннис попытался отвести их в сторону.

— Вирджиния? Я не слышал, как ты подошла. Возможно, он еще здесь.

— Он ушел, дорогой. Все в порядке — я проверила.

Вирджиния села к нему на колени и обняла его за шею обнаженными до плеч руками.

— Милая, а если Эдитта или Крамп…

— Я отослала Эдитту с поручением — ее не будет целый час. А Крамп в буфетной с миссис Лонгуэлл — полирует серебро к вечернему приему.

— Прием может не состояться. Твой муж сказал мне, что даст тебе знать позже. Он может задержаться в связи с покупкой половины Румынии. Ты уверена, что…

— Не будь таким трусишкой. — Она дышала ему в ухо. — Никто не поймает нас за чем-то скверным. Или поймает?

Они страстно обнялись на стуле ее мужа.

— Знаешь что, Питер? — вскоре пробормотала Вирджиния.

— Что, Вирджин?

— Я хочу заняться с тобой любовью прямо

здесь.

— Здесь? Где?

— На этом столе. Нино так трясется над ним из-за того, что он принадлежал Медичи. Держу пари, стол видел кое-что гораздо хуже. — Она засмеялась и укусила его за ухо. — Что скажешь?

— Звучит заманчиво. Но дай мне прийти в себя, малышка.

— Вот как? — Вирджиния отодвинулась от него. — Что-то случилось?

— Прежде чем уйти, он едва мне голову не оторвал. И ты никогда не догадаешься из-за чего.

— Ты не поцеловал его перстень.

— Это не смешно! Уже давно он велел мне никогда не прикасаться к книгам на одной из полок. Я совсем забыл об этом — там стояли обычные книги, и все это выглядело ребячеством. Вчера я пришел сюда за чем-то — Нино тут не было — и заметил, что некоторые книги на одной из полок стоят вверх ногами. Я перевернул их практически инстинктивно, абсолютно не помня, что на эту полку наложено табу.

— И Нино это заметил?

— Еще как! Едва потолок головой не прошиб. Можно подумать, я совершил преступление. Нино поставил книги в прежнее положение и

пригрозил содрать с меня кожу заживо, если я еще раз нарушу его приказ. Я с трудом удержался от того, чтобы не свернуть набок его носище, Вирджин. Не знаю, сколько я еще смогу подлизываться к хозяину и повелителю, чтобы иметь возможность хоть иногда взглянуть на тебя!

— Бедняжка!

— Если бы не это, я бы уже давно высказал ему все, что о нем думаю, и уволился.

— Дорогой…

— Может быть, он свихнулся? Намеренно держать книги на полке вверх ногами! С тех пор как Марко прикончил Джулио и повесился, Нино все сильнее катится под гору.

— Эти книги… — задумчиво промолвила Вирджиния. Спрыгнув с колен Энниса, она направилась к полке, и он последовал за ней. — Должно быть, Питер, это как-то связано с его помешательством на числе «девять».

— Каким образом?

— Не знаю. Но все иррациональные поступки Нино связаны с этим пунктиком… Вот эти книги?

— Да.

Она склонила голову набок, читая перевернутые названия.

— «Основание Византия». Автор некто Мак-Листер. Увлекательное чтение, ничего не скажешь… «Поражение Помпея» А. Сантини. Тоже настоящий триллер… А третья — «Первоначальный Ку-клукс-клан» Ж.Ж. Борегара. Ну и ну!

— Чушь какая-то.

— Очевидно, я была не права, Питер. Это не может иметь отношение к его навязчивой идее. Может быть, ключ в какой-то другой книге на этой полке? Хотя они и стоят в нормальном положении?

— Ты имеешь в виду «Высадку пилигримов»? Или вот этого кандидата в список бестселлеров — «Великую хартию в Раннимиде»? Или — набери воздух в легкие, дорогая, а то задохнешься от хохота — «Возникновение Римской империи»?

Засмеявшись, Питер Эннис повернулся, поднял на руки Вирджинию Уайт Импортуна и понес ее к столу Медичи.

Седьмой и восьмой месяцы

Июль и август 1967 года

Созревание плода продолжается.

Под кожей формируется слой жира, чья функция — питать и защищать плод на раннем этапе подготовки к грядущему появлению на свет.

Девятый месяц

Родовые схватки

Краснота кожи исчезает. На пальцах рук и ног формируются ногти.

Выделения желез внутренней секреции готовят плод к приближающимся переменам.

Первые ритмичные сокращения сигнализируют о начале родовых схваток.

Ребенок собирается родиться.

* * *

В тот день Нино был весел, почти очарователен. Вирджинии даже пришлось стараться не проникнуться к нему теплыми чувствами. Не то чтобы усилия были чрезмерными, но тем не менее они имели место.

Было 9 сентября — памятный день не только и даже не столько потому, что Нино исполнилось шестьдесят восемь лет. Куда более важным являлся тот факт, что этот день был также пятой годовщиной их свадьбы. Этот юбилей имел особое значение для Вирджинии Уайт Импортуна (и, по секрету, для Питера Энниса), ибо он обозначал истечение срока, обусловленного добрачным

договором, согласно которому Вирджиния Уайт отказывалась от всех прав на имущество супруга на пять лет, после чего — если она продолжала жить с ним как жена — становилась его единственной наследницей.

Пентхаус никогда не испытывал такого нашествия. Люди приходили целый день с подарками и цветами — отец Вирджинии, сотрудники нью-йоркских форм корпорации «Импортуна индастрис», друзья из элиты общества, послы, официальные лица из иностранных делегаций в ООН, считавшие необходимым по тактическим соображениям оставаться в фаворе у Нино Импортуны (особенно представляющие страны, куда Импортуна инвестировал капиталы), коллеги по финансовому миру, присутствующие на всех подобных мероприятиях политики, даже духовенство. Посыльные доставляли целые коробки поздравительных телеграмм от индустриальных партнеров Импортуны в стране и за рубежом.

Вирджинию впечатляло и одновременно настораживало то, что впервые за все время их брака Нино посвятил этот юбилей целиком ей. Питер Эннис несколько раз докладывал ему, что звонит мистер Э., прося разрешения прийти в пентхаус по срочному делу, на что получал

зубастую улыбку и ответ, что все дела «должны ждать до завтра. Lavoro sempre, ma non oggi.[45] Сегодня принадлежит моей жене». Поскольку Вирджиния знала, что мистеру Э. предоставлен доступ в пентхаус в любое время дня и ночи, она едва верила своим ушам.

К концу дня поток визитеров стал иссякать, и перед обедом супруги наконец остались одни. Несмотря на атмосферу веселья, Вирджиния весь день страшилась этого момента. Пятилетнее супружество не приучило ее к этой перспективе.

— Знаешь, дорогая, — к удивлению Вирджинии, сказал Импортуна, — Питер все еще работает в своем кабинете. Я хотел бы предоставить ему выходной, но дел накопилось слишком много. Из-за этого я чувствую себя виноватым перед ним. Ты не будешь возражать, если я приглашу его пообедать с нами?

— Это очень тактично с твоей стороны, Нино, — ответила Вирджиния самым равнодушным тоном. «Мы с Питером здорово наловчились пускать Нино пыль в глаза», — подумала она. Конечно, пребывание a trois[46] всегда создавало

---

[45] ПРИМЕЧАНИЯ: 45
Работа всегда, но не сегодня (ит.).

[46] ПРИМЕЧАНИЯ: 46
Втроем (фр.).

напряжение. Но с другой стороны, пребывание a deux[47] с Нино куда мучительнее. — Конечно, я не возражаю, если это доставит тебе удовольствие.

— А тебе это не доставит удовольствие, Вирджиния?

Почему он задал этот вопрос? Нино обладал сверхъестественной способностью вызывать у нее ощущение тревоги. «Все будет в порядке, — уверяла себя Вирджиния. — Я слишком долго терпела, чтобы испортить все в момент победы».

Она пожала плечами:

— Мне все равно.

— Тогда я приглашу его.

По признакам, которые, как уверяла себя Вирджиния, могла различать только она, ей было очевидно, что Питер тоже не в восторге от неожиданного приглашения Нино. Тем не менее все трое вели себя за столом вполне цивилизованно. Сезар — повар-швейцарец, специализировавшийся на итальянской кухне, — превзошел сам себя, приготовив любимые блюда Вирджинии; столовые вина были превосходными; шампанское лилось рекой. Питер предложил тост за день рождения ее мужа. Вирджиния ненавидела

---

[47] ПРИМЕЧАНИЯ: 47
Вдвоем (фр.).

себя за лицемерие, но эта ненависть приобрела хроническую форму, напоминая скорее мучения больного раком, умеряемые наркотиками до терпимого уровня, чем открытую рану, и еще один за годовщину их свадьбы. Это позабавило и одновременно возбудило Вирджинию, напомнив о том, что маячило впереди, хотя она продолжала притворяться равнодушной с опытом, обусловленным долгой практикой.

Питер принес свои подарки. Ко дню рождения Импортуны он приобрел на каком-то аукционе письмо Габриеле Д'Аннунцио к его возлюбленной Элеоноре Дузе. Оно было вставлено в бронзовую раму, украшенную изображениями лавровых листьев и сатиров, вместе с красивыми фотографиями поэта-солдата и актрисы. Письмо датировалось 1899 годом. Импортуна прочитал его вслух Вирджинии в педантичном переводе на английский. Оно излагало авторскую философию страсти: «Только чувственные удовольствия придают смысл жизни». Мультимиллионер явно был доволен подарком.

— Как умно было с вашей стороны, Питер, разыскать такое сокровище, датируемое годом моего рождения! Я немедленно повешу его в моем «логове»!

Вирджинии казалось, что, учитывая содержание письма, это было не только умно, но и рискованно.

На годовщину свадьбы Питер преподнес им вазу середины девятнадцатого века из reticello, декорированную изображениями лебедей из lattimo. Вирджиния и Нино любили венецианское стекло, и пентхаус был полон изделиями из vetro di trina[48] и стекла с филигранью, в сравнении с которыми ваза Питера была сравнительно недавним образцом — коллекция Импортуны включала редкое reticello, относящееся к пятнадцатому столетию. Тем не менее магнат не скупился на благодарности, а Вирджиния повторяла их, как она надеялась, с должной степенью сдержанности.

Затем наступила ее очередь. Вирджиния тщательно обдумала свой подарок и заказала его через агента в Италии несколько месяцев назад. Она хлопнула в ладоши, и Крамп, важный, словно генерал, вкатил в комнату столик на колесиках, оставил его возле стула Импортуны и молча удалился. На столике стояли девять больших запечатанных бутылей из дорогого хрусталя с

[48] ПРИМЕЧАНИЯ: 48

Reticello, lattimo, vetro di trina — разновидности венецианского стекла (ит.).

монограммой «НИ» на каждой, наполненных одинаковой на вид бесцветной жидкостью.

— Как я уже говорила, Нино, тебе очень трудно выбрать подарок, — с улыбкой сказала Вирджиния. — Это для человека, у которого есть все. С днем рождения и с годовщиной свадьбы, дорогой.

Импортуна обследовал подарок с насмешливым интересом. Внезапно его лицо прояснилось.

— Grazie, sposa,[49] — пробормотал он. — Вижу, ты запомнила. Я очень тронут. Grazie di nuovo.[50]

— Но что это? — спросил Питер. — Похоже на воду.

Он знал, что это такое, — Вирджиния обсуждала с ним свой выбор.

— Это и есть вода, — сказала Вирджиния. — Во время нашего медового месяца в Риме пять лет назад Нино повел меня на Пьяцца ди Спанья и показал мне фонтан Баркачча, сконструированный в тысяча шестьсот каком-то году Пьетро Бернини — не тем, знаменитым, а Бернини Старшим. Нино рассказал мне, что вода в фонтане Баркачча считается обладающей необычными качествами

---

[49] ПРИМЕЧАНИЯ: 49
Спасибо, жена (ит.).

[50] ПРИМЕЧАНИЯ: 50
Спасибо еще раз (ит.).

и прекрасным вкусом. Действительно, пока мы там стояли, из соседнего квартала художников — с Виа Маргутта и Виа дель Бабуино (не правда ли, очаровательное название — улица Бабуинов!) — все время подходили люди с кувшинами и ведрами, наполняя их водой из фонтана. Нино говорил, что такое происходит уже триста пятьдесят лет.

— Несмотря на римских насмешников, вода в самом деле превосходна, — сказал Импортуна. — Сезар будет в восторге. Я выделю ему долю для стряпни. Говорят, что артишоки и цукини, приготовленные в этой воде, имеют особое brio.[51] Это правда. Какой изобретательный подарок, Вирджиния! Еще раз благодарю. Особенно за потворство тому, что, как я знаю, ты считаешь моим нелепым суеверием, — не просто бутыли с водой из фонтана Баркакча, но и ровно девять штук! Это даже чересчур. А теперь, дорогая, я вручу тебе мой подарок на годовщину. — И он полез во внутренний карман.

Наконец-то! Кульминация дня — кульминация пяти лет, состоящих из ужасных дней и еще более ужасных ночей. Под прикрытием изготовленной

---

[51] ПРИМЕЧАНИЯ: 51

Здесь: вкус, живительная энергия (ит.).

в Ассизи скатерти Вирджиния вонзила ногти в ладони. Выражение ее лица оставалось спокойно-выжидательным.

— Вряд ли, Вирджиния, — продолжал ее муж, доставая из смокинга конверт, — ты забыла об особом значении этой годовщины.

— Нет, Нино, не забыла, — ответила она достаточно сдержанно, хотя ее сердце колотилось в груди.

— Пять лет назад ты подписала этот документ. По его условиям ты отказывалась от любых прав на мое состояние — даже полагающихся вдове — на пятилетний период. Ну, период истек, а ты все еще моя жена и живешь со мной. — Импортуна с нескрываемой гордостью собственника окинул Вирджинию взглядом — точеные северные черты и прекрасный цвет лица, стройную фигуру в декольтированном платье, — и она со скрытым ужасом заметила ужасный блеск в его глазах. — Договор есть договор, Вирджиния. Срок истек, испытание окончено, и соглашение утрачивает силу, как говорят юристы. Можешь порвать, сжечь или сохранить его, дорогая, — это больше не имеет значения. Будьте любезны, Питер, передайте это миссис Импортуна. — И он вручил документ Эннису, который молча передал

его Вирджинии.

— Ты не возражаешь, Нино, если я загляну в него?

Мультимиллионер махнул четырехпалой рукой и обнажил зубы в одобрительной улыбке.

— Было бы глупо этого не сделать, cara, а ты, хвала Святой Деве, не глупа. Почему ты должна доверять человеку, который навязал тебе подобную сделку? Разумеется, ты можешь удостовериться.

Ирония (если это была она) не испугала Вирджинию.

— Извините, Питер. Вы не возражаете?

— Конечно нет, миссис Импортуна.

Вирджиния тщательно обследовала текст, дату, подписи и штамп нотариуса. Потом она кивнула, сложила бумагу вдвое и сунула ее за корсаж.

— Я решила сохранить договор, как память, Нино. А теперь как насчет второй части нашей сделки?

Импортуна усмехнулся:

— Расскажите ей, Питер.

— Прошу прощения?

— О новом завещании, которое я просил вас прочитать и засвидетельствовать.

— О! Мистер Импортуна на днях поручил од-

ному из своих поверенных составить новое завещание, миссис Импортуна. Меня и еще двоих вызвали засвидетельствовать подпись, а потом мистер Импортуна попросил меня прочитать текст. Хотите, чтобы я сообщил миссис Импортуна его сущность, мистер Импортуна?

— Да.

— Документ достаточно прост, хотя для облегчения налога на наследство нотариус выстроил довольно изощренную трастовую структуру. Говоря коротко, все состояние мистера Импортуны завещано вам. — Питер скромно кашлянул. — Примите мои поздравления, миссис Импортуна.

— Благодарю вас. — Поднявшись, Вирджиния подошла к мужу и, к его явному изумлению и удовольствию, поцеловала его в лоб. — Еще раз спасибо, Нино.

— Я рад, что сделал тебя счастливой, — пробормотал Импортуна. — Ты не знаешь, как я хочу…

Внезапно он оборвал фразу и вскрикнул.

— Что случилось? — резко спросила Вирджиния.

Мультимиллионер скрючился, словно от приступа боли. Его лицо пожелтело.

Эннис вскочил на ноги:

— Что-то не так, мистер Импортуна?

Он отмахнулся от них:

— Ничего страшного. Несварение, колики… И голова кружится — я не привык к алкоголю, а сегодня слишком много выпил… — Лицо Импортуны покрылось потом, но он попытался пошутить: — Ведь мужчина нечасто отмечает пятилетний юбилей свадьбы с такой женой, как моя.

— Помолчи. — Вирджиния поднесла к его губам стакан с водой. — Вот, выпей… Питер, вам лучше позвонить доктору Маццарини…

— Нет-нет, он осложнит мне жизнь тысячью ненужных анализов. Я приму аспирин, порцию молока магнезии и пойду спать, а утром буду в полном порядке… Боль уже отпускает. — Импортуна поднялся, держась за спинку стула. — Извини, дорогая. Я испортил нашу годовщину…

— Позвольте проводить вас в вашу комнату, — сказал Эннис, беря его за руку.

— Спасибо, Питер, справлюсь сам. Составьте компанию миссис Импортуна — Сезар будет в отчаянии, если его десерт проигнорируют. Увидимся за завтраком, cara. — Он снова махнул рукой и вышел нетвердым шагом.

Питер и Вирджиния остались в столовой. Но когда Питер потянулся к ней и открыл рот, собираясь заговорить, Вирджиния шагнула назад,

покачала головой и приложила палец к губам.

— Давайте сядем и закончим обед, Питер, — громко сказала она. — Пожалуйста, позвоните Крампу. Хотя он уже идет.

Только позже, когда никто не мог их подслушать, они смогли поговорить.

— Тебе не кажется, что он все знает? — сказал Питер. — Хотя, если так, почему он не ведет себя как разгневанный муж? Как ты думаешь, Вирджин?

— У тебя талант к изобретению прозвищ, — пробормотала Вирджиния в его объятиях.

— Нет, серьезно.

— Понятия не имею, что Нино знает, а что нет. Он настоящий сфинкс.

— Почему он попросил меня прочитать новое завещание? Почему пригласил меня к обеду?

— Паникер. — Вирджиния засмеялась. — С этим завещанием все в порядке, Питер? Никаких трюков?

— Дополнительных условий нет вовсе. С его смертью ты наследуешь полмиллиарда долларов. Везет же некоторым!

— Так ли? — Вирджиния глубоко вздохнула. — Однако, Питер…

— Да, малышка?

— Теперь мы должны быть осторожными вдвойне.

— Почему?

— Завещание можно изменить.

— Об этом не беспокойся, цыпленочек, — сказал Питер Эннис. — Думаю, мы преодолели трудности.

РОДЫ

Ребенок родился.

Придя завтракать следующим утром, Вирджиния Уайт Импортуна спросила у Крампа:

— Где мистер Импортуна?

— Он не выходил из спальни, мадам.

— Нино еще спит? Так поздно? Это на него не похоже.

— Очевидно, мадам, вчерашнее возбуждение…

— Он действительно неважно себя чувствовал и сразу после обеда пошел спать. — Вирджиния нахмурилась. — А Винченцо ничего не говорил?

— Слуге мистера Импортуны, мадам, строго приказано не беспокоить хозяина, пока он не позвонит.

— Знаю, Крамп. Но приказы созданы для того, чтобы их нарушать. Это отличает людей от роботов!

— Да, мадам. Желаете, чтобы я заглянул в комнату мистера Импортуны?

— Я сама это сделаю.

На Вирджинии был длинный халат, и, идя по музею, на который походил ее дом, она думала:

«Будь у меня в руке свеча, меня наверняка бы приняли за леди Макбет».

Дверь спальни Импортуны была закрыта.

Вирджиния попробовала ручку, и та повернулась. Поколебавшись, она подняла руку и негромко постучала.

— Нино?

У них были отдельные спальни с самого раннего периода брака, когда Вирджиния впервые столкнулась с печальными последствиями их сделки. «Ты шантажом заставил меня выйти за тебя замуж, — сказала она Импортуне, — и удерживаешь меня с помощью кнута и пряника. Как твоя жена, я должна терпеть твое скотство, но в нашем контракте не говорится, что я обязана делить с тобой спальню после того, как ты получил свое. Я требую собственную спальню».

Импортуна сразу же предоставил ее жене. «Пожалуйста, раз ты выполняешь свои обязанности, sposa», — ответил он с насмешливым поклоном.

— Нино? — Вирджиния постучала снова.

При этом Импортуна никогда не прибегал к физическому насилию, ограничиваясь только унижениями. Только! Иногда ей казалось, что она предпочла бы прямое насилие постоянной жестокой деградации ее женского существа. Как

будто она лично была повинна в его мужской несостоятельности и должна была за это расплачиваться!

— Нино! — Из спальни не доносилось ни звука.

Вирджиния распахнула дверь, открыла рот, но не смогла закричать. Наконец попытка увенчалась успехом. На крик прибежали Крамп (так быстро, насколько позволяло ему достоинство), Эдитта, Винченцо, другие слуги, даже великолепный Сезар и, наконец, Питер из своего рабочего кабинета. Пять минут он молча смотрел в спальню Импортуны, потом закрыл дверь, подтолкнул продолжающую кричать Вирджинию к Крампу и рявкнул ему:

— Сделайте хоть раз в жизни что-то человеческое — позаботьтесь о миссис Импортуна! Я должен вызвать полицию.

ПОСЛЕД

Плацента — пористое, овальное образование в утробе матери, сквозь которое происходит питание плода во время беременности.

Она выходит сразу же после рождения ребенка.

Сентябрь-октябрь 1967 года

Фантастическое дело Импортуны-Импортунато (все участвующие в расследовании соглашались, что убийство, самоубийство и еще одно убийство являлись тремя звеньями одной цепи), по мнению Эллери, только начиналось. Его невероятность вызывала головные боли, о которых он обычно вспоминал с удовольствием, когда они проходили после успешного раскрытия дела, но теперешняя бомбардировка мозговых клеток различными вариантами числа «девять» иногда заставляла его сожалеть о том, что он не выбрал себе хобби попроще, вроде изучения контрактуры Фицджералда-Лоренца[52] или поисков

[52] ПРИМЕЧАНИЯ: 52

Гипотеза ирландского физика К.Ф. Фицджералда (1851–1901) и голландского физика Хендрика Антона Лоренца (1853–1928), состоящая в том, что движущееся тело незаметно деформируется в направлении движения.

убедительного объяснения ленты Мёбиуса.[53]

Обстоятельства убийства Нино Импортуны могли удовлетворить самого страстного приверженца беззакония и беспорядка. Промышленный магнат обедал а casa[54] с женой и секретарем после счастливого дня, объединяющего его шестидесятивосьмилетие и пятилетнюю годовщину свадьбы. Во время обеда он внезапно пожаловался на головокружение и боли в животе, но отказался от предложения вызвать врача, заявив, что недомогание недостаточно серьезно для медицинского вмешательства, и удалился в личные комнаты, пообещав принять лекарство и лечь спать.

В спальне он вызвал своего слугу Винченцо Риччи, велел помочь ему раздеться и разобрать постель, а потом отпустил его до утра. Винченцо оставил хозяина открывающим аптечку в ванной. Вероятно, слуга был последним, за исключением убийцы, кто видел Импортуну живым. Хозяин не показался Винченцо серьезно больным

---

[53] ПРИМЕЧАНИЯ: 53

Лента Мёбиуса — длинная односторонняя поверхность, образованная поворотами одного конца ленты на 180° и прикреплением этого конца к другому, названная по имени немецкого математика Августа Фердинанда Мёбиуса (1790–1868).

[54] ПРИМЕЧАНИЯ: 54

Дома (ит.).

— похоже, ему лишь слегка нездоровилось.

Миссис Импортуна сказала, что той ночью не входила и даже не заглядывала в спальню мужа, боясь разбудить его. «Если бы ему стало хуже, — заявила она детективам, прибывшим на место преступления, — он бы позвонил Винченцо или вызвал меня. Так как я ничего не слышала, то полагала, что он спит и с ним все в порядке».

Питер Эннис, секретарь покойного, сказал, что покинул пентхаус сразу после того, как миссис Импортуна и он доели десерт, и отправился в свою холостяцкую квартиру в кирпичном доме несколькими кварталами к западу.

Пузырек аспирина, бутылка с молоком магнезии с отвинченной крышкой и столовая ложка, покрытая засохшим слабительным порошком, находились на мраморной полке рядом с умывальником в ванной.

Тело в шелковой пижаме, которую, по словам Винченцо Риччи, он приготовил для хозяина накануне вечером, лежало в широкой кровати, покрытое легким шелковым одеялом. Видна была только голова — вернее, то, что от нее осталось. На постельном белье было много крови. В отличие от убийства Джулио Импортуны голову его брата размозжили несколькими ударами — мед-

эксперт насчитал девять различных черепных травм. Очевидно, Импортуну забили до смерти во сне. Не было никаких признаков борьбы, и, согласно показаниям слуги, из комнаты ничего не исчезло, а все вещи оставались на своих местах.

Бумажник Импортуны, содержащий несколько тысяч долларов наличными и множество кредитных карточек, лежал нетронутым на ночном столике у кровати.

Удар раздробил наручные часы на запястье убитого — по-видимому, из-за недомогания он забыл снять их. Это была изготовленная на заказ итало-швейцарская платиновая модель с выложенными рубинами цифрами. Стрелки остановились на девяти часах девяти минутах.

Орудие убийства — чугунная абстрактная скульптура — валялось на окровавленном одеяле рядом с трупом. Отпечатки пальцев на скульптуре отсутствовали, а в спальне обнаружили только отпечатки самого Импортуны, его слуги Риччи и горничной-пуэрториканки, в чьи обязанности входила уборка комнат. Очевидно, убийца был в перчатках.

Вопрос о том, как убийца смог незаметно проникнуть в здание, оставался открытым. Пожилой ночной портье — бывший нью-йоркский по-

лицейский по фамилии Гэллегер — клялся и божился, что ни один незнакомец не проходил мимо него. С другой стороны, дом был достаточно большим, поэтому детективы пришли к выводу, что преступник, терпеливо наблюдая, мог выкроить подходящий момент и проскользнуть внутрь, не замеченный Гэллегером.

Чтобы обеспечить доступ в квартиру пентхауса и не оставить следов, убийца, по мнению детективов, мог воспользоваться услугами сообщника, находящегося в квартире, или обзавестись ключом от входной двери, которая была снабжена замком специального производства. Прислугу уже начали допрашивать одновременно с поисками слесаря, который мог изготовить дубликат ключа.

Если убийство Джулио и самоубийство Марко Импортунато были зарегистрированы на сейсмографах мировых финансовых центров, то убийство старшего брата и главы «Импортуна индастрис» вызвало настоящее землетрясение. Курс акций колебался на большей части земного шара — в Нью-Йорке, Лондоне, Париже, Антверпене, Брюсселе, Цюрихе, Берлине, Вене, Афинах, Каире, Гонконге, Токио, даже на юге и востоке Африки, везде, куда Импортуна инвестировал

свои капиталы. Две биографии убитого магната в бумажных обложках появились на прилавках и в газетных киосках в течение трех недель после его смерти. Телевидение созвало круглый стол банкиров и экономистов обсудить вероятные долгосрочные последствия ухода Импортуны с мировых финансовых рынков. Воскресные газетные приложения изобиловали сенсационными, в основном вымышленными подробностями начала его молодости, личной жизни и стремительного взлета в стратосферу индустриального могущества.

Вдова Импортуны за одну ночь стала самой популярной женщиной в мире, сохраняя этот титул, покуда миссис Джон Ф. Кеннеди не превратилась в миссис Аристотель Сократ Онассис. Причина заключалась не только в том, что жестокое убийство мужа сделало Вирджинию Уайт Импортуна (как выразилась одна остроумная журналистка, «девятью ударами») одной из богатейших женщин в истории. Она также была, несомненно, одной из самых фотогеничных. Тени на скулах превращали ее лицо в прекрасную трагическую маску, а большие светлые глаза на некоторых фотографиях придавали ей неземной облик.

Подобное сочетание богатства и красоты притя-

гивало как магнит. Общенациональные женские журналы в спешке меняли макет, ища в архивах фотографии Вирджинии Импортуна и помещая их при первой же возможности; «99 Ист» осаждали днем и ночью просьбами об интервью и позировании знаменитым фотографам и модным художникам. Настойчивые требования СМИ так мешали расследованию, что полиция убедила вдову нанять для их рассмотрения специальное агентство.

Но если прелестная выжившая стала объектом приставаний, предположений и сплетен (преимущественно злобных), то безобразная жертва вызывала еще большее любопытство. Человек, избегавший публичности при жизни, превратился в притчу во языцех после смерти благодаря сенсационным подробностям о его гибели и суевериям, ежедневно публикуемым прессой.

Репортер «Нью-Йорк дейли ньюс» окрестил Нино Импортуну «Человеком-девяткой», а обозреватель «Нью-Йорк пост» в тот же день назвал дело Импортуны «убийством-девяткой». Вскоре оба термина уже использовались повсеместно. Ими не побрезговала и «Нью-Йорк таймс».

Ибо Нино Импортуна, этот самый практичный из людей, всю свою жизнь, состоящую из

долларов, фунтов, франков и лир, питал фанатичную иррациональную веру в могущество числа «девять». Оно стало его тотемом, его торговой маркой, словно слон для Э.Э. Каммингса,[55] как указал один эрудированный комментатор. Покойный мультимиллионер сделал число «девять» осью, вокруг которой вращались буквально все спицы его существования.

— Ладно, — сердито кивнул инспектор Квин. — Я согласен обсудить это с тобой. Выкладывай, если тебе есть что сказать. Но не жди, что я сразу клюну. У меня и так достаточно неприятностей в связи с этим делом. Я не намерен строить из себя дурака из-за какого-то вздора с магическими числами.

— Разве я использовал слово «магические»? — запротестовал Эллери. — Я всего лишь заметил, что газеты правы, подчеркивая значение числа «девять» для Импортуны. Как ты мог проглядеть такое, папа? Ведь это лежало в основе его личности.

— Меня интересует, поможет ли это поймать его убийцу, — проворчал старик.

— Не знаю. Возможно — в конце концов. Ин-

---

[55] ПРИМЕЧАНИЯ: 55

Каммингс, Эдуард Эстлин (1894–1962) — американский поэт, писатель и художник.

спектор страдальчески возвел очи горе:

— Ну говори! Я же сказал, что выслушаю тебя.

— Давай начнем сначала — с появления Нино на свет. Когда он родился? 9 сентября 1899 года — в девятый день девятого месяца.

— Важный факт, ничего не скажешь.

— А число 1899 — кратное девяти.

— Что-что?

— Его можно разделить на девять.

— Ну и что из того?

— Далее. Сложи его цифры — один плюс восемь плюс девять плюс девять, — и что ты получишь? Двадцать семь. Это число также кратное девяти. А если ты сложишь его цифры — два плюс семь, — то получишь снова девять.

— Ради бога, Эллери…

— Разве я не прав?

— Ты не можешь относиться к этому серьезно.

— Но именно так это воспринимал Импортуна. Что конкретно подтолкнуло его к навязчивой идее насчет девяти, мы, вероятно, никогда не узнаем. Возможно, роль этого числа в его дате рождения или то, что он родился с девятью пальцами вместо положенных десяти. А может быть, какое-то значительное событие, происшедшее с ним, скажем, в девятый день рождения. Что

бы это ни было, оно накрепко завладело крутым хладнокровным бизнесменом. Он дошел до того, что изменил семейную фамилию. Семья и все связанное с ней составляет предмет гордости итальянского contadino.[56] Однако Нино отбросил две последние буквы своей фамилии и официально стал Импортуной, хотя братья категорически отказались последовать его примеру. Почему Нино Импортуна, а не Нино Импортунато? Изменение не очень значительное, тем не менее для Нино оно имело колоссальный смысл. Почему? Потому что оно превращало фамилию из одиннадцати букв в девятибуквенную! Не качай головой, папа. Для тебя это звучит глупо, но оно не звучало так для Импортуны. Я чувствую, что здесь кроется нечто важное… Возьмем его имя…

— Нино?

— Неправильно — Туллио. Я взял на себя труд это выяснить. Когда он обратился в суд с просьбой позволить изменить фамилию Импортунато на Импортуна, то одновременно просил изменить имя Туллио на Нино. Туллио его нарекли при крещении в церкви родного городка в Италии — я телеграфировал в римское частное сыскное

---

[56] ПРИМЕЧАНИЯ: 56
Крестьянина (ит.).

агентство, чтобы получить эту информацию. Почему он так поступил?

— Нино, — произнес невольно заинтригованный инспектор. — Nino чертовски близко к nine.[57] Может быть, по-итальянски nino означает «девять»?.. Господи, что я несу!

— Нет, по-итальянски это означает «ребенок». «Девять» по-итальянски «nove».

— А существует итальянское имя, которое начинается с «Нове»?

— Нет, иначе он, безусловно, его бы присвоил. Так почему же Нино? Только потому, что оно по написанию и звучанию наиболее близко к его счастливому числу? Не думаю. Я уже произвел кое-какие исследования по этому вопросу, папа. Ты, конечно, подумаешь, что я спятил или пьян…

— Я уже так думаю, — прервал его отец, устало махнув рукой. — Так что продолжай.

— Мы никогда это не докажем, но я убежден, что Туллио Импортунато погряз в мистике числа «девять» всеми девятью пальцами и обеими ногами до того, как стал Нино Импортуной. Для этого есть основания, так как «девять» с древно-

---

[57] ПРИМЕЧАНИЯ: 57
Девять (англ.).

сти было одним из важных мистических чисел. В древнем мире его можно обнаружить практически повсюду.

Например, согласно пифагорейцам, человек являет собой полный звукоряд из восьми нот, которых вместе с божеством становится девять. Девять — это трижды три — совершеннейшее число, троица. Царь этрусков Ларс Порсена клялся девятью богами. В аду было девять рек, а в некоторых источниках река Стикс окаймляет районы ада девятью кругами. Ранние христиане насчитывали десять рангов ангелов. В Птолемеевой астрономии было девять сфер — оттуда Мильтон взял свою «гармонию сирен небесных, на девяти сидящих сферах». Скандинавская мифология говорит о девяти землях. Ковчег Девкалиона,[58] прежде чем приземлиться на горе Парнас, бросало по волнам девять дней. У Гидры было девять голов. В «Тщетных усилиях любви» Шекспира мы встречаем Девять Достойнейших, а у Драйдена — трех героев из Библии, трех из античного мира

[58] ПРИМЕЧАНИЯ: 58

В древнегреческом варианте легенды о Всемирном потопе бог Зевс, задумавший уничтожить погрязший в нечестивости род людской, обрушил на землю непрекращающийся ливень. Сын титана Прометея, Девкалион, по совету отца построил огромный ящик и спрятался туда вместе с женой. Волны, покрывшие землю, носили ящик девять дней и ночей, пригнав его наконец к вершине горы Парнас.

и трех из века рыцарства; как пишет он сам: «Три еврея, три язычника и три христианских рыцаря». Могу я продолжать?

Инспектор открыл рот, но Эллери уже заговорил снова:

— Фольклор переполнен этим числом. Абракадабру[59] носят девять дней, прежде чем бросить в реку. Чтобы увидеть эльфов, достаточно бросить девять зерен пшеницы на четырехлистный клевер. И так далее до бесконечности. В наши дни аренда коммерческого здания предоставляется на срок до девяноста девяти лет. Геральдика признает девять различных корон и девять знаков младших родовых линий, а церковная архитектура — девять видов креста. Довольно или добавить еще что-нибудь?

— Пожалуйста, не надо! — простонал инспектор. — Ты доказал, что «девять» — всем числам число. Ну и что из этого, Эллери?

— Для Импортуны это, очевидно, значило очень много. Я готов держать пари, что он обращался к древним халдейскому и еврейскому алфавитам, которые приписывают буквам числовые значения. Загляни в «Книгу чисел» Цицерона. Ты

---

[59] ПРИМЕЧАНИЯ: 59

В данном случае разновидность амулета.

обнаружишь, что буква N соответствует числу «пять», I — единице, а O — семи. Таким образом, N-I-N-O равняется пяти плюс один плюс пять плюс семь, что в сумме образует восемнадцать. Восемнадцать состоит из единицы и восьмерки, которые в сумме составляют девять! Кстати, еврейское слово «хаи» означает «жизнь», а еврейский тост «лэ хаим» — «за жизнь». Числовое обозначение слова «хаи» («chai») — восемнадцать, первое кратное девяти; это число ассоциируется с даянием и благотворительностью.

Я знаю, что это кажется ахинеей, папа, но уверен, что Туллио переименовал себя в Нино, так как кто-то в глубокой древности разработал символическую систему, где N-I-N-O образует девятку.

Наступило молчание.

Наконец инспектор Квин решительно щелкнул вставными челюстями.

— Хорошо, сынок, я приму это во внимание. Что мне терять? Но с другой стороны, что я приобрету? Что это нам дает?

— Более правильным был бы вопрос: что это дало Нино? Очевидно, немало, судя по его сказочному успеху. Хочешь убедиться в том, до какой степени он поклонялся в своем святилище

великому богу девятки? Все это содержится в опубликованных подробностях его биографии, которые я изучал последние два дня и которые, кажется, никто не принимает всерьез, кроме меня.

— Что ты имеешь в виду?

— Импортуна подписывал контракты и другие важные документы только 9-го числа, а также 18-го или 27-го, обе цифры которых в сумме составляют девять. Новые предприятия «Импортуна индастрис» начинали действовать, а старые ликвидировались также только по этим числам, хотя это зачастую означало задержку, причиняющую неудобства и даже крупные финансовые потери для участников сделки. Как сообщает вице-президент одной из дочерних компаний «Импортуна индастрис», однажды Импортуна задержал подписание договора на три дня до 18-го числа, прекрасно зная, что это обернется убытком более чем в двадцать миллионов долларов.

Обрати внимание, что Импортуна женился на Вирджинии Уайт 9 сентября 1962 года. В девятый день девятого месяца года, чьи цифры в сумме составляют восемнадцать, а цифры этого числа, в свою очередь, образуют девять. Более того, число 1962 кратно девяти. Наш покойный друг не риск-

нул вступать в брак в тот день, который не был бы связан с девятью во многих отношениях.

— Учитывая то, что произошло спустя пять лет, — заметил инспектор, — брачное число нашего покойного друга не принесло ему удачи.

Эллери с любопытством посмотрел на отца:

— Ты предполагаешь, что его жена…

— Кто здесь предполагает? — прервал инспектор. — Продолжай, Эллери, ты меня заинтриговал. Как еще он использовал число «девять»?

— Какой номер жилого дома в Ист-Сайде, который купил Импортуна? 99. Сколько там этажей? Девять. Можно не сомневаться, что он приобрел здание именно по этой причине. Или что он, по крайней мере, не стал бы его покупать, если бы не номер и количество этажей.

Постоянство этого человека просто пугает. В одном из рапортов указывается, что на каждом предмете одежды Импортуны есть его монограмма, где к буквам «НИ» добавлена закорючка, похожая на цифру «девять». Такая же причудливая монограмма присутствует, подобно гербу, на его личных и деловых бумагах, чемоданах, автомобилях, самолетах, яхтах и так далее. Даже к своей подписи он всегда прибавлял маленький росчерк, напоминающий девятку.

Импортуна поистине был одержим этим числом. Знаешь, как он ходил, диктуя или думая вслух? Девять шагов в одну сторону и девять в другую — я услышал это от Питера Энниса. Он говорит, что давно обратил внимание на странный ритм походки Импортуны, но понял его смысл, только посчитав шаги.

— Да этот тип был просто психом! — воскликнул инспектор Квин.

— Конечно. Кто, кроме выдающегося психа, мог сделать столько денег? Импортуна покупал серии книг, только если они содержали девять, восемнадцать, двадцать семь или другое число томов, кратное девяти. В его квартире ты найдешь книги на любую тему — от «Вымерших птиц Новогебридских островов» до «Истории гинекологии». Очевидно, для Импортуны было важно их количество, а не содержание.

— Ладно, — сказал старик. — Допустим, он помешался на числе «девять». Но я хочу знать, как это поможет нам, несчастным копам, найти его убийцу. Как число «девять» связано с убийством?

— Вот-вот! — воскликнул Эллери, как будто поймал отца на слове. — Не знаю, как это число поможет нам найти убийцу, но то, что оно связа-

но с убийством, факт. Даже несколько фактов.

— В самом деле, — пробормотал инспектор. — Время преступления…

— Это один из них. Удар, разбивший часы Импортуны во время нападения, произошел в девять часов девять минут вечера. Я бы этому не поверил, если бы сам не видел часы. Кстати, Импортуна не случайно, заказывая их, велел выложить цифры рубинами. Рубины, наряду с гранатами и гелиотропами, считаются приносящими удачу — особенно если камни находятся неподалеку от кожи. А что может быть ближе к коже, чем наручные часы?

— И количество ударов…

— Да, девять черепных травм от девяти ударов. А док Праути утверждает, что Импортуна был мертв уже после первых ударов.

— И это все девятки, связанные с убийством?

— Не все, папа. Вспомни орудие убийства — абстрактную чугунную скульптуру с изящным завитком. Тебе не показалось, что она напоминает цифру «девять»?

Итак, вот три девятки, являющиеся элементами убийства, — продолжал Эллери, обращаясь к своим ногам и дергая себя за нос, — и я отказываюсь допускать даже математическую вероятность,

что это совпадения. Смерть в девять часов девять минут вечера, причиненная орудием в форме цифры «девять», которым ударили Импортуну по голове девять раз… — Эллери так энергично покачал головой, что у его отца заболела шея. — Существует лишь одно объяснение, которое может меня удовлетворить. Убийца, полностью информированный о всепоглощающей вере Импортуны в мистические свойства числа «девять», постарался буквально насытить преступление этим числом — привлечь к нему внимание. Мне даже хочется сказать, сам не знаю почему, — похоронить его под нагромождением девяток. Заметь, что ему было незачем бить свою жертву по голове девять раз — согласно медэксперту, Импортуна умер гораздо раньше девятого удара.

Удовлетворял ли он таким образом собственную страсть к фантазии, гротеску, причудливую тягу к соответствию даже в таких вещах, как убийство? Если Импортуна буквально жил девятками, убийца полагал, что он должен и умереть от них.

— Я этому не верю, — фыркнул инспектор. — Это означает, что убийца такой же чокнутый, как Импортуна. Два психа в одном деле для меня чересчур, Эллери.

— Согласен.

— Неужели?! — удивленно воскликнул старик.

— Разумеется. Человек, который спланировал и осуществил убийство Джулио, а потом, после самоубийства Марко, прикончил Нино, пронизав свое преступление числом «девять», обладает, возможно, извращенным, но весьма острым умом. Убив Нино подобным образом, он бросил эти девятки нам в лицо. Я почти слышу его смех. И все же я испытываю неприятное чувство, что…

— Что он псих!

— Ты сам только что сказал, что этого не может быть.

— Значит, я передумал, — заявил инспектор. — Такое дело способно свести с ума всю полицию.

Если бы он знал, что сумасшествие только начинается, то тут же сдал бы свой полицейский значок и утащил бы Эллери на какой-нибудь необитаемый остров, никогда не ведавший о преступлениях.

* * *

Первое из анонимных посланий (их нельзя именовать анонимными письмами, поскольку некоторые из них не содержали письменных сообщений) прибыло во вторник 19 сентября с

утренней почтой. Оно было отправлено накануне — на конверте стояла дата: «18 сентября» — в районе, обслуживаемом почтовым отделением вокзала Грэнд-Сентрал. Конверт с маркой был самым обычным — из тех, что продают во всех почтовых отделениях Соединенных Штатов от Мэна до Гавайев. Послание было адресовано инспектору Ричарду Квину, Главное полицейское управление на Сентр-стрит, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк, 10013. По словам экспертов, адрес написали одной из миллионов шариковых ручек с синей пастой, которыми ежедневно пользуются в цивилизованном мире и даже в некоторых не вполне цивилизованных местах. Буквы были не письменными, а печатными и лишенными какой-либо индивидуальности, поэтому графологическая экспертиза ничего бы не дала.

Первыми словами инспектора Квина при виде содержимого конверта были: «Почему мне?» Вопрос был не вполне в стиле Иова,[60] хотя инспектору хотелось добавить «О боже». В расследовании дела Импортуны участвовало много чинов департамента куда более высокого ранга, чем Ричард Квин. В самом деле, «почему мне?».

---

[60] ПРИМЕЧАНИЯ: 60

Иов — в Библии (Книга Иова) праведник, чью веру Бог подверг жестоким испытаниям.

Но никто не мог ему ответить, покуда Эллери не нашел ответ и на другие вопросы.

Как ни странно, инспектор без малейших колебаний связал послание, отправленное 18 сентября, каким бы загадочным оно ни казалось непосвященному, с убийством Импортуны. Он сделал это без благословения Эллери, поскольку был уведомлен о роли в деле числа «девять».

Изучение пункта отправления вблизи Грэнд-Сентрал не привело ни к чему. Хотя позднее — когда Эллери указал на почтовый индекс 10017 и на вероятность того, что последующие сообщения анонимного отправителя будут исходить из почтовых отделений, сумма цифр индексов которых также составляет девять, — появилась надежда, что устройство наблюдательных пунктов у таких отделений может дать позитивные результаты. Следующие послания действительно были отправлены из почтовых отделений в Трайборо (индекс 10035), на Черч-стрит (индекс 10008) и на Морнингсайд (индекс 10026), но анонимщика схватить не удалось.

На содержимом конвертов отсутствовали отпечатки пальцев или какие-либо другие следы, поддающиеся идентификации. Что касается самих конвертов, то обнаруженные на них отпе-

чатки не совпадали с отпечатками, принадлежащими лицам, прямо или косвенно связанным с Импортуной, Импортунато или «Импортуна индастрис». Как выяснилось, они были оставлены почтальонами или почтовыми клерками во время рутинных процедур. Проверка этих служащих не выявила даже отдаленной их связи с семьей или предприятиями Импортуны.

Когда было признано, что первое сообщение («Если его можно так назвать!» — сердито проворчал инспектор Квин в разговоре с одним из своих начальников) пришло от убийцы, интенсивно разыскиваемого нью-йоркской полицией, руководство распорядилось держать все сведения о его прибытии, содержимом и самом существовании строго в пределах департамента, да и то на ограниченной основе. Из офиса первого заместителя комиссара поступило предупреждение о том, что любое нарушение этого приказа, повлекшее за собой утечку в прессу, на радио или телевидение, приведет к суровым дисциплинарным взысканиям. Когда стали приходить другие послания, предупреждение повторили в еще более строгих выражениях.

Инспектор Квин извлек из обычного конверта со штемпелем почтового отделения Грэнд-Сен-

трал утром 19 сентября часть ни разу не использованной игральной карты с красной рубашкой. Самым примечательным было то, что карту аккуратно разорвали пополам.

Это была половинка девятки треф.

Как только инспектор увидел цифру «девять» в углу, перед его мысленным взором сразу же предстало видение девяти очков на целой трефовой девятке. Поэтому он обращался с половинкой карты так, словно она была пропитана ядом, убивающим моментально, при первом прикосновении.

— Это от убийцы Импортуны, — сказал инспектор Эллери, которого вызвал в управление. — Об этом свидетельствует девятка.

— Не только девятка.

— Что-нибудь еще? — осведомился уязвленный старик, ожидавший поощрительного похлопывания по спине за то, что он так хорошо усвоил урок.

— Когда его отправили?

— 18 сентября, согласно штемпелю.

— Девятого месяца. А цифры числа 18 в сумме составляют девять. И более того, — добавил Эллери, — Импортуна был убит 9 сентября — за девять дней до отправки послания.

Инспектор стиснул голову ладонями.

— Мне кажется, это ночной кошмар, и я сейчас проснусь… Ладно, — продолжал он, взяв себя в руки. — Девятка треф разорвана пополам. Девятка сама по себе является значимой фигурой. Согласен насчет девяти дней и всего прочего. Несомненно, это имеет отношение к делу Импортуны. Но какое?

Серебристые глаза младшего Квина блеснули.

— Тебе когда-нибудь гадали на картах в Кони-Айленде?[61]

— В Кони-Айленде? — Инспектор произнес эти слова, как будто пробуя их на вкус и находя его мерзким. — Гадали на картах? Нет!

— Каждая из пятидесяти двух карт в колоде имеет свое индивидуальное значение, отличающееся от остальных. Например, пятерка бубен в современной гадальной системе означает телеграмму. Валет червей — проповедника. Туз пик…

— Это я знаю, спасибо, — мрачно прервал инспектор. — Лучше скажи, что означает девятка треф.

— Последнее предупреждение.

— Последнее предупреждение? — удивленно

---

[61] ПРИМЕЧАНИЯ: 61

Кони-Айленд — район Нью-Йорка (Южный Бруклин), где находятся парк развлечений и пляж.

переспросил старик.

— Но эта девятка не означает последнее предупреждение, папа.

— Соберись с мыслями, сынок. Сначала ты говоришь, что она означает последнее предупреждение, а потом — что не означает! Эллери, я не в подходящем настроении для шуток!

— А я не шучу. Целая девятка треф означает последнее предупреждение. Но если карта разорвана пополам, ее смысл меняется на противоположный. Таковы правила.

Инспектор выглядел озадаченным.

— Ты имеешь в виду, что это… первое предупреждение?

— Похоже на то.

— Но почему? Первое предупреждение о чем?

— Этого я не могу сказать.

— Почему?

— Потому что не знаю.

— Не знаешь? Эллери, ты приходишь в мой кабинет, порешь чушь насчет гадания, а потом оставляешь меня ни с чем! Я ведь должен представить рапорт.

— Мне бы очень хотелось помочь тебе, папа. Но я понятия не имею, о чем он нас предупреждает в первый раз или в последний.

— От тебя помощи как от козла молока! — рявкнул инспектор и поспешил с таинственным ключом навстречу рандеву на Голгофе.

Ночью, ворочаясь в постели с боку на бок, он вспоминал подробности. «Половинка девятки треф означает последнее предупреждение…» — «Что это значит, Квин?..» — «Не знаю, сэр…» — «А что думает этот чудак… я имею в виду вашего сына, Квин? Это дело по его части…» — «Эллери тоже не знает, сэр…» Недовольные голоса и лица начальников грозили появляться и в будущих сновидениях.

* * *

Второе послание пришло в таком же конверте и тоже было адресовано инспектору Квину. Однако внутри не было ни половинки, ни целой игральной карты; в конверте лежал листок дешевой белой бумаги без водяных знаков, на котором под микроскопом обнаружили кусочки клея и красной ткани, приставшие к одной из коротких сторон.

«Листок, — гласило заключение из лаборатории, — был вырван из обычного блокнота, который можно купить за десять центов в любом канцелярском магазине. Отследить его проис-

хождение не представляется возможным».

Текст, написанный на листке шариковой ручкой и прописными печатными буквами, проливал на историю не больше света, чем лабораторный рапорт:

ОДИН ИЗ ДРУЗЕЙ ДЕТСТВА НИНО СТАЛ СУДЬЕЙ ВЕРХОВНОГО СУДА.

Подпись отсутствовала.

Высшие полицейские чины, к тому времени уведомленные Эллери через отца относительно роли в деле числа «девять», смогли разглядеть ее и в этом послании, хотя смысл его ускользал и от них, и от самого Эллери. Допустим, один из приятелей детства Нино трудится в Верховном суде Соединенных Штатов. Как мрачно прокомментировал этот факт заместитель комиссара по юридическим вопросам, ему повезло, но что из того? (Никто и мысли не допускал, что речь могла идти о Верховном суде штата Нью-Йорк или какого-либо другого штата. В конце концов, только один знаменитый верховный суд[62] состоял из девяти членов).

Само послание также состояло из девяти слов.

---

[62] ПРИМЕЧАНИЯ: 62
Имеется в виду Верховный суд США.

— Хотите знать мое мнение? — сказал первый заместитель комиссара. — Черт бы все это побрал!

Тем не менее рутинные правила требовали проверки «друзей детства Нино» и их карьеры, поэтому начальство распорядилось начать расследование.

* * *

Третье послание напоминало первое — конверт содержал новую игральную карту, но на сей раз целую.

Это была девятка червей.

— Я скоро начну кусаться! — проворчал инспектор Квин. — Что девятка червей означает в гадании?

— Обычно разочарование, — ответил Эллери.

— Разочарование? По какому поводу? Чье?

— Возможно, он пытается сообщить нам, — предположил Эллери, дергая себя за нос с такой силой, что у него на глазах выступили слезы, — что разочарование ожидает нас.

Следующее послание выглядело более вразумительно:

РАНЕЕ НИНО БЫЛ ПОЛУПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ

БЕЙСБОЛИСТОМ В БИНГЭМПТОЫЕ, ШТАТ НЬЮЙОРК.

— Нино когда-нибудь играл в полупрофессиональный бейсбол? — осведомился инспектор.

— Ты меня спрашиваешь? Понятия не имею! — В эти дни Эллери отвечал очень громко, словно он или весь мир оглох.

— Я просто подумал вслух, сынок. Бейсбольная команда выходит на поле в количестве…

— Девяти человек. Это я уже понял, спасибо.

— И сообщение…

— Снова состоит из девяти слов. Это я тоже заметил. Чего я не понимаю — что все это значит? К чему ведет?

Меморандум инспектору Р. Квину от Лу Б. Мэлоуэна, шефа детективов: «Организуйте расследование бейсбольной карьеры Нино Импортуны, или Туллио Импортунато».

— Здесь тоже девять слов! — простонал инспектор.

Следующее сообщение опять прибыло в форме игральной карты, очевидно, из той же колоды. На сей раз это была девятка пик.

— Горе, — сказал Эллери.

— Еще какое, — буркнул инспектор. — Но что означает девятка пик?

— Я же только что объяснил тебе — горе.

— И все?

— Ну, по-видимому, горе для кого-то.

— Для кого именно?

— Не знаю. Может быть, для Вирджинии Импортуна? В конце концов, ее лишили мужа особо скверным способом.

— Но это никуда нас не приводит, Эллери.

— Не думаю, папа, что убийца, посылая нам эти сообщения, особенно стремится куда-либо нас привести — разве только в психушку.

— По-моему, именно это он и делает. Исключительно для забавы.

— Не могу с тобой согласиться.

— Но ты сам сказал только что…

— Ты веришь всему, что говорят люди? Цель этих посланий более рациональна и практична, нежели игра в пятнашки с нью-йоркским управлением полиции. Но беда в том, что… Черт возьми, папа, пожалуй, я вернусь домой и займусь моим романом!

— А он еще не закончен? — холодно осведомился его отец.

Эллери молча удалился.

НА РАНЧО НИНО В ПАЛМ-СПРИНГС ЕСТЬ ПЛОЩАДКА ДЛЯ ГОЛЬФА.

Такой же конверт, такая же бумага, такие же прописные печатные буквы, оставленные такими же чернилами и такой же ручкой.

Никаких зацепок.

— Читается как реклама недвижимости, — пробормотал Эллери. — Конечно, ты понял, на что он намекает?

— По-твоему, я совсем тупица? Девятилетний… я имею в виду, любой мальчишка это бы понял, — мрачно отозвался инспектор. — Частные площадки для гольфа обычно имеют девять лунок.

— Но даже если площадка Нино имела восемнадцать…

— Знаю, Эллери. Один плюс восемь равняется девяти.

— И в послании снова девять слов. Боже! — воскликнул Эллери без всякого намека на благочестие. — Как бы я хотел знать, что у этого типа в голове.

Если шестое письмо напоминало рекламу недвижимости, то следующее — во всяком случае, по содержащемуся в нем обвинению — отсылало к компетенции барона Рихарда фон

Крафт-Эбинга:[63]

НИНО ПОЛУЧАЛ УДОВОЛЬСТВИЕ С ПОМОЩЬЮ КОШКИ С ДЕВЯТЬЮ ХВОСТАМИ.

— Вопрос в том, — размышлял вслух Эллери, — обвиняется покойный мистер Импортуна в том, что он был поклонником Захер-Мазоха[64] или же графа де Сада?[65]

— Это было бы лакомым кусочком для прессы, — покачал головой инспектор. — Думаешь, это правда?

— Откуда мне знать? — сердито отозвался Эллери. — Я не был посвящен в альковные тайны Импортуны. Хотя почему бы и нет? Имеющему пятьсот миллионов традиционный секс может казаться слишком ограниченным. Обрати внимание — этот тип пишет «кошка с девятью хвостами», а не «кошка-девятихвостка», как обыч-

---

[63] ПРИМЕЧАНИЯ: 63

Крафт-Эбинг, Рихард, барон фон (1840–1892) — немецкий психиатр.

[64] ПРИМЕЧАНИЯ: 64

Захер-Мазох, Леопольд фон (1836–1895) — австрийский писатель, описывавший сексуальное удовлетворение при причинении боли партнером (отсюда мазохизм).

[65] ПРИМЕЧАНИЯ: 65

Сад, Донасьен Альфонс Франсуа де, граф (маркиз де Сад) (1740–1814) — французский литератор, известный описанием половых извращений, в том числе сексуального удовлетворения при причинении боли партнеру (отсюда садизм).

но называют такой хлыст. Интересно, он сделал это по невезению или с целью обойтись девятью словами? Не то чтобы это имело значение…

Инспектор поднялся, держа в руке конверт с новым посланием.

— Скажи, Эллери, почему эту штуковину так называют?

— Потому что она оставляет на теле жертвы следы девяти плетей, образующих хлыст, похожие на царапины от кошачьих когтей. Разумеется, я говорю не как участник или свидетель подобной процедуры. Мне это известно только понаслышке.

— Ну и пропади оно пропадом. — Инспектор вышел из кабинета, отправляясь к начальству с докладом о дальнейшем развитии событий.

— Подожди! — крикнул ему вслед Эллери. — У кошки девять жизней! Не забудь упомянуть об этом.

* * *

Почти неделя прошла без новых посланий.

— Все кончено, — с надеждой сказал инспектор. — Он прекратил меня доставать.

— Нет, папа, — отозвался Эллери. — Он просто ослабил лесу. Разве ты не чувствуешь, что попал-

ся на крючок?

— Почему ты уверен, что будет новое послание? — сердито спросил старик.

— Можешь в этом не сомневаться. Следующим утром послание легло на стол инспектора с первой почтой.

НИНО ЗАКАЗЫВАЛ СТАТУИ МУЗ ДЛЯ ВИЛЛЫ НА ЛУГАНО (ИТАЛИЯ).

— Ну и молодец, — проворчал инспектор. — А что это за музы? Может, он имел в виду мафиози?

— Музы куда древнее мафиози, папа, — устало объяснил Эллери. — Девять муз — девять дочерей Мнемозины и Зевса. Каллиопа, Клио, Эрато и так далее. Греческая мифология.

Инспектор прикрыл глаза дрожащей рукой.

— И конечно, снова девять слов. У Импортуны была вилла на Лугано?

— Что? Думаю, да. Хотя я не уверен. Какая разница? Главное, что этот кошмар будет продолжаться до бесконечности!

Заявление не требовало ответа. Тем не менее Эллери ответил на него.

— Нет, — сказал он. — Будет еще только одно послание.

Через два дня на стол инспектора Квина лег еще один конверт, который он вскрыл на публике, состоящей из его сына и наиболее стойких руководителей управления, заинтригованных пророчеством Эллери.

Из конверта выпала игральная карта с красной рубашкой.

Девятка треф.

— Но он уже присылал мне трефовую девятку, — запротестовал инспектор, как будто его анонимный корреспондент нарушил какое-то правило их таинственной игры. — В первом конверте.

— Он присылал тебе половинку трефовой девятки, — напомнил Эллери. — Что совсем другое дело. Между прочим, это говорит нам кое о чем. Чтобы раздобыть целую девятку треф после того, как он разорвал одну надвое, ему пришлось выйти и купить вторую колоду с красными рубашками.

— А это что-то меняет? — с беспокойством осведомился кто-то из начальства.

— Абсолютно ничего, — ответил Эллери. — Просто отмечено для протокола. Ну, джентльмены, вы понимаете, что это означает?

— Что? — хором осведомились остальные.

— Помнишь, папа, я объяснял тебе значение целой девятки треф?

Инспектор густо покраснел.

— Я… э-э… забыл.

— Последнее предупреждение.

— Верно! Последнее предупреждение о чем, Эллери? Кому?

— Не имею ни малейшего понятия.

Инспектор кисло улыбнулся начальству, извиняясь за неудовлетворительную работу своего отпрыска.

— Кто-нибудь в этом чертовом заведении знает хоть что-то об этих чертовых посланиях? — рявкнул первый заместитель комиссара.

Молчание.

— Если мне позволят вмешаться… — начал Эллери.

— Вы даже не числитесь здесь, Квин!

— Нет, сэр. Но я могу заверить вас, комиссар, что это было последнее послание.

— Откуда вы знаете?

— Потому что, сэр, — ответил Эллери, растопырив все пальцы правой руки и четыре пальца левой, — это сообщение было девятым.

* * *

Шло время, но послания больше не приходили. Эллери ощущал мини-удовлетворение от своего столь же миниатюрного триумфа. В эти дни он был рад любым крохам. Например, он первым из посвященных в секрет посланий указал, что промежуток между понедельником 18 сентября, когда был отправлен первый конверт, и воскресеньем 15 октября, когда отправили последний, составил ровно двадцать семь дней.

А число «двадцать семь» кратно девяти.

А два плюс семь в сумме составляют девять.

В голове у Эллери, подобно назойливому лейтмотиву, вертелась мысль: «Он буквально топит нас в девятках. Почему?»

Инспектор Квин читал и перечитывал старые и новые рапорты, пока не почувствовал, что может повторить их наизусть с закрытыми глазами в темной комнате. Ни один из них не проливал даже струйки света на непроглядный мрак этого дела.

Ранняя теория, что Нино Импортуна мог быть отравлен, прежде чем его ударили по голове, не подтвердилась токсикологическим обследованием его внутренних органов. Причина

желудочного расстройства за несколько часов до смерти была отслежена вплоть до кулинарного кризиса, который в худшем случае мог стоить покойному мультимиллионеру услуг его темпераментного шеф-повара.

За несколько дней до праздничного обеда миссис Импортуна велела Сезару приготовить одно из любимых блюд ее мужа, cacciucco alia Livornese — суп по-ливорнски из морских продуктов, двумя из ингредиентов которого являлись омар и кальмар. Пользуясь этим итальянским рецептом, Сезар всегда настаивал на обращении к истокам, поэтому омар и кальмар были доставлены по воздуху из Италии. Вначале Сезар приготовил соус, в котором вымочил упомянутые ингредиенты, а попробовав результат, взвыл от ужаса. По его словам, кальмар имел guasto gusto — отвратительный вкус; он отказывался продолжать готовку cacciucco, поскольку на карту была поставлена его честь кулинара, грозя в противном случае уйти в отставку. Импортуна лично поспешил на кухню, попробовал кальмара и без колебаний согласился с Сезаром, который сразу сменил гнев на милость. Cacciucco исключили из обеденного меню. Вечером Сезар испытал легкое желудочное расстройство почти одновре-

менно с более сильным приступом Импортуны. К несчастью, содержимое кастрюли вылили в помойное ведро, так что подвергнуть его анализу было невозможно. Но следы тела головоногого моллюска обнаружили в желудке Импортуны, и лабораторное обследование показало, что у него произошло небольшое и отнюдь не смертельное пищевое отравление. Испорченный кальмар не мог иметь связь с последовавшим убийством.

Другая теория, выдвинутая полицейскими чиновниками, считавшими анонимные послания работой какого-то психа, не связанного с делом, заключалась в том, что Нино Импортуна и его брат Джулио — а может быть, все три брата — были связаны с мафией, и основывалась на сицилийском происхождении клана Импортунато. Согласно сторонникам этой версии, мафия исподволь проникла в некоторые операции «Импортуна индастрис», и убийство братьев явилось результатом борьбы за контроль над огромной бизнес-империей.

Однако и эта теория не выдержала натиска детективов. Не было обнаружено никаких доказательств связи Нино, Марко, Джулио или

какой-либо из их компаний с коза ностра.[66] По этому поводу существовал консенсус не только между Центральным бюро расследований и другими нью-йоркскими экспертами в области организованной преступности, но и с информацией, переданной на Сентр-стрит из ФБР.

Если отсутствие прогресса в деле Импортуны-Импортунато у инспектора Квина и его коллег вызывало досаду, то Эллери воспринимал это как личное оскорбление. Его роман, на который уже перестал надеяться издатель, продолжал вяло тлеть на письменном столе. Эллери плохо спал, просыпаясь от ночных кошмаров, где постоянно присутствовали девятки, но подробности которых он не мог удержать в памяти более пары секунд, как бы отчаянно ни пытался. Эллери ел, как человек, страдающий недостатком железа в крови, терял в весе больше, чем могла позволить и без того худощавая фигура, и огрызался на всех, включая отца и бедную миссис Фабрикант, которая бродила по квартире Квинов с таким видом, словно вот-вот разразится слезами.

---

[66] ПРИМЕЧАНИЯ: 66

Cosa nostra — наше дело — одно из названий мафии (ит.).

* * *

— Приятно посмотреть на живое лицо, даже если оно кислое, — сказал док Праути. — Здесь мы видим в основном мертвые. Как поживаешь, Эллери? Чем могу тебе помочь? — Медэксперт принадлежал к тому же поколению, что и инспектор Квин, и, подобно инспектору, был ходячим музеем допотопного юмора.

— Насчет кислоты вы правы. А что касается помощи, расскажите мне о времени смерти Нино Импортуны. — Эллери отвел взгляд от медэксперта, который жевал сандвич с арахисовым маслом и тунцом, лежавший в ржавой коробке для ленча на его столе. Сколько он мог помнить, Сэм Праути всегда приносил ленч на работу. В принципе Эллери ничего не имел против ленча в служебных условиях, но чувствовал, что обстановка на рабочем месте дока Праути к этому не слишком располагает.

— Время смерти Нино Импортуны? — Медэксперт прищурился, продолжая жевать. — У нас что — неделя археологии? Это древняя история.

— Знаю, удар по запястью Импортуны остановил его часы на десяти минутах десятого. Я имею в виду, соответствует ли это время результатам

вскрытия?

— Ты хоть представляешь себе, сколько вскрытий мы произвели после этого?

— Не пудрите мне мозги, док. Вы помните подробности вскрытий даже двадцатилетней давности.

— Все сказано в моем рапорте, Эллери. Разве ты не читал его?

— Мне его никогда не показывали. Как насчет того, чтобы ответить на мой вопрос?

— Время на часах — полная чушь. По нашему медицинскому мнению, Импортуну убили около полуночи — даже немного позже. Примерно на три часа позже времени, которое показывали часы.

Жизнь шевельнулась в серебристых глубинах глаз Эллери.

— Вы имеете в виду, что его часы намеренно установили на десяти минутах десятого с целью указать ложное время смерти?

— С какой целью — не знаю. Это не моя епархия. И вообще, я никогда не мог понять, почему сообщаю официальную информацию гражданскому лицу, словно клерк в справочном бюро. Хочешь кусок сандвича? Моя старуха опять приготовила с арахисовым маслом и тунцом.

— Я скорее умру с голоду, чем съем хоть крошку. Вскрытие не показало ничего заставившего вас изменить мнение о количестве ударов по голове Импортуны?

— Я сказал — девять, так оно и было.

— Спасибо, док. Оставляю вас наслаждаться трупами тунца и арахиса. — Эллери повернулся. — Еще один вопрос. Прав ли я, считая, что часы Импортуны были разбиты одним из этих девяти ударов? Иными словами, при ударе по голове скульптура отскочила и попала по запястью — возможно, потому, что он вскинул руки, инстинктивно пытаясь отразить удар?

— Разве я это говорил? — осведомился доктор Праути, отплевываясь тунцом и арахисовым маслом.

— Я этого не утверждаю, а просто спрашиваю: так ли это?

— Не так. Во всяком случае, по моему мнению. Часы разбились от совсем другого удара. Ни на них, ни на руке не было следов крови или волос с головы. Если хочешь знать, что я думаю, то удар по часам нанесли другим орудием, а не чугунной скульптурой.

— А это фигурировало в вашем рапорте, док?

— Конечно нет! Я патологоанатом, а не детек-

тив. В моем рапорте говорилось, что на часах и запястье отсутствуют кровь, волосы или фрагменты мозга. Это медицинское заключение. А все остальное не моя работа.

— Я тупею с возрастом, — пробормотал Эллери, стуча себя по лбу. — Почему я не настоял на том, чтобы прочитать ваш рапорт о вскрытии?

И он удалился бегом, оставив медэксперта вгрызающимся вставными зубами в труп яблока.

* * *

Вирджиния Уайт Импортуна приняла Эллери в гостиной ее личных апартаментов в пентхаусе. Он был удивлен при виде комнаты, обставленной в раннем колониальном стиле, как в сотнях тысяч американских домов, так как скорее ожидал помпезного стиля Le Roi Soleil[67] или венецианской лакированной мебели и гипсовых статуэток восемнадцатого века.

То, что Эллери вначале принял за хорошие копии, оказалось оригиналами в превосходном состоянии. Шкаф семнадцатого столетия из дуба, сосны и клена мог быть украден из музея «Мет-

[67] ПРИМЕЧАНИЯ: 67

«Король-солнце» (фр.) — прозвище французского короля Людовика XIV (1638–1715, на троне с 1643).

рополитен», а еще более ранние брустеровские стулья выглядели так, словно некогда принадлежали губернатору Уильяму Брэдфорду.[68] Каждый предмет в гостиной молодой вдовы был ценным и редким антикварным изделием.

— Вижу, вы восхищаетесь моими древностями, мистер Квин, — промолвила Вирджиния.

— Восхищаюсь — слишком мягко сказано, миссис Импортуна. Я потрясен.

— Я обставила мои личные апартаменты в первый год брака. Мой муж дал мне полную свободу в этом отношении. Мои предки с отцовской стороны — жители Новой Англии, а я всегда была помешана на мебели и артефактах дореволюционной Америки. Но впервые в жизни у меня появилась возможность собирать их.

— Очевидно, ваш муж был очень щедр к вам.

— О да, — быстро ответила Вирджиния. Слишком быстро? Эллери заинтересовало то, что она сразу сменила тему, словно не хотела обсуждать Нино Импортуну. — К сожалению, вы выбрали неудачное время, мистер Квин, чтобы посетить меня. Иногда я чувствую себя сказочной принцессой, которую заперли в башне, охраняемой

---

[68] ПРИМЕЧАНИЯ: 68

Брэдфорд, Уильям (1590–1657) — один из первых британских поселенцев в Массачусетсе, второй губернатор Плимутской колонии.

драконами. Мне принадлежит не знаю сколько домов по всему миру, в большинстве которых я ни разу не бывала, но я не могу и носа высунуть из «99 Ист». Начинаю ненавидеть этот дом. Сколько еще времени это будет продолжаться?

— Думаю, до значительного прогресса в расследовании, — ответил Эллери. — Не хочу отнимать у вас много времени…

— Господи, да у меня его столько, что я не знаю, как его использовать. — Вирджиния вздохнула и посмотрела на свои руки, лежащие на коленях, которые тут же перестали вздрагивать. — Помимо необходимости подписывать тысячи бумаг, которые подсовывают мне адвокаты, мне абсолютно нечего делать. Так что поговорить с кем-то, кто не является полицейским, для меня удовольствие.

— Тогда, боюсь, мне придется вас разочаровать, — улыбнулся Эллери. Почему она так нервничает? За это время ей следовало привыкнуть к подобным визитам. — Хоть я и не полицейский, миссис Импортуна, но пришел задать вам несколько полицейских вопросов.

— Вот как?

Нотка удивления и сожаления в ее голосе показалась ему неискренней. Она должна была

знать, что он явился сюда не для разговоров об антиквариате.

— Вы не возражаете?

Женщина пожала плечами:

— Никак не могу к этому привыкнуть, хотя давно пора. Конечно, я возражаю, мистер Квин, но от этого мне будет мало толку, не так ли?

С ее стороны это было умно. Эллери почувствовал знакомый прилив адреналина в ожидании битвы умов.

— Откровенно говоря, так, миссис Импортуна. Естественно, вы можете отказаться отвечать. Но я не вижу, зачем вам это делать, если вам нечего скрывать.

— Что вы хотите знать? — резко спросила она.

— Чугунная скульптура, которой воспользовался убийца, всегда стояла в спальне мистера Импортуны?

— Никогда. Она ему не нравилась.

— Где же она находилась?

— В главной гостиной.

— Не понимаю, миссис Импортуна. Это может оказаться важной информацией. Я читал протоколы большинства, если не всех ваших допросов и не помню, чтобы вы упоминали об этом факте. Почему?

— Потому что никто меня об этом не спрашивал! — Ее голубые глаза сверкали, как вода на солнце, скулы порозовели, придавая лицу кукольный вид. — Очевидно, я просто об этом не думала.

— Очень жаль. Видите, куда это приводит нас, миссис Импортуна? По пути в спальню вашего мужа убийца задержался в гостиной, чтобы выбрать оружие. Очевидно, он не принес с собой нож или пистолет, а если принес, то предпочел им эту скульптуру. Возникает вопрос: почему именно скульптуру? Я видел дюжину предметов в гостиной и спальне мистера Импортуны, которые ничуть не хуже могли бы послужить орудием убийства. Тем более что преступнику вообще незачем было проходить через главную гостиную, чтобы добраться до спальни вашего мужа. Следовательно, он намеренно свернул туда, чтобы взять скульптуру. Почему? Что такого важного было в этом абстрактном изделии?

— Не знаю.

— И даже не догадываетесь, миссис Импортуна?

— Нет.

— Форма скульптуры ничего вам не напоминает?

Она покачала головой.

— Ну, это не имеет значения. — Эллери снова улыбнулся. — Расскажите мне о ней, миссис Импортуна.

— Я не знаю, что рассказывать.

— По-моему, вы говорили, что скульптура не стояла в спальне мистера Импортуны, потому что она ему не нравилась.

— Это не совсем так. Я сделала два отдельных заявления, мистер Квин. Первое: скульптура не стояла в спальне моего мужа. Второе: она ему не нравилось. «Потому что» между ними не было.

— Понятно. Откуда она взялась?

— Это был подарок.

— Мистеру Импортуне?

— Нет.

— Вам?

— Да.

— И вы сказали, что она стояла в гостиной.

— Да, на подставке из черного дерева.

— Могу я спросить, кто и по какому случаю подарил вам ее?

— Мне подарили скульптуру на день рождения два года назад. Что касается того, кто ее подарил, то я не вижу, какое отношение это может иметь к тому, что мы обсуждаем.

— Знаю по собственному опыту, — заметил Эллери, — что никогда нельзя определить заранее, что окажется важным, а что нет. Хотя тот факт, о котором сообщают добровольно, обычно оказывается абсолютно неважным. Но я ощущаю сопротивление, миссис Импортуна, и это возбуждает мое любопытство. Если вы не захотите сообщить мне, кто подарил вам скульптуру, то уверяю вас, я смогу это выяснить. Как говорится, у меня свои методы.

— Питер Эннис, — с трудом вымолвила Вирджиния.

— Благодарю вас. Понимаю, почему вы предпочитали не сообщать об источнике подарка. Эннис практически жил здесь в качестве личного секретаря вашего мужа и его братьев. Он привлекательный молодой человек с нордической внешностью — идеальная пара для молодой и прекрасной хозяйки дома, которая вышла замуж за не блещущего красотой старика. Если бы стало известно, что секретарь делает жене подарки, могли бы начаться разговоры — особенно среди прислуги. А мистер Импортуна знал, что ценная скульптура подарена его секретарем его жене?

— Нет! Я солгала ему — сказала, что купила ее сама! — Ее блестящие волосы вдруг стали

выглядеть растрепанными, а одежда — неряшливой. — Вы жестокий человек, мистер Квин. Нино был ревнив, и мой брак не назовешь самым легким в мире. Он был сопряжен с обстоятельствами, которые… — Она умолкла.

— Да? — подбодрил ее Эллери.

Но Вирджиния тряхнула локонами и улыбнулась:

— Вы ловки, как все ищейки. Я не собираюсь продолжать этот разговор. — Она встала, подошла к двери и дернула шнур звонка. — Крамп вас проводит.

— Простите, что расстроил вас, миссис Импортуна. Если бы вы знали меня лучше, то поняли, что я не жестокий, а просто сразу чую крысу. Не возражаете ответить еще на один вопрос?

— Смотря на какой.

— Скульптуры, как и картины, обычно имеют название. Оно было у той, которую вам подарил Питер Эннис?

— Да. Какое-то тошнотворно-сентиментальное… Оно было написано на табличке, прикрепленной к подставке… — Вирджиния нахмурилась, но внезапно ее лицо прояснилось. — Вспомнила! «Появление новорожденного на свет».

«Ну и тип же ты, Эннис», — подумал Эллери.

* * *

Крамп не проводил Эллери к выходу. Правда, его величавая британская походка свидетельствовала о подобном намерении, но Эллери остановил его через десять шагов:

— Перед уходом я бы хотел поговорить с мистером Эннисом. Он дома?

— Могу посмотреть, сэр. — Как ни странно, судя по тону, идея пришлась Крампу по душе.

— Будьте так добры.

Очевидно, Крамп все знал о хозяйке и секретаре, разумеется не одобряя их отношений. Нет более чопорной публики, чем старомодная прислуга, в первых рядах которой стоят дворецкие.

— Мистер Эннис говорит, что он очень занят, сэр.

— Случайно и я тоже. Так что мы будем заняты вместе. Куда идти, Крамп?

— Мистер Эннис говорит, сэр… — На сей раз тон дворецкого выражал сожаление типа «я вынужден повиноваться приказаниям, сэр».

— Беру всю ответственность на себя, Крамп. Где он?

— Благодарю вас, сэр. Сюда, мистер Квин.

Он быстро и с явным удовольствием проводил

Эллери в «логово» Нино Импортуны, где на стуле покойного босса за столом Медичи восседал секретарь, погрузив руки в бумаги по самые локти. Оторвавшись от работы, Питер Эннис не скрывал недовольства.

— Я велел Крампу передать вам, Квин, что занят и не могу вас принять. У меня просто нет времени пережевывать одно и то же. А о вас, Крамп, я доложу миссис Импортуна.

— В таком случае вы обвините невиновного, — заявил Эллери, словно обращаясь к суду. — Крамп исполнил свой долг с верностью истинного англичанина. Мне пришлось применить мускулы, чтобы заставить его привести меня сюда. Разумеется, мускулы языка. Думаю, Крамп, вы больше не нужны — еще раз благодарю вас. Могу я сесть, Эннис? Это займет некоторое время. Нет? Чувствую, вы бы предпочли не беседовать со мной.

— Ладно, садитесь. — Питер пожал плечами. — Я не обязан с вами разговаривать, Квин, и делаю это только для того, чтобы скорее от вас избавиться. Вы не имеете никакого официального статуса — не могу понять, как вы сюда пробрались, учитывая, что вестибюль охраняется.

— Опять же не без усилий. — Эллери опустился на прямоугольный резной стул для посетителей и

тут же пожалел об этом. — В том, кто выбрал этот стул, несомненно, было что-то от инквизитора. Полагаю, это Импортуна. Кстати, о нем: у него был друг детства, который стал судьей Верховного суда Соединенных Штатов?

— Если и был, то он о нем никогда при мне не упоминал.

— Тогда поставлю вопрос по-другому. Не знаете, связывался ли когда-либо Импортуна — письменно, по телефону, с помощью пони-экспресса,[69] как угодно — с каким-нибудь судьей Верховного суда?

— Не знаю.

— А какой-нибудь судья когда-либо связывался с ним?

— От вас так просто не отвяжешься, — усмехнулся Питер. — Нет, тоже не знаю. А при чем тут Верховный суд?

— Играл ли он в молодости в бейсбол? Под именем Нино Импортуна, Туллио Импортунато или каким-нибудь еще?

— В бейсбол? Нино Импортуна? — Питер усмехнулся еще шире. — Если бы его знали, Квин, то поняли бы, насколько нелеп этот вопрос.

---

[69] ПРИМЕЧАНИЯ: 69

Пони-экспресс — система доставки почты верхом на пони на Американском Западе в 1860-х гг.

— Нелеп или нет, вы на него не ответили.

— Он не упоминал о подобной страшной тайне своего прошлого — по крайней мере, мне. А я никогда не сталкивался в его личных бумагах с чем-либо, указывающим на это. — Питер посмотрел на Эллери и перестал усмехаться. — Вы это серьезно?

— Бингэмптон в штате Нью-Йорк что-нибудь говорит вам?

— В связи с мистером Импортуной? Бингэмптон? Абсолютно ничего.

— Тогда скажите, есть ли… было ли у него ранчо в Палм-Спрингс, в Калифорнии?

— На это могу ответить утвердительно.

— Правда? Значит, я хоть на что-то наткнулся! — Эллери склонился вперед. — И там была площадка для гольфа?

— Площадка для гольфа? Кто вам это сказал?

— Была или нет?

— Повторяя одно и то же, вы ничего не измените, Квин. И вы не можете порицать меня за то, что я удивлен таким вопросом. Ведь вы не работали на Нино Импортуну, в отличие от меня. Площадка для гольфа подходила ему не больше, чем роль вожатой герлскаутского отряда. Он считал гольф преступной тратой времени для взрослого чело-

века — особенно для бизнесмена. Нет, у Нино не было площадки для гольфа ни в Палм-Спирнгс, ни где-либо еще. У него не было даже клюшек. Думаю, он вообще не умел играть в гольф.

Эллери пощипывал кончик носа, стараясь физической болью заглушить неудовлетворенность.

— А вы когда-нибудь видели среди его вещей кошку-девятихвостку?

— Видел… что?!

— Мы получили информацию, что Нино Импортуна любил ею орудовать или пробовать ее на себе. Что вы на это скажете, мистер секретарь?

Питер расхохотался:

— Уверяю вас, я не был настолько приближен! — Внезапно он перестал смеяться. — Если вы имеете в виду сексуальные извращения, то обратились не по адресу. Надежным источником была бы его жена, но надеюсь — даже уверен, — что она плюнет вам в глаза.

— У меня только что была беседа с миссис Импортуна, и по отдельным ее замечаниям я понял, что их сексуальная жизнь не вполне…

— Я не собираюсь обсуждать то, что не касается ни меня, ни вас, — чопорно сказал Питер.

— Импортуна был бабником? Уж об этом вы

должны кое-что знать.

— Бабником? Но ведь он же был имп… — Питер оборвал себя на полуслове.

— Импотентом? — мягко осведомился Эллери.

— Мне не следовало этого говорить! Просто с языка сорвалось! Это касается только миссис Импортуна. Не могли бы вы забыть о моей глупой выходке? Хотя, конечно, нет.

— Разумеется. А откуда вы знаете, что Импортуна был импотентом? Он сам вам рассказал? Нет, мужчина не делится такими подробностями с более молодым и полноценным мужчиной — тем более маленький Наполеон вроде Нино Импортуны. Вероятно, вы узнали это от его жены. Я прав?

— Больше я не скажу ни слова!

Эллери дружелюбно отмахнулся от темы:

— Этот вопрос вас не обременит. Импортуна заказывал какому-нибудь скульптору изваять девять муз для его виллы на Лугано? Между прочим, у него была там вилла, не так ли?

— Да, но я ничего не знаю о заказе скульптур для нее. А я должен был знать, так как заниматься подобными проектами входило в мои обязанности. Нет, Квин, вы снова промазали? Хотите сделать еще одну подачу?

— Начинаю думать, что кто-то нарушает пра-

вила, — проворчал Эллери. — Еще один-два вопроса, Эннис, и я оставлю вас в покое, чего не могу обещать самому себе. Импортуна любил карты — покер, шмен-де-фер, бридж, фаро, пинокль, канасту, джин, любую карточную игру?

— Он не питал никакого интереса к картам или к какой-либо другой игре, за исключением игры на бирже, но это больше походило на искусство, чем на риск.

— А как насчет гадания на картах?

— Гадания? Похоже, кто-то накачал вас всех ЛСД. Нино Импортуна не стремился узнать свое будущее с помощью карт — он был слишком занят, создавая его.

— Кто такой мистер Э.?

— Вы перескакиваете с темы на тему… — Питер шевельнулся на стуле. — Мистер Э.? Теперь, когда империя Импортуны в тисках ликвидации, я не вижу вреда в том, чтобы ответить вам. В течение того времени, когда я работал здесь, мистер Э. действовал в качестве личного доверенного эксперта Импортуны по бизнесу — можно сказать, его секретного агента. Когда босс интересовался новым предприятием — чувствуя, что оно на подъеме или на спаде и его можно приобрести по дешевке, — он отправлял мистера Э. на разведку.

Мистер Э. практически жил в самолетах, хотя ему приходилось передвигаться и на верблюдах. О результатах он всегда докладывал мистеру Импортуне лично и конфиденциально. И никому другому — даже Джулио и Марко.

— Как его имя? Едва ли просто Э.

— Нет, думаю, что Э. — инициал, но полного имени или фамилии я не знаю. Мистер Импортуна никогда мне их не называл, они не фигурировали в его переписке, а мои обязанности в отношении этого человека ограничивались организацией его встреч с боссом.

— Когда Импортуна хотел связаться с мистером Э., как он к нему обращался? Он должен был использовать какое-то имя.

— Нет. Он использовал кодовое слово, вроде телеграфного адреса. Такие закодированные адреса у него были во всех крупных городах мира. Между прочим, я сообщил всю эту информацию полиции. Мне казалось, они вам доверяют.

— Очевидно, не во всем, — вздохнул Эллери. — Этот мистер Э. кажется весьма таинственным.

— Большой бизнес всегда был для меня тайной, — сказал Питер Эннис. — Кстати, о тайнах, Квин, раз уж я позволил вам отнимать мое время, не разгадаете ли вы для меня одну тайну? Она

не дает мне покоя с тех пор, как это произошло, а вы пользуетесь репутацией специалиста по таким вещам.

— По этому делу такого не скажешь, — отозвался Эллери. — Что у вас за тайна?

— Это случилось прошлым летом — по-моему, в июне. Мистер Импортуна диктовал мне в этом кабинете, ходя взад-вперед. Вдруг он остановился, уставился на книжную полку, а потом повернулся и набросился на меня, словно поймал запустившим руку в его бумажник. Оказывается, я заметил, что несколько книг стоит вверх ногами, и, будучи аккуратистом, как тот парень из «Странной пары»,[70] перевернул их. Импортуна тут же перевернул их снова, напомнив, что велел мне не прикасаться ни к чему на этой полке, — даже приписал срыв сделки тому, что я не выполнил его приказ. С той поры это меня терзает. Что такого особенного в этих книгах? Почему он считал дурной приметой, если они стоят в правильном положении?

Эллери быстро подошел к перевернутым томам.

— «Основание Византия»... Мак-Листер... —

---

[70] ПРИМЕЧАНИЯ: 70

«Странная пара» — пьеса американского драматурга Нила Саймона (р. 1927).

Прочитав название и просмотрев несколько первых страниц текста, он обследовал таким же образом «Первоначальный Ку-клукс-клан» Борегара и «Поражение Помпея» Сантини.

Вернув их на полку в той же позиции, Эллери перелистал несколько томов, стоящих нормально, потом повернулся к Питеру и покачал головой:

— Импортуна был поистине одержимым. Какой бы из него вышел филателист! Он питал особый интерес к истории?

— Вовсе нет. Фактически он вообще едва ли читал что-нибудь, кроме биржевых и деловых сводок. Не знаю, почему он покупал эту библиотеку — разве только потому, что в кабинете полагается быть книгам.

— Эти три тома не просто занимают место на полке, Эннис. В них нет никакой тайны, если вы вспомните, как Импортуна был помешан на числе «девять». Книга Мак-Листера ставит своей целью доказать, что город Византии был основан в 666 году до Рождества Христова.

— В 666 году? — Какой-то момент Питер выглядел озадаченным, потом его осенило. — Вверх ногами 666 превращается в 999!

Эллери кивнул.

— А поставив книгу правильно, вы снова превратили это число в 666. Для поклоняющегося девяти это было святотатством.

То же касается книги Сантини. Она повествует о поражении, нанесенном Помпею парфянским императором Митридатом в 66 году до Рождества. Импортуна преобразил 66 в 99, а вы снова превратили священное число в бессмысленное. Неудивительно, что он рассвирепел.

Случай с «Первоначальным Ку-клукс-кланом» особенно интересен. Ку-клукс-клан был основан спустя год после окончания Гражданской войны — в 1866 году. Если вы перевернете книгу, всякое упоминание числа 1866 превращается в 9981. В сумме его цифры — 9, 9, 8 и 1 — составляют двадцать семь, а два плюс семь равняется магической девятке. Опрокинутое число 1866 представлялось Нино почти идеальным, вроде даты его рождения. Поставив «Первоначальный Ку-клукс-клан» в правильное положение, вы изменили 9981 на 1866, чьи цифры составляют в сумме всего лишь двадцать один, или два плюс один — то есть три. Число «три» было магическим для многих народов в течение тысячелетий, но не для вашего босса. Удивляюсь, что он не пристрелил вас на месте.

Питер махнул рукой:

— Нечто подобное я и предполагал. Импортуна был психом.

— Кто-то говорил — кажется, Стерн, автор «Тристрама Шенди», — что безумие более последовательно, чем разум. Хотите убедиться, насколько последовательным было безумие Импортуны? На той же полке находится книга «Высадка пилигримов». Она стоит правильно? По какой-либо особой причине? О да! Высадка на Плимутской скале произошла в 1620 году.[71] Число 1620 состоит из цифр 1, 6, 2 и 0, которые в сумме составляют девять. К тому же число 1620 делится на девять, давая результат сто восемьдесят. Но 1 + 8 + 0 снова равняется девяти! Можете представить, с какой радостью Импортуна потирал руки?

— Откровенно говоря, нет, — ответил Питер. — Его трудно было назвать жизнерадостным типом.

— Вы придираетесь к мелочам. Взгляните на эту книгу, Питер, — могу я называть вас по имени? Мне кажется, будто мы знакомы давным-давно. Она называется «Великая хартия в Раннимиде».

---

[71] ПРИМЕЧАНИЯ: 71

Пилигримами называли первых английских поселенцев в Северной Америке, высадившихся в Массачусетсе в 1620 г.

Едва ли необходимо заглядывать внутрь. Как известно любому школьнику, короля Иоанна вынудили подписать Великую хартию вольностей в 1215 году. Сложите цифры этого числа, и что вы получите? Девять! А если разделить 1215 на девять, то получится 135. 1 + 3 + 5 снова дает девять! Еще один триумф великого магната.

Или вот эта книга, Питер, также стоящая в правильном положении. «Возникновение Римской империи». Ее создал к своей грядущей славе Август Цезарь после победы при Акции. Дата установления его принципата? 27 год до Рождества Христова. Добрые старые двадцать семь — составляющие его цифры в сумме дают девять, и само оно делится на девять. Правда, частное при этом получается не девять, а три, но нельзя иметь все сразу, верно?

Факт в том, Питер, что каждая книга на этой полке, в прямом или перевернутом положении, имеет отношение к мистической вере Импортуны в могущество числа «девять». Вот почему он велел вам не прикасаться к ним и так рассердился, когда вы это сделали.

— Я знал, что он считает девять счастливым числом, — сказал Питер, — но это уже совершеннейший бред!

— Как сказать. Вы упомянули его обвинение, будто из-за вас сорвалась сделка. Скажите, Питер, что произошло после того, как он снова поставил эти три исторические книги вверх ногами? Я уверен, что Импортуна, узнав причину срыва сделки, не смирился с этим.

— Вы правы. Он тут же созвал трансатлантическую конференцию по телефону и выдвинул новое предложение.

— С каким результатом?

— Сделка состоялась.

— Видите! — Эллери с триумфом пожал Питеру руку и удалился.

* * *

Придя в полицейское управление, Эллери узнал, что все удочки, заброшенные с Сентр-стрит, все еще остаются без улова. Несмотря на конфиденциальную экспедицию в священные пределы Верховного суда, вашингтонская фаза расследования не выявила никаких признаков «друга детства Нино», живого или мертвого, которому удалось занять судейское кресло. А проверка четвертого послания, где упоминалось, что покойный мультимиллионер в молодости играл в полупрофессиональной бейсбольной команде

Бингэмптона, штат Нью-Йорк, не вызвала отклика ни в самом Бингэмптоне, ни где-либо еще.

Площадки для гольфа не оказалось ни на ранчо Импортуны в Палм-Спрингс, штат Калифорния, ни рядом с ним. Шестое сообщение было попросту лживым, и седьмое вроде бы тоже — по крайней мере, его не удалось подтвердить. Возможно, Нино Импортуна был привержен садистской или мазохистской сексуальной практике, но не обнаружилось никаких доказательств того, что он наслаждался использованием кошки-девятихвостки. Миссис Импортуна, которая, рассуждая логически, должна была знать об этом и которая решительно отказалась обсуждать какие-либо аспекты ее сексуальных отношений с покойным супругом, тем не менее на вопрос о кошке-девятихвостке заявила с некоторой горячностью, что, «насколько я знаю, это злобная выдумка».

На вилле Импортуны в Лугано не было никаких изображений муз. Не нашелся и скульптор, который получил заказ на подобные изображения, как говорилось в восьмом анонимном послании.

— Очевидно, анонимки присылал какой-то псих, — сказал инспектор Квин. — Мы решили бросить эту линию расследования.

— Мне это не кажется разумным, — отозвался

Эллери, — но не спрашивай почему. Да, папа, мне нужна информация о доме «99 Ист». Подробности его продажи Импортуне, копия договора и так далее.

— Какое это может иметь отношение к делу?

— Если хочешь, называй это догадкой. И еще одно… Хотя об этом я сам позабочусь.

— О чем?

— Я телеграфирую в итальянское частное агентство, чьими услугами уже пользовался, с просьбой прислать мне авиапочтой копию свидетельства о крещении Туллио Импортунато из церковных архивов.

— Зачем? — буркнул инспектор. — Ладно, назовем это еще одной догадкой. Что ты обнаружил в пентхаусе?

Эллери посмотрел на отца:

— Откуда ты знаешь, что я там что-то обнаружил?

— Столько лет видя твою физиономию, я не мог не научиться читать по ней.

— Я не обнаружил ничего конкретного, но, по-моему — и это уже больше чем догадка, — Вирджиния Импортуна и Питер Эннис наставили целый частокол рогов на голову старика Нино. Готов поклясться, что они не ограничивались

страстными взглядами с противоположных концов комнаты. А теперь скажи, что воскресило тебя?

— Воскресило?

— Несколько дней назад ты был готов уйти в дом престарелых, а сегодня выглядишь вполне жизнеспособным. Что здесь произошло?

— Ну, мы работаем над кое-чем, — осторожно сказал инспектор. — Вообще-то эта версия существовала с самого начала… Но все это строго секретно, Эллери, — начальство отберет у меня значок, если узнает, что я поделился даже с тобой.

— Чем поделился? Ты же ничего мне не сообщил!

— Ну, пока что мы двигаемся ощупью — мы не можем предпринять решительные меры без санкции окружного прокурора. Которого, кстати, очень заинтересует то, о чем ты только что рассказал мне. Это отлично укладывается в картину.

— В какую?

Но инспектор только покачал головой, и никакие льстивые уговоры сына не могли побудить старого сыщика к откровенности.

* * *

Эта осень мучила Эллери неудовлетворенностью. Девятки преследовали его и во сне, и за едой. Он продолжал изучать все девять анонимных посланий, ища в них тайный смысл, как обезьяна-мать ищет блох у детенышей, и размышляя, не следует ли ему проконсультироваться у специалиста-криптографа.

Здесь Эллери застревал, и не только из-за секретности, предписываемой Сентр-стрит. Сама мысль о подобной глупости, считал он, свидетельствует о степени его отчаяния.

Иногда Эллери испытывал сквозь пронесшиеся тысячелетия сочувствие к легендарному сыну Эгея и Эфры, пробиравшемуся ощупью по лабиринту под дворцом Миноса в Кноссосе навстречу лишь смутно представляемому чудовищу. «Беда в том, — думал Эллери, — что я не Тесей и у меня нет возлюбленной Ариадны, которая помогла бы мне найти Минотавра». Число «девять», в отличие от нити Ариадны, с любого места двигалось по кругу, не приводя никуда.

Эллери был уверен в одном: это число что-то означает. Ему казалось непостижимым, что они не могут понять его смысл. Выбор девятки в каче-

стве символа являлся фактом, чреватым чём-то важным.

Чреватым? Беременным?

Это слово не выходило у него из головы. Он не понимал причину, но она существовала где-то, вне пределов досягаемости.

Если все дело походит на беременность, то не родится ли в итоге мертвый плод? Или у матери произойдет выкидыш? Или же она выдержит срок, но родит маленького монстра, которому врачи по молчаливой договоренности позволят умереть?

Девятимесячный монстр…

Девять…

Или 99?.. 999?.. 9,999?.. 99,999?.. Эта дорога вела к безумию.

Тем временем на Сентр-стрит расследование продвигалось, хотя и крайне медленно. Некоторые линии были отброшены, и это также считалось прогрессом, правда, не комиссаром и другими высшими чинами.

Анонимные послания, к досаде Эллери, были официально отвергнуты. Тщательная проверка внушительного списка деловых конкурентов Нино Импортуны лишь утомила следователей. По-прежнему нигде не было никаких следов

загадочного мистера Э., как будто он сгинул в каком-то природном катаклизме. Эта линия оставалась открытой, но лишь как рутинная предосторожность.

Однажды в конце октября инспектор Квин объявил Эллери:

— Время пришло, сынок.

— Для чего? — проворчал Эллери. В эти дни он ворчал постоянно.

— Помнишь тот напыщенный замысловатый вздор, который ты нагородил после убийства Джулио Импортуны? Насчет передвинутого стола, убийцы-левши, клеветы на Марко и еще бог знает чего? Это звучало великолепно, но оказалось полной чушью. Когда Марко признался в убийстве Джулио, покончив с собой, все твои фантастические дедукции отправились прямиком в унитаз.

— Спасибо, папа, — поблагодарил его сын. — Визит в твой офис необычайно ободряет.

— И прекрати сосать палец. На сей раз не понадобятся никакие умственные сальто-мортале. Мы позволили увести себя от того, что с самого начала лежало у нас под носом.

— Должно быть, я слепну. Что именно лежало у нас под носом?

— Прежде всего, мотив.

— Мотив?

— Мотив убийства Импортуны, — раздраженно уточнил инспектор. — Что с тобой сегодня, Эллери? Ты как-то говорил мне что-то насчет куи…

— Cui bono.

— Вот-вот. Кому выгодно? Ну, ответ на это до обидного прост. Выгодно только Вирджинии Уайт Импортуна, которая получила полмиллиарда баксов.

Такая куча денег может ослепить, — философски заметил инспектор. — Подтверждением может служить то, что Импортуну прикончили только после того, как миссис Импортуна стала его единственной наследницей. Чернила на его новом завещании едва успели высохнуть. Правильно?

— Правильно, — ответил Эллери, — но…

— Никаких но. Это что касается мотива. Как насчет возможности? Ты всегда задаешь этот вопрос. Той ночью Вирджиния могла войти в спальню муженька. Кто мог проделать это легче или естественнее? О'кей?

— О'кей, — согласился Эллери, — но это не аргумент. Хочу напомнить…

— И наконец, оружие. Чугунная скульптура,

принадлежащая ей.

— За которой убийца специально зашел — прошу прощения, зашла в гостиную, чтобы потом оставить возле трупа. Почему она не приколола к его пижаме подписанное признание? Это было бы еще остроумнее.

— Может быть, ты сначала правильно назвал пол убийцы, — сказал инспектор, проводя по носу указательным пальцем.

— Что ты имеешь в виду?

— Секретаря.

— Питера Энниса? Конечно, это возможно, особенно если окружной прокурор сможет предъявить доказательство, что у них была связь. С другой стороны, существует надежное свидетельство, что тем вечером он покинул «99 Ист» после утомительного обеда и вернулся в свою квартиру. Или есть какое-то доказательство, хотя бы косвенно связывающее Энниса с преступлением?

— Может быть.

— Ты что-то утаиваешь?

— Я вообще не должен был тебе это рассказывать. Предположим, у нас есть свидетель, который видел Энниса, отъезжающего от своего дома в автомобиле незадолго до девяти вечера, и другой свидетель, который видел, как он вернул-

ся домой около половины четвертого ночи?

— А Энниса допрашивали по этому поводу?

— Да.

— И что он сказал?

— Что не покидал в тот вечер свою квартиру, вернувшись после обеда у Импортуны, — посмотрел телевизор и лег спать. Все участвующие в допросе сошлись во мнении, что это ложь. Врет он не слишком убедительно.

— Насколько надежны ваши свидетели?

— Окружной прокурор считает их достаточно надежными, чтобы предъявить обвинение в убийстве первой степени.

Эллери молчал.

— Значит, сговор? — спросил он наконец.

— Да.

— Прямых улик нет.

— А разве часто встречаются очевидцы убийства первой степени? — Инспектор пожал плечами. — Высокое начальство требует как можно скорее закрыть это дело. Оно может оказаться легче, чем выглядит. Эти двое с самого начала дурачили Импортуну, так что у них в любом случае нечиста совесть. Прокурор думает, что один из них может расколоться.

— А как насчет этих девяток? — спросил Эл-

лери.

— Это работа психа. Или просто «копченые селедки».[72] В любом случае они не имеют значения.

— Что ты сказал?

— О чем?

— О «копченых селедках»?

— Ну и что?

— «Копченые селедки»... — как в бреду, повторил Эллери. Отец уставился на него. — Знаешь, папа, возможно, ты попал в точку. Это всего лишь «копченые селедки»!

— Именно это я и сказал.

— Но могут ли все они быть ими? — бормотал Эллери. — Так много? Каждая из них? — Он поднялся с кресла, обитого потрескавшейся черной кожей, которое занимал много лет во время аналогичных консультаций, и начал возбужденно жестикулировать. — Я когда-нибудь цитировал тебе стишок анонимного автора семнадцатого века?

Спросил меня как-то один идиот:
«Сколько клубники в море растет?»

---

[72] ПРИМЕЧАНИЯ: 72

Английское выражение «red herring» («копченая селёдка») означает в переносном смысле отвлекающий маневр.

«Столько, — сказал, почесав я в носу,

— Сколько копченых селедок в лесу».

Копченые селедки в лесу… Лес… Кажется, папа, я наткнулся на что-то стоящее.

— Я скажу тебе, на что ты наткнулся, — проворчал старик. — Ты наткнулся на стену, и в результате у тебя мозги съехали набекрень.

— Но послушай…

В этот момент в дверях возник сержант Томас Вели, держа за уголки знакомый конверт.

— Еще одно письмо от нашего психа! — объявил он. — На этот раз пришло экстренной почтой.

— Не может быть! — воскликнул Эллери.

Но это оказалось правдой. Текст гласил:

С КЕМ ВИРДЖИНИЯ ХОДИЛА НА ЛЕНЧ ДЕВЯТОГО ДЕКАБРЯ ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТОГО?

— Отправитель — тот же чокнутый, — с отвращением произнес инспектор. — Те же прописные печатные буквы, та же шариковая ручка, тот же конверт с тем же почтовым штемпелем…

— И те же девять слов. Впрочем, не совсем те же, — быстро добавил Эллери. — Знаешь, папа, это может оказаться интересным поворотом. Может, твой корреспондент чокнутый, но он битком

набит информацией.

— Вроде Нино, игравшего в полупрофессиональный бейсбол, владевшего площадкой для гольфа и массой сведений, оказавшихся бредом курильщика опиума?

— Тем не менее мне любопытно, с кем Вирджиния ходила на ленч 9 декабря 1966 года. В досье имеются какие-нибудь данные?

— Я не помню, где я был в тот день, — сердито отозвался инспектор. — Откуда мне знать, где была она?

— Тогда советую это выяснить.

— Выясняй сам. На эту птичку и так ушло достаточно денег налогоплательщиков.

— Значит, ты не возражаешь, если я снова побеседую с Вирджинией Импортуна? А ты пока свяжись с окружным прокурором и уговори его немного повременить с грандиозными планами. Спасибо, папа!

И Эллери выбежал из кабинета.

* * *

— Что у вас на уме в этот раз, мистер Квин? — На губах Вирджинии мелькнула слабая улыбка. — Хотя я это знаю — то же самое, не так ли? — но, очевидно, вы работаете над каким-то новым

аспектом.

— Вас должно волновать не то, над чем я работаю, миссис Импортуна, — ответил Эллери тоном Дельфийского оракула,[73] — а то, над чем работают окружной прокурор и полиция.

Голубые глаза стали огромными.

— Что вы имеете в виду?

— Я собираюсь сообщить вам кое-что, грозящее мне большими неприятностями, если станет известно, что я вас уведомил. В настоящее время окружной прокурор готовится выдвинуть против вас обвинение в заговоре с целью убийства.

— В заговоре?

— Им известно, что происходило за спиной вашего мужа между Питером Эннисом и вами.

Вирджиния молчала так долго, что Эллери начал опасаться, не онемела ли она от потрясения. Только бледность выдавала ее чувства.

— Миссис Импортуна?

Щеки молодой женщины слегка порозовели.

— Простите, я задумалась о своей грешной жизни, — сказала она. — Я не могу винить их за то, что они приписывают мне всевозможные злодеяния. Но я не убивала Нино, мистер Квин,

---

[73] ПРИМЕЧАНИЯ: 73

В древнегреческом городе Дельфы находился храм с оракулом (прорицателем) бога Аполлона.

и это правда. Полагаю, с моей стороны было бы наивным ожидать, что вы мне поверите.

— Не знаю. Я родился с умом открытым для восприятия — полным дыр, как сказали бы мои клеветники. — Эллери улыбнулся. — Но я не обязан предъявлять результаты моей работы разным важным шишкам, включая самую важную из них — публику. Так что не будьте слишком суровы к беднягам. Вы должны признать, что их теория выглядит достаточно убедительно.

— Почему вы мне все это говорите, мистер Квин?

— Скажем, я не удовлетворен официальной версией, миссис Импортуна. О, я не сомневаюсь, что у вас и Питера была связь — я пришел к этому выводу независимо от полиции. Но я не верю, что вы способны хладнокровно убить кого-то, а это убийство было хладнокровным. Конечно, я могу ошибаться — со мной такое бывало, и не раз. Но признаюсь, что на сей раз я хотел бы оказаться правым.

— Благодарю вас. — В голосе Вирджинии звучали нотки удивления.

— Теперь что касается того, почему я здесь. Ответите вы на мои вопросы или нет, зависит от того, решите ли вы мне довериться. Надеюсь,

что да. Итак, 9 декабря прошлого года, миссис Импортуна, вы ходили с кем-то на ленч. С кем?

Вирджиния хихикнула:

— Что за нелепый вопрос после столь грозного вступления! Вы действительно ожидаете, что я помню такую мелочь, как свидание за ленчем десять месяцев назад?

— Пожалуйста, постарайтесь вспомнить. Это может оказаться отнюдь не мелочью, а чем-то жизненно важным для вас.

Его серьезность подействовала. Некоторое время ее взгляд блуждал по сторонам, потом наконец устремился на Эллери.

— Очевидно, я идиотка, но мне кажется, вы не пытаетесь завлечь меня в западню. — Эллери молчал. — К счастью, есть способ ответить на ваш вопрос, мистер Квин. Уже много лет я веду дневник. Я не пропустила ни дня с тех пор, как мне исполнилось четырнадцать. Надеюсь, вы не будете надо мной смеяться, но мне это казалось похожим на Эмили Дикинсон. Раньше я была абсолютно уверена, что стану современной Эмили, буду одеваться только в белое, проводить почти все время в своей комнате, сочиняя стихи, которым суждено бессмертие… Ну, вас вряд ли интересуют мои девичьи мечты. Но я каждый

день записываю то, что со мной происходит.

— Да, — кивнул Эллери, — это действительно способ.

Он поднялся вместе с ней.

— Я сейчас вернусь, — сказала Вирджиния.

Ему казалось, что ее не было целый век.

Она вернулась с объемистым дневником в черной сафьяновой обложке с золотым тиснением, защелкивающимся на замок. Эллери с трудом сдерживался, чтобы не выхватить его у нее из рук.

— Это мой дневник за 1966 год. Садитесь, мистер Квин.

Вирджиния опустилась на диван — работы Данкана Файфа,[74] подумал Эллери, судя по спинке в форме лиры, — и он сел напротив, стараясь не смотреть на дневник. Она повернула в замке ключ на золотой цепочке.

— Ну, давайте посмотрим. Какого декабря, вы сказали, мистер Квин?

— 9-го.

— 9-го… Вот оно… А, тот самый день…

— В тот день произошло что-то особенное, миссис Импортуна? — беспечным тоном осведо-

---

[74] ПРИМЕЧАНИЯ: 74

Файф, Данкан (1768–1854) — американский краснодеревщик.

мился Эллери.

— Можно сказать и так. Тогда я впервые отправилась на свидание с Питером, да еще на публике. Кажется, Нино уехал по делам в Европу или куда-то еще. Это был глупый и рискованный поступок, но мы пошли в незаметный ресторанчик, где не бывал никто из моих знакомых…

Эллери едва не попросил: «Можно мне взглянуть, миссис Импортуна?» — но вовремя остановился, понимая, какой уязвимой чувствует себя Вирджиния, и удивляясь, как она вообще осмелилась признать существование дневника, не говоря уже о том, чтобы предъявить его. Попади он не в те руки… В его руки?

К своему изумлению, Эллери услышал ее голос:

— Но зачем мне пересказывать вам это, мистер Квин? Прочтите сами.

И дневник оказался у него в руках.

— Вы сознаете, миссис Импортуна, что предлагаете мне информацию, которую, если она окажется имеющей отношение к делу, я буду вынужден передать отцу, так как он ведет следствие? Только благодаря ему меня сюда пропускают. В любом случае я не смогу помешать предъявить вам обвинение и передать дело в суд.

Вы понимаете это?

— Да.

— И тем не менее позволяете мне прочесть вашу запись за тот день, о котором идет речь?

Ее веки слегка дрогнули, но взгляд оставался безоблачным.

— Я не убивала своего мужа, мистер Квин, и не вступала ни с кем в заговор с целью его убийства. Да, я влюбилась в Питера Энниса, который не только красив, но и добр. Но раз вы уже знаете, что мы любим друг друга, как может дневник повредить нам?

Эллери осторожно открыл дневник и прочитал: «9 декабря 1966 г. Интересно, почему я продолжаю записи? Это нагромождение чувств, надежд, разочарований, страхов, радостей и прочего. Из-за радостей — тех немногих, которые у меня есть, — и из-за почти наркоманской жажды выразить их? Тогда почему я останавливаюсь на скверных эпизодах? Иногда я думаю, что это не стоит риска. Если Н. когда-нибудь найдет дневник…»

Он продолжал читать, погружаясь в поток мыслей и чувств Вирджинии, анализируя ее повествование о событиях того дня — встрече с Эннисом в неприметном ресторанчике, настойчивых уговорах Питера развестись с Нино

Импортуной, ее испуге при расставании: «…если взгляд Питера выражал то, что мне показалось, а его прощальные слова означали то, о чем я думаю, зародыш превратится в урода, как бывает, если беременная женщина принимает талидомид, если не в кого-нибудь еще хуже», — дойдя до последних фраз: «Так что прощайте, миссис Бутылка, лучше я лягу в кроватку».

Эллери закрыл томик в кожаной обложке и протянул его Вирджинии. Она вставила ключ в замок, повернула его, надела цепочку на шею и спрятала ключ под вырезом платья.

Запертый дневник лежал у нее на коленях.

— Не возражаете, если мы немного помолчим?

Эллери поднялся, не дожидаясь ответа, и начал ходить по комнате, потирая затылок, дергая себя за ухо и за нос и наконец прижавшись лбом к краю каминной полки. Взгляд Вирджинии следовал за ним. Казалось, она терпеливо и бесстрашно ожидала того, что уготовила ей судьба. Вскоре эта аура спокойной уверенности стала ощутимой для Эллери. Он отошел от камина и посмотрел на Вирджинию:

— Где вы прячете ваши дневники, миссис Импортуна?

— В очень надежном месте, — ответила она. —

Не спрашивайте, где именно, потому что я вам не скажу.

— Кто-нибудь знает о тайнике?

— Ни единая душа ни в этом, ни в ином мире.

— Даже Питер Эннис?

— Я же сказала, мистер Квин, — никто.

— Нет никакой вероятности, что кто-нибудь нашел этот том и прочитал его?

— Никакой, ручаюсь собственной жизнью. — Вирджиния улыбнулась. — Хотя я и так поставила жизнь на карту, верно, мистер Квин? Ко всем томам подходит только один ключ, и я никогда не снимаю цепочку. Даже когда принимаю ванну, даже когда сплю.

— А ваш муж не мог…

— Я никогда не спала в одной постели с мужем! — свирепо прервала его Вирджиния. — Когда он получал от меня то, что хотел, я уходила в свою комнату и запирала дверь.

— Миссис Импортуна, я должен спросить вас кое о чем…

— Лучше не надо.

— Прошу прощения, но Импортуна никогда не использовал плеть?

Она закрыла глаза, словно ища забвения в темноте, но почти сразу же открыла их.

— Нет, никогда. Но если вы хотите знать, что он использовал, не спрашивайте, потому что я вам не отвечу. Никто не услышит этого от меня, мистер Квин. А единственный человек, кроме меня, который мог бы рассказать, мертв.

Эллери взял Вирджинию за руку — она лежала в его пальцах доверчиво, как рука ребенка.

— Вы замечательная женщина. Я боюсь в вас влюбиться. — Он отпустил ее руку, и его тон изменился. — Не знаю, чем все это обернется, но вы видите меня не в последний раз.

* * *

Мистер Э. являл собой идеальное «пустое место» — как честертоновский почтальон[75] или «невидимка» более высокого ранга.

Он не был ни высоким, ни низкорослым, ни толстым, ни худым, ни блондином, ни брюнетом, ни молодым, ни старым, ни лохматым, ни лысым. Его лицо казалось вылепленным из теста или пластилина. Оно обладало способностью моментально приспосабливаться к непосредственному окружению, становясь его частью, как лицо в

---

[75] ПРИМЕЧАНИЯ: 75

В рассказе Гилберта Кита Честертона «Невидимка» убийцу никто не замечает благодаря униформе почтальона.

толпе.

Мистер Э. был одет не щеголевато и не убого — костюм нейтрального серого цвета обнаруживал лишь едва заметные признаки носки; под пиджаком были не совсем новая белая рубашка и серый галстук с чуть более темным рисунком; на ногах тускло поблескивали английские ботинки с немного стоптанными каблуками. В одной руке он держал темно-серую фетровую шляпу, а в другой — черный «дипломат».

Единственным его очевидным качеством была неприметность. Даже самый пытливый глаз едва ли взглянул бы на него дважды.

Однако обстоятельства были необычными, и инспектор Квин внимательно разглядывал мистера Э. Конфиденциального агента Нино Импортуны препроводили на Сентр-стрит два детектива, встретившие его в аэропорту Кеннеди, куда он прибыл самолетом «Эль Аль». Он выдержал пристальный взгляд инспектора терпеливо и спокойно, но со скромным чувством собственного достоинства и сел на стул, не оставив никаких воспоминаний о том, каким образом это проделал.

— В «99 Ист» вас знают как мистера Э., — начал инспектор Квин. — Ваше последнее путешествие

вы совершили под фамилией Кемпински, но ваше настоящее имя, как нам теперь известно, Эдуард Ллойд Меркенталер. Как мне вас называть?

— Как вам будет угодно. — Голос мистера Э. был мягким, как мыльная пена в дамской ванне, — казалось, он вот-вот исчезнет в водопроводной трубе. Если его беспокоила доставка двумя детективами прямо с самолета в полицейское управление для допроса по делу об убийстве, то он ничем это не проявлял. — В моем бизнесе удобнее пользоваться несколькими именами, инспектор. У меня нет предпочтений.

— Зато они есть у меня. Поэтому давайте пользоваться вашей настоящей фамилией. Вы не возражаете, мистер Меркенталер, ответить на несколько вопросов?

— Нисколько.

— Вам известны ваши права?

— Да.

— Желаете присутствия адвоката?

Губы мистера Э. растянулись в одобрительной улыбке, как будто инспектор удачно сострил.

— В этом нет необходимости.

— Вы только что упомянули ваш бизнес. В чем именно он заключается, мистер Меркенталер?

— Несколько лет назад меня нанял Нино Им-

портуна — не «Импортуна индастрис»; мистер Импортуна платил мне из личных средств — в качестве, можно сказать, специалиста по промышленному шпионажу.

— А точнее?

— Я изучал надежность и коммерческие возможности предприятий, которые мистер Импортуна намеревался поглотить, а также подыскивал для него такие предприятия. У меня университетские дипломы по инженерному мастерству, геологии, деловой администрации и финансам. Большинство своих предприятий мистер Импортуна купил по моей рекомендации.

— А к чему все эти штучки в стиле плаща и кинжала?

— Вы имеете в виду причину секретности и анонимности, инспектор? Ну, если бы стало известно, что Нино Импортуна охотится за каким-то предприятием, тут же начались бы всевозможные мошенничества, махинации с бухгалтерскими книгами, не говоря уже о том, что цена взлетела бы до небес. Я с куда лучшими результатами работал под прикрытием для анонимного нанимателя.

— Вы сказали, что были наняты Импортуной для конфиденциальной работы несколько лет

назад. Случайно, не девять?

Мистер Э. поднял брови.

— Вижу, вы знаете о его суевериях. Нет, инспектор, около пятнадцати.

Инспектор покраснел и заговорил более резким тоном, чем намеревался:

— Мы получили вашу телеграмму всего несколько часов назад. Где вы были эти недели? О смерти Импортуны писали газеты всего мира. Почему вы давно не связались с кем-нибудь в «Импортуна индастрис»?

— Я не знал о смерти мистера Импортуны, пока мой самолет не приземлился в Риме прошлой ночью. С начала сентября я не читал газет, не смотрел телевизор и не слушал радио.

— В это трудно поверить, мистер Меркенталер.

— Не так трудно, если знать все обстоятельства, — дружелюбно отозвался мистер Э. — Я находился в критическом состоянии в больнице Тель-Авива, куда меня доставили в глубоком обмороке из пустыни Негев, где я был по делу, о котором не могу распространяться, пока не доложу о результатах тому, кто теперь распоряжается в «Ист-Сайд 99», — очевидно, миссис Импортуне. У меня была двухсторонняя стрептококковая пневмония, и начались осложнения. Позднее

израильские врачи говорили мне, что дважды считали меня безнадежным. По их словам, до появления антибиотиков у меня не было бы ни одного шанса на выздоровление.

— Разумеется, мы все это проверим.

Эти слова, казалось, позабавили мистера Э.

— Насколько я понимаю, вы подозреваете меня в убийстве Нино Импортуны?

— Где вы были, мистер Меркенталер, 9 сентября около полуночи?

— Прошу прощения. — Агент достал ключ, отпер «дипломат» и слегка приподнял крышку, словно не желая показывать его содержимое посторонним. Вынув записную книжку и тут же захлопнув «дипломат», он начал перелистывать ее. — Очевидно, инспектор Квин, говоря о полуночи 9 сентября, вы имели в виду нью-йоркские дату и время?

— Да. — Инспектор выглядел озадаченным.

— Понимаете, когда находишься на другой стороне планеты, нужно учитывать разницу. Полночь 9 сентября в Нью-Йорке исчислялась по летнему времени. Тогда я находился в Израиле по делам. Время в Израиле на семь часов позже нью-йоркского. Я имею в виду стандартное время — когда столько путешествуешь, трудно учиты-

вать манипуляции с переходом на летнее время в разных странах. В любом случае вы хотите знать, где я был, скажем, на семь часов позже полуночи 9 сентября по нью-йоркскому летнему времени — иными словами, между шестью и семью утра 10 сентября по израильскому времени.

Мистер Э. постучал по записной книжке: — Здесь отмечено, инспектор Квин, что в это время я находился на борту частного самолета, принадлежащего промышленной компании «Менахем Липски», занимающейся разработками в пустыне Негев, по пути к определенному месту в этой пустыне. Не могу назвать ни место, ни проект — я дал слово держать наши переговоры в строжайшем секрете, а мой бизнес, инспектор, основан на доверии к моему слову. Как бы то ни было, приземлившись в пустыне, я сразу же заболел и тем же утром был доставлен самолетом в тель-авивскую больницу с температурой, как мне потом сказали, выше ста шести градусов.[76] Компания и больничный персонал, разумеется, подтвердят мое заявление. Если хотите, могу сообщить вам телеграфный адрес или телефонный номер компании «Менахем Липски», имена пило-

---

[76] ПРИМЕЧАНИЯ: 76
По шкале Фаренгейта.

та, сотрудников, встретивших меня в пустыне, и врачей в Тель-Авиве, которые спасли мне жизнь. Кстати, — сухо добавил мистер Э., — когда будете проверять мою историю, учтите, что я фигурировал там под именем Мортимер К. Гинзберг. Иначе они не поймут, о ком вы говорите.

* * *

9 ноября 1967 года

Эллери выбрал дату и место очной ставки, имея в виду эстетику дела и собственную жажду справедливости: 9-е число и спальню Нино Импортуны, где мультимиллионер встретил свою гибель.

Инспектор Квин согласился не без опасений, настояв на присутствии сотрудника окружной прокуратуры.

— Что может пойти не так? — осведомился Эллери без присущей ему скромности — он пребывал в состоянии эйфории. — Ты ведь знаешь меня, папа. Мне пришлось нелегко, но теперь это позади. Я никогда не завязываю мешок, не будучи уверен, что добыча внутри.

— Конечно, сынок, — отозвался его отец, грызя усы. — Но я хочу обеспечить прикрытие.

— Ты мне не доверяешь?

— Это дело превратило меня в агностика!

Ассистентом окружного прокурора оказался незнакомый Эллери молодой человек по фамилии Рэнкин. Он занял место в углу комнаты, откуда перед ним открывалась панорама происходящего. Выражение его лисьей физиономии свидетельствовало о том, что хотя он и надеется на благоприятный исход этой неслыханной, если не незаконной процедуры, но, будучи реалистом, предвидит обратное. Эллери полностью его игнорировал.

Кроме него и Квинов, в комнате присутствовали только Вирджиния Импортуна и Питер Эннис. Вдова казалась абсолютно безмятежной, словно ожидая в театре начала премьеры. Однако Эннис выглядел бледным и нервозным. Эллери улыбнулся обоим.

— Секрет этого необычайного дела, — начал он, — заключается в обилии числа «девять». Все время я чувствовал уверенность, что девятки являются решающими элементами в убийстве Нино Импортуны и что, поняв их подлинный смысл, мы обнаружим истину. Но смысл ускользал, покуда ты, папа, случайно не предоставил мне ключ, отозвавшись о девятках как о «копченых селедках». Эти слова отперли дверь. Не были

ли некоторые из множества девяток подкинуты специально? Копченую селедку используют для тренировки ищеек — резкий запах копченой рыбы сбивает их со следа. Не служили ли аналогичной цели девятки в деле Импортуны? Если да, то какие именно? Какие из девяток специально положили поперек следа, чтобы сделать поиски убийцы более трудными, если не вовсе невозможными?

Ассистент окружного прокурора начал проявлять интерес. Он вынул блокнот и карандаш.

— Я не мог приблизиться к ответу на этот вопрос, — продолжал Эллери, — пока не вспомнил «Сломанную шпагу» Г. К. Честертона — рассказ из сборника «Неведение отца Брауна». В одном из его эпизодов отец Браун спрашивает бывшего вора Фламбо: «Где умный человек прячет гальку?» — «На морском берегу», — отвечает Фламбо. «А где, — продолжает отец Браун, — умный человек прячет лист?» — «В лесу, — отвечает Фламбо и спрашивает в свою очередь: — Вы имеете в виду, что, если умный человек хочет спрятать настоящий бриллиант, он прячет его среди поддельных?»

Меня словно озарило. Вот вопрос, который я искал на ощупь! Я перефразировал Фламбо: «Вы

имеете в виду, что, когда убийца хочет спрятать настоящую улику, он может спрятать ее среди подтасованных?» И тогда мне сразу стали ясны задача и план убийцы. Существовала подлинная улика, связанная с числом «девять», которая указывала на него как на виновного, и которую он не мог уничтожить, но в то же время, повинуясь инстинкту самосохранения, не мог оставить в неприкосновенности. Поэтому ему пришлось спрятать ее, наподобие гальки отца Брауна, на морском берегу, состоящем из девяти улик, все из которых, кроме одной, были ложными. Убийца ничего не терял, но приобретал очень многое — безопасность, — помещая на ведущем к нему следе «копченую селедку». В качестве контруловки следовало проверить все девятки одну за другой, дабы выяснить, какие из них подтасованы. И тут мы столкнулись с любопытной ситуацией.

Эллери повернулся к Вирджинии Импортуна:

— Тотем вашего мужа, число «девять», вроде бы восходил к дате его рождения — 9 сентября 1899 года.

Я проверил подлинность даты рождения в процессе проверки подлинности всех фигурирующих в деле девяток, запросив через итальянское

детективное агентство копию свидетельства о крещении Импортуны. Выяснилось, что он родился не в 1899 году, а годом раньше, не в девятом месяце этого года, а в пятом и не девятого дня этого месяца, а шестнадцатого. Дата 16 мая 1898 года значительно отличается от 9 сентября 1899-го, а тотему в виде девятки не соответствует вовсе. Выходит, Нино Импортуна попросту перенес дату своего рождения на девятый день девятого месяца того года, который во всех отношениях соответствовал счастливому числу. Иными словами, девятки в подлинной дате его рождения были, как выразился бы Честертон, поддельными — соответствующими не истине, а суеверию вашего мужа. «Копчеными селедками».

Его фамилия — Импортуна — состояла из девяти букв? Снова подделка: его настоящая фамилия была Импортунато и состояла из одиннадцати букв. Его имя — Нино, числовые значения букв которого в сумме составляют девять? Подделка: его подлинное имя было Туллио. Имя и фамилия Нино Импортуна — «копченая селедка».

Этот дом, «99 Ист». Мой отец выяснил, что его первоначальным номером был не 99, а 97. Чтобы удовлетворить желание окружить себя девятками, Импортуна, купив дом, перенумеровал его — с

его деньгами и влиянием это не составляло труда. Девять этажей? Более изощренная подделка. Девятиэтажное здание с квартирой в пентхаусе правильнее называть десятиэтажным.

— Я не знала ни о подлинной дате рождения Нино, ни о перенумеровании дома, мистер Квин, — сказала Вирджиния. — А ты, Питер?

Эннис вздрогнул и быстро оторвал ото рта кулак, который он грыз.

— И то и другое для меня новость.

— Но это не самые важные «копченые селедки», — продолжал Эллери. — Обратимся ко времени смерти. Судя по наручным часам вашего мужа, миссис Импортуна, остановившимся от удара, убийство произошло в девять часов девять минут вечера. Подделка: мед-эксперт установил время смерти как начало первого ночи — примерно на три часа позже, чем указывали остановившиеся часы. Значит, убийца перевел часы назад, уже совершив преступление, а потом ударил по ним, чтобы остановить их на девяти часах девяти минутах и подбросить нам еще две «копченые селедки». Кстати, медицинское заключение превращает в подделку и дату убийства — 9 сентября. Если оно произошло спустя несколько минут после полуночи, то его дата

— 10 сентября.

Теперь рассмотрим в этом контексте орудие убийства — чугунную абстрактную скульптуру, в изгибах которой мы — особенно я — увидели сходство с цифрой 9, и за которой убийца специально зашел в гостиную, сделав крюк. Можно ли сомневаться, что он выбрал ее именно по причине сходства с девяткой? Но в действительности она таковой не являлась. Скульптор назвал ее «Появлением новорожденного на свет».

— Но ведь она похожа на девятку, — запротестовал Питер.

— Если держать ее в определенном положении — да. Но переверните ее — в абстрактной скульптуре трудно понять, где верх, где низ, — и она превратится в шестерку. Подделка — «копченая селедка».

И еще. Количество ударов, которые нанес убийца своим не слишком тупым орудием. Мы считали, что их было девять, и были не правы. Убийца нанес десять ударов. Согласно доктору Праути, удар по запястью с целью остановить часы на девяти минутах десятого не отскочил от одного из девяти ударов по голове, а был самостоятельным ударом, по мнению доктора даже нанесенным другим орудием. Снова «копченая

селедка».

— Но девяток было куда больше, — пробормотал инспектор Квин и виновато огляделся вокруг.

— Все в порядке, папа, больше нет смысла держать это в секрете. Итак, мы переходим к анонимным письмам и их содержанию.

— Постойте, Квин! — Ассистент окружного прокурора тыкал указательными пальцами в сторону Вирджинии и Питера, стоя позади них.

— Я же сказал, мистер Рэнкин, что надобность в секретах отпала. — Эллери повернулся к Вирджинии и Питеру: — Должен объяснить, что в Главное полицейское управление на имя моего отца пришла серия анонимных посланий, о которых знало только несколько официальных лиц.

— Ну вот, вы все испортили, — сердито сказал Рэнкин. — Я с самого начала был против этого и говорил окружному прокурору…

Эллери не обратил на него внимания:

— Связь кое-каких из этих сообщений с числом «девять» указывала на то, что их прислал убийца Импортуны. В некоторых конвертах лежали игральные карты — целые или половинки. Сообщения, переданные с помощью карт, конечно, относятся к гаданию. Я интерпретировал их со-

гласно популярной гадальной системе. Но дело в том, что таких систем несколько и в каждой отдельные карты имеют разное значение. Отправитель ни разу не уточнил и даже не намекнул, какой системой следует пользоваться. Поэтому смысл, который я приписывал картам, был чисто произвольный и вовсе не обязательно правильный. Опять «копченые селедки», как и индексы почтовых отделений, которые убийца выбрал для отправки, чьи цифры в сумме составляли девять.

Даже число посланий оказалось подделкой. После девяти прибыло десятое, компрометируя магическое число. «Копченые селедки»!

Пять конвертов содержали текстовые сообщения. В одном из них говорилось, что друг детства Импортуны стал судьей верховного суда. Роль числа «девять» для Верховного суда Соединенных Штатов известна каждому школьнику. Но тщательное расследование не обнаружило такого друга детства или вообще друга у Нино. Сообщение было попросту ложным. Или, говоря словами Честертона, поддельным. А твоими словами, папа, «копченой селедкой».

То же самое относится и к четырем другим словесным сообщением. Одно из них заявляло, что в молодости Нино Импортуна играл в полупрофес-

сиональной бейсбольной команде Бингэмптона в штате Нью-Йорк. Это оказалось вымыслом. Другое утверждало, что на его ранчо в Палм-Спрингс имелась площадка для гольфа — еще один намек на девятку, так как на частных площадках лунок, как правило, девять или восемнадцать — число, кратное девяти. Но это также не подтвердилось. В поместье Импортуны в Палм-Спрингс не было площадки для гольфа.

Еще одно сообщение — простите, что упоминаю это, миссис Импортуна, — приписывало Импортуне любовь к использованию кошки-девятихвостки. Миссис Импортуна заверила меня, что это неправда и никаких доказательств подобных сексуальных извращений найти не удалось.

И наконец, сообщение о заказе Импортуной изготовления скульптур девяти муз для его виллы на Лугано. Вы, Питер, категорически это отрицали, заявив мне, что надзирать за выполнением подобного заказа входило в ваши обязанности, однако вы ничего о нем не знали. Лгать об этом вам было бессмысленно, так как элементарное расследование обнаружило бы скульптора, принявшего заказ, если бы сообщение было правдивым. Но расследование не обнаружило никаких следов такого лица.

Итак, девять сообщений были ложными или не имеющими отношения к делу. Помните, что я пытался исключить поддельные улики с целью установить, какая из улик, связанных с числом «девять», не являлась «копченой селедкой». Но я пришел к обескураживающему выводу, что все девятки были «копчеными селедками», явно не имеющими никакого значения! Нино мог подписывать контракты 9-го, 19-го или 27-го числа, отказываясь заключать сделки в другие дни, назначить свою свадьбу на девятый день девятого месяца или изменить дату своего рождения таким образом, чтобы она изобиловала девятками, но все это не являлось подлинными уликами. Эти поступки совершал сам Импортуна, а не убийца. Мне нужно было найти девятку, связанную с убийцей, но я ее не обнаружил. Я исключил все девятки, которые видел тогда, кроме одной.

Это было кульминацией тщательно продуманной сцены, и Эллери сыграл ее так, как играл аналогичные кульминации в аналогичных сценах, — завораживая слушателей блестящими глазами, используя свой голос как рапиру, подавляя их своей личностью, грозя им указательным пальцем.

— Кроме одной, — повторил он. — Одна девят-

ка была подлинной. Одна девятка не являлась «копченой селедкой». Эта девятка возникла в результате послания номер 10. Это неожиданное, нарушающее традиционное число послание, миссис Импортуна, лежало в основе вопроса, который я задал вам по поводу вашего свидания за ленчем с Питером Эннисом 9 декабря 1966 года.

Вирджиния вздрогнула, а потом придала лицу презрительное выражение.

— Прошу прощения, но у меня нет выбора. Я говорил вам, что не могу обещать держать ваш дневник в тайне от властей, если обнаружу, что он содержит информацию, связанную с делом.

— Информацию? Какую информацию? — встрепенулся инспектор Квин. Ассистент окружного прокурора Рэнкин что-то быстро писал в блокноте.

— Миссис Импортуна с юных лет вела дневник, папа. Она любезно позволила мне прочитать запись от 9 декабря 1966 года, из которой я узнал, что во время ленча с Эннисом в тот день всплыла еще одна девятка. — Эллери склонился вперед. — Срок добрачного договора Вирджинии и Нино истекал спустя ровно девять месяцев после 9 сентября 1966 года, а именно 9 сентября 1967 года, когда миссис Импортуна, согласно этому

договору, должна была стать единственной наследницей своего мужа.

Этот девятимесячный период не был ни чьей-то выдумкой, ни подделкой, ни «копченой селедкой». Девять месяцев были фактом — и весьма многозначительным фактом. Потому что, если кто-то хотел, чтобы Вирджиния унаследовала полумиллиардное состояние своего мужа, он должен был подождать девять месяцев, прежде чем ее право станет юридической, хотя и потенциальной реальностью.

В мрачном, но вполне реальном смысле этот неизбежный девятимесячный период ожидания напоминает беременность. Девять месяцев вынашивания плода, а потом, 9 сентября 1967 года, рождается чудовищный младенец по имени Убийство. Даже щипцы, которые использовали для его извлечения, назывались «Появление новорожденного на свет».

Эллери сделал паузу, чтобы перевести дыхание, и все — даже Рэнкин в своем углу — застыли, ожидая продолжения.

— Давайте рассмотрим случай, который я называю оплодотворением, — тот ленч в неприметном ресторанчике 9 декабря прошлого года. Помните, я искал ключ к личности убийцы. Я задал себе

вопрос: было ли в этом ленче что-нибудь, чего убийца мог опасаться? Как насчет самого факта встречи? Предположим, о появлении Вирджинии и Питера на людях — единственной неосторожности, которую они допустили, — стало известно? Предположим, их видели и их разговор подслушали? Если стало известно о связи Вирджинии Импортуна с Питером Эннисом, доверенным лицом ее мужа, о том, что, согласно добрачному соглашению, Вирджиния не могла оставить мужа или развестись с ним, не потеряв все, о том, что Питер должен ждать девять месяцев, пока Вирджиния станет наследницей Импортуны, то даже человек с минимальным коэффициентом умственного развития мог домыслить остальное — план убийства, его вынашивание и рождение… Это представляло смертельную опасность для составившего план. Именно эту девятку он пытался скрыть среди поддельных девяток, которыми он бомбардировал нас.

Инспектор начал кривить рот, как будто тщетно пытался игнорировать что-то крайне противное на вкус.

— Теперь, — продолжал Эллери, ободряюще улыбнувшись отцу, — позвольте мне объяснить, что я имею в виду под периодом вынашивания.

Как я говорил, преступник должен был ждать девять месяцев, пока Вирджиния не станет наследницей Импортуны, прежде чем убить его. Почему бы не использовать к своему преимуществу этот девятимесячный срок? В конце концов, 9 декабря прошлого года Нино принадлежала только треть семейного состояния. Но если бы оба брата Нино умерли в течение этого периода… Поэтому он убил Джулио и подтасовал улики против Марко, рассчитывая избавиться от обоих.

Подтасовка была не вполне успешной, но Марко оказался настолько услужлив, что покончил с собой, а полиция сочла, что он повесился, терзаемый угрызениями совести из-за убийства брата, так что настоящий преступник мог быть полностью удовлетворен. Оба младших брата мертвы, убийцу никто не подозревает, а состояние Нино утроилось. Поэтому после сентябрьского дня, когда Вирджиния становилась законной наследницей своего мужа, последний акт — убийство Нино — принес бы преступнику полмиллиарда долларов. Разумеется, не прямо, а через его связь с вами, Вирджиния. Потому что я уверен, что вы и он давно решили пожениться…

— Не прямо? Пожениться? — Питер Эннис поднялся, внезапно приобретя весьма внушитель-

ный вид. — На что, черт возьми, вы намекаете, Квин?

Вирджиния улыбнулась, а Эллери нахмурился.

— Если вы дадите мне закончить, Питер, — сказал он, — то увидите, что это куда больше, чем намек.

— А вам и незачем намекать, старина. Вы собираетесь обвинить меня в том, что я замыслил убить мужа Вирджинии за девять месяцев до его смерти и в течение этих девяти месяцев избавился от Джулио и Марко с целью утроить наследство Вирджинии. Все это я сделал, рассчитывая жениться на ней и приобрести контроль над состоянием Импортуны. Правильно?

— Абсолютно, Питер, — ответил Эллери. — Именно в этом я вас обвиняю.

Питер усмехнулся и посмотрел на Вирджинию, чья улыбка сменилась хихиканьем.

— Прошу прощения, мистер Квин, — извинилась она. — С моей стороны это грубо, а вы так старались…

— Что вы имеете в виду? — покраснев, осведомился Эллери. — Я сказал что-то забавное?

— Даже очень, — отозвался Питер. — Насколько я понимаю, если я сумею доказать, что никак не мог убить Нино Импортуну, то я сорвусь с вашего

дурацкого крючка?

— Не стоит так говорить с мистером Квином, Питер, — упрекнула его Вирджиния. — По-моему, он сделал все, что можно было ожидать.

— Да, как змей в саду Эдема! Мне не слишком нравится быть подозреваемым в убийстве, дорогая. Ну, Квин, вы хотите доказательства?

— Конечно. — Эллери выглядел как маленький мальчик, который, пробудившись от чудесного сна, обнаружил, что обмочился.

— Инспектор Квин, когда именно убили Нино? — спросил Питер Эннис. — Назовите нам еще раз точное время.

— Вскоре после полуночи. — Инспектор избегал жалобного взгляда Эллери. — Примерно в ноль часов пятнадцать минут 10 сентября.

— Пожалуйста, запишите это, мистер Рэнкин. А то ордер на арест прожжет дырку в вашем кармане. Нино Импортуна, Вирджиния и я вечером 9 сентября обедали вместе в пентхаусе, как и говорили вам раньше. К концу обеда Нино, как вам известно, пожаловался на недомогание и отправился в свою комнату, сказав нам, чтобы мы ели десерт без него. Мы с Вирджинией так и поступили, после чего я сразу ушел. Но я не сообщал вам, что, приехав в свою квартиру, я переоделся,

положил в портфель пижаму и зубную щетку и поехал назад, в район дома «99 Ист». Вирджиния ждала меня в заранее условленном месте…

— Как же она могла незаметно выйти из дому? — усмехнулся Эллери.

— Я объясню, Питер, — сказала Вирджиния, — так как мистер Квин говорит обо мне. Это не составляло труда, мистер Квин. Соседний дом примыкает к нашему, но ниже на один этаж. В случае надобности с нашей крыши на соседнюю можно опустить стальную лестницу. Предусмотрительно надев свободный темный костюм, я опустила лестницу, сошла на соседнюю крышу, воспользовалась их лифтом и спустилась на первый этаж. В том доме нет ни ночного портье, ни охранника. Позднее я вернулась в пентхаус таким же путем и убрала лестницу, когда поднялась на нашу крышу.

Эллери сел — скорее рухнул — на кровать Импортуны.

— Мы поехали в Нью-Милфорд, в штате Коннектикут, мистер Квин, — снова заговорил Питер Эннис. — Зарегистрировались там в мотеле под именами мистера и миссис Майкл Анджело — Вирджинии казалось, что это звучит романтично. Поездка в автомобиле даже на большой скорости

заняла два часа — вряд ли кто-нибудь мог бы добраться туда скорее. Мы прибыли в мотель около одиннадцати ночи — их регистрационная книга покажет вам точное время, которое хронометрирующая машина отбивает на бумаге. Даже если бы мы сразу покинули мотель и поехали назад, мы бы не могли вернуться в «99 Ист» раньше часу ночи — почти часом позже убийства Импортуны. В действительности мы выписались из мотеля в половине второго — можете снова справиться в книге. В половине четвертого я высадил Вирджинию у соседнего дома и поехал к себе.

Полагаю, — продолжал Питер, — я должен объяснить, почему мы не говорили правду о той ночи, пока вы, Квин, не принудили нас к этому. Мы не могли рассчитывать, что кто-нибудь поймет, как долго и сильно мы любили друг друга и как важно было для нас, чтобы нашу любовь не унижали еще сильнее — в наших глазах она и так была достаточно унижена обстоятельствами. А теперь вы, вероятно, хотите узнать название мотеля…

— Мы уже его знаем, — прервал инспектор Квин. — Все проверено, Эллери, — не только по времени регистрации и выписки, но и по фотографиям Энниса и миссис Импортуна, которые мы

предъявили ночному портье мотеля и по которым они сразу же были опознаны. В сегодняшней суете я не успел сообщить тебе это, сынок.

— Но ты должен был знать, что у меня на уме, когда я организовывал все это, папа, — резко сказал Эллери, стискивая руками края кровати Импортуны, словно это были края бездны.

— Вовсе нет, сынок. Ты держался чертовски таинственно. Я думал, ты, как обычно, вытащишь кролика из шляпы, поставив все дело с ног на голову. Если ты не можешь опровергнуть алиби этих людей, Эллери, они вне подозрений. А ты явно не можешь этого сделать. По-твоему, почему не передали дело в суд? Потому что, согласно неопровержимым доказательствам, ни миссис Импортуна, ни Эннис физически не могли находиться здесь в то время, когда был убит Импортуна.

— Я очень сожалею, мистер Квин, — снова сказала Вирджиния, как будто ей хотелось признаться в преступлении, чтобы избавить Эллери от дальнейшего конфуза. — Уверена, что в один из ближайших дней вы найдете правильный ответ.

К счастью, Эллери не слышал ее. Он бормотал себе под нос:

— Эти чертовы девятки. Они должны быть ключом ко всему кошмару. Но каким именно?

* * *

— Твоя ошибка в том, сынок, — говорил вечером инспектор, поедая излюбленные Эллери сандвичи с пастромой и запивая их тоником из сельдерея, приобретенными в лавке кошерных блюд за углом, — что ты не заметил большой прорехи в твоих аргументах.

— Прорехи? — Эллери жевал румынский деликатес только из уважения к традиции. — Какой прорехи?

— Если Питер Эннис был убийцей, значит, он отправил последнее, десятое анонимное письмо. Но будь он виновен, то никогда бы этого не сделал. Послание предписывало нам найти того, кто ходил на ленч с Вирджинией в определенный день — в тот день, когда, по твоим словам, начался девятимесячный период ожидания превращения Вирджинии в наследницу состояния Импортуны. Но ведь именно это и пытался скрыть убийца, забрасывая нас всевозможными девятками! Ты не продумал это как следует, Эллери. Как я сказал, единственный человек в мире, который никогда бы не прислал это десятое сообщение, был Питер

Эннис — если бы он был виновен.

— Ты прав, — пробормотал Эллери. — Как я мог допустить такую оплошность? Это просто нелепо… Но, папа, одна фраза, которую Питер сказал Вирджинии в тот день, сажая ее в такси после ленча, застряла у меня в голове с тех пор, как она позволила мне прочитать ее дневник.

— Какая фраза?

— Вирджиния записала ее так: «Мне остается сделать только одно, и, клянусь богом, когда придет время, я это сделаю». Разумеется, по мнению Вирджинии, она поняла, что имел в виду Питер. Я интерпретировал это таким же образом — что, когда истекут девять месяцев и Вирджиния станет наследницей, он намерен убрать с пути Импортуну.

— Вероятно, сынок, парень подразумевал только то, что когда-нибудь наберется смелости, поговорит с мужем женщины, которую он любит, признается в том, что между ними происходит, и попытается убедить его дать Вирджинии свободу. Она позволила своему воображению увлечь ее, и ты тоже.

Эллери скорчил гримасу, как будто обнаружил на своей тарелке таракана. Такое бывало и в лучших нью-йоркских квартирах, но в данном случае

это не соответствовало действительности.

Он положил на тарелку недоеденный сандвич с пастромой.

— Я не голоден, папа. Лучше уберу со стола.

И сандвич вместе с его теорией отправился в мусорное ведро.

* * *

9 декабря 1967 года

Было ли то, что предсказанный Вирджинией «один из ближайших дней» пришелся на девятое число следующего месяца, игрой случая или подсознательным выбором Эллери, является тайной, которую он так и не раскрыл и не испытывал желания это сделать. Так или иначе, эта суббота оказалась 9 декабря, хотя Эллери изо всех сил старался позабыть дату.

Месяц, прошедший после сокрушительного разгрома в спальне Нино Импортуны, стал суровым испытанием для его характера. Среди счастливых воспоминаний о прошлом Эллери мог припомнить и другие неудачи — причем одна-две из них были весьма болезненными, — но теперешняя представляла собой причудливую эмоциональную смесь стыда, отвращения к самому себе и страха перед исчезновением своих

способностей, вызванного отчасти тем, как глупо он выглядел в глазах очаровательной женщины.

Но Эллери справился с этим, работая по восемнадцать часов в день над долго пренебрегаемым романом и, к своему изумлению (а также к изумлению его издателя и литературного агента), закончив его. Попутно, с помощью таинственного процесса, который казался ему алхимическим, он раскрыл дело Импортуны-Импортунато.

Сначала, что вполне естественно при сложившихся обстоятельствах, Эллери, как подозрительный кот, обнюхивал новое решение по краям — горький вкус первого все еще оставался во рту. Ощутив наконец удовлетворение, он позвонил по телефону, назвал себя и договорился с убийцей о встрече во второй половине дня.

Убийца встретил его вполне спокойно, как Эллери и ожидал.

— Хотите выпить, мистер Квин?

— Едва ли, — ответил Эллери. — Насколько я вас знаю, вы заранее приготовили бутылку с отравленным напитком, предвидя подобный случай.

— Садитесь, мистер Квин, мои стулья абсолютно безопасны, — с улыбкой отозвался убийца. — А если вы припрятали на себе магнитофон, то могу

заявить, что за всю жизнь не отравил ни одного человека.

Эллери не улыбнулся в ответ.

— С такими, как вы, все когда-нибудь происходит в первый раз. Вы уверены, что этот стул не электрифицирован? Впрочем, это было бы чересчур даже для вас.

Он сел, и, к его облегчению, ничего не произошло.

— Что такого я, по-вашему, натворил, мистер Квин? Не то чтобы меня тревожило ваше мнение — это может быть только теория без каких-либо доказательств. Но я признаюсь… нет-нет, Квин, не в том, о чем вы подумали… что любопытен.

— Думаю, если полиция знает, кого и что искать, — заметил Эллери, — то добыть доказательства будет легче, чем вы предполагаете. Сэм Джонсон[77] говорил, что догадки о полезных вещах полезны в свою очередь, а что может быть полезнее для этого мира, чем избавить его от вас?

— Простите, но я позволю себе категорически с вами не согласиться. Вы не сочтете грубостью, если я выпью один, не так ли? — Убийца налил

---

[77] ПРИМЕЧАНИЯ: 77

Джонсон, Сэмюэл (1709–1784) — английский лексикограф, поэт и критик.

щедрую порцию скотча в стакан с кубиками льда. — Ну, Квин, выкладывайте. Развлеките меня.

— Не могу обещать, что вы умрете со смеху, — сказал Эллери, — но надеюсь пару раз вас припугнуть. — Он изложил свою прежнюю теорию и рассказал о том, как алиби в нью-милфордском отеле очистило от подозрений Питера Энниса и Вирджинию Импортуна, разбив эту теорию вдребезги. — В то же время я не собирался бросать это дело. В моих генах заложено неистребимое ирландское упрямство. Я продолжал поиски и в конце концов нашел это.

— Нашли что?

— Улику, которой мне недоставало.

— Чепуха, — заявил убийца. — Не было никакой улики.

— Была, и притом настолько очевидная, что я сперва упустил ее. Она находилась в дневнике Вирджинии — в отчете о ее ленче с Питером 9 декабря прошлого года — кстати, ровно год тому назад. Это доказывает, что на свете существует справедливость. Вы ведь знали, что Вирджиния ведет дневник?

— Конечно.

— Но она никогда не позволяла вам читать его,

а если бы вы попытались сделать это без ее разрешения, то не смогли бы его найти — она заверила меня, что надежно спрятала все тома. Поэтому вы не могли знать, что именно написала Вирджиния о том дне. Я имею в виду детали, среди которых была упомянутая мной улика. В этом отношении вы не допустили никакой оплошности — я не могу упрекнуть вас за то, о чем вы не были осведомлены и чего не могли предвидеть. Вы умный противник — один из самых умных среди тех, с кем мне приходилось сталкиваться.

— Лесть ни к чему вас не приведет, Квин, — сказал убийца. — Продолжайте вашу сказку.

— Если это сказка, то она куда мрачнее сказок братьев Гримм.[78] Все, что я приписывал Питеру, в действительности совершили вы. Вы, а не Питер были вынуждены ждать девять месяцев, пока Вирджиния не станет наследницей своего мужа. Вы, а не Питер поняли, что, если убрать с дороги двух младших братьев Нино, наследство Вирджинии утроится. Вы, а не Питер убили Джулио и подтасовали улики против Марко.

Я не могу доказать, что вы подложили золотую пуговицу от морского кителя Марко на пол ка-

---

[78] ПРИМЕЧАНИЯ: 78

Непереводимая игра слов. Grimmer than Grimm — мрачнее, чем Гримм (англ.)

бинета Джулио — она могла случайно выпасть через дыру в его кармане, — но я не верю в счастливые случаи, которые совпадают с интересами убийцы, и убежден, что вы подбросили в кабинет пуговицу, оставили там отпечаток ботинка, тщательно воспроизвели признаки борьбы и передвинули стол Джулио по причинам, которые я изложил во время первоначального расследования и которые не стану повторять.

Вот как, по-моему, все произошло — я испытываю искушение попросить вас поправить меня в случае ошибки, но чувствую, что вы откажетесь. Вы до последней мелочи спланировали подтасовку улик против Марко — его пуговицу и легко идентифицируемый отпечаток его ботинка в сигарном пепле из намеренно опрокинутой пепельницы, а также удар кочергой, нанесенный левой рукой. Но вы рассчитывали нанести этот удар через стол, когда Джулио будет сидеть лицом к вам. Однако, как часто случается с самыми надежными планами, когда вы замахнулись кочергой, Джулио, в инстинктивной попытке увернуться от удара, повернул свой вращающийся стул на сто восемьдесят градусов, оказавшись к вам затылком, в результате чего удар пришелся на противоположную сторону его головы от

той, куда вы метили с целью указать на убийцу-левшу.

Не успев осознать того, что вы делаете, так как вы все еще были сосредоточены на вашем плане, вы вернули тело Джулио в первоначальное положение — лицом к вам. При этом его голова упала на стол, залив кровью блокнот. Слишком поздно вы осознали, что теперь все выглядит так, будто убийца Джулио — правша. Вы не могли повернуть тело назад, так как наличие и местоположение пятен крови на столе выдало бы тот факт, что тело повернули после удара. Что же вы могли предпринять с целью восстановить указание на левшу? Вы решили эту проблему, оставив тело Джулио в прежнем положении — с головой покоящейся на столе, но передвинув стол и вращающийся стул с телом, находившиеся по диагонали к углу, в позицию, при которой удар мог быть нанесен левой рукой.

— Все это слишком изощренно, — снова улыбнулся убийца.

— У вас изощренный ум, — отозвался Эллери. — Очень похожий на мой. Да, еще одна деталь подтасовки улик против Марко — признаки борьбы, которые вы оставили для нас. Разумеется, никакой борьбы не было, как честно заверял

нас Марко. Но вы должны были обставить сцену таким образом, чтобы объяснить перевернутую пепельницу, а драка между Джулио и Марко давала отличное объяснение. Вы знали о неладах между двумя братьями Нино из-за отказа Джулио согласиться на предложение покупки земель в Канаде, якобы богатых нефтью, а от неладов до рукопашной схватки, как казалось вам и, как вы не сомневались, покажется полиции, всего один шаг.

Правда в том, — продолжал Эллери, вытягивая длинные ноги так, что его ботинки почти касались ног убийцы, — что ваша подтасовка улик против Марко была на редкость неуклюжей. Ведь это было ваше первое преступление подобного рода. Но даже эта неуклюжесть сыграла вам на руку. Марко был самым слабовольным из трех братьев — он не смог противостоять давлению, которое вы исподволь на него оказывали, особенно будучи пьяным. Поэтому он сработал лучше вас — послушно повесился, окончательно убедив полицию в том, что убил Джулио и покончил с собой в пьяном приступе угрызений совести. Именно это вы с самого начала хотели внушить полиции.

Как вам удалось незаметно проникнуть в «99

Ист» для убийства Джулио, я могу лишь предполагать. Но при ваших своеобразных отношениях с его обитателями вы должны были часто там бывать, так что ваши приходы и уходы едва ли привлекали внимание. В любом случае до убийства Джулио в «99 Ист» не совершалось никаких преступлений, так что ни у кого не было особых причин для чрезмерной бдительности. Поскольку вас не видели ни приходящим, ни уходящим, вам, очевидно, удалось проскользнуть мимо ночного портье.

Зато попасть в дом для убийства Нино Импортуны было куда более сложной проблемой. К тому времени здание являлось местом убийства и самоубийства, поэтому все были настороже. Конечно, не исключено, что вам снова удалось проскользнуть мимо портье незамеченным, но я склонен предполагать иное объяснение, в котором выдающуюся роль сыграла ваша счастливая звезда. Ранее тем же вечером — как ни странно, около девяти! — Вирджиния спустила лестницу с крыши пентхауса на крышу смежного дома одним этажом ниже с целью ускользнуть на свидание с Питером Эннисом. Разумеется, она оставила лестницу опущенной для своего возвращения. Вы ничего не знали о ее свидании

с Питером — вам нужно было незаметно пробраться мимо Гэллегера в пентхаус. Поэтому вы поступили так, как диктовала логика, — взобрались на крышу прилегающего здания. Разумеется, это было спустя несколько часов после ухода Вирджинии — незадолго до полуночи. К вашему удивлению, там была приготовлена лестница, так что, если вы и обзавелись приспособлением для преодоления разницы в один этаж, надобность в нем отпала. Вы вскарабкались по лестнице, убили Нино и удалились тем же способом задолго до половины четвертого ночи, когда Вирджиния вернулась из Коннектикута. Боюсь, вам бы это не показалось такой удачей, если бы вы знали, что Вирджиния уже воспользовалась этой лестницей для встречи с Питером.

Теперь убийца был серьезен.

— Доступ в квартиры братьев Импортунато и в квартиру Импортуны в пентхаусе почти наверняка обеспечили дубликаты ключей — ваши связи с их обитателями облегчили возможность обзавестись ими. Я предпочитаю дубликаты версии о сообщнике внутри, так как вы слишком умны, чтобы допустить угрозу шантажа со стороны сообщника, особенно когда на карту поставлено такое огромное состояние.

— Неудивительно, что вы зарабатываете на жизнь, сочиняя детективы, — заметил убийца. — У вас не только живое, но необычайно гибкое воображение.

— Благодарю за то, что привели меня к важному пункту, — любезно отозвался Эллери. — Вы только что подтвердили вывод, к которому я пришел еще до нашей встречи. Вы отлично разбираетесь в людских характерах и тщательно изучили мой. Надеюсь, вы можете это признать?

— Я не стану ничего признавать из принципа, — пробормотал убийца. — Кроме того, что ваш спектакль, Квин, куда лучше любого бродвейского и гораздо дешевле.

— Цена, которую вам придется уплатить за билет на него, заставит охотников за скальпами выглядеть филантропами. По крайней мере, я на это рассчитываю.

Но вернемся к вашему изучению моего характера. С той минуты, когда вы узнали о моем участии в расследовании убийства Джулио — вас не было на месте преступления, когда там был я, но вы все выведали у бедняги Питера, не так ли? — вы решили, что должны исследовать меня снаружи и внутри. Не сомневаюсь, что вы читали мои книги и изучали дела, которые я расследовал. Вы

пришли к правильному выводу, что меня можно приманить скорее необычным и изощренным, чем тривиальным и примитивным, что по своему темпераменту я склонен не к простому, а к сложному. Поэтому вы проложили ваш курс через запутанный лабиринт, зная, что я буду следовать по нему, как ищейка, и в результате приду к призу, который вы для меня приготовили.

Вы воспользовались ключом в виде девятимесячного срока до того, как Вирджиния станет наследницей, намеренно связав его с суевериями Нино Импортуны насчет числа «девять». Вашими иллюзорными девятками вы все запутали окончательно. И это, как говорил отец Браун, был ужасный грех. Знаете отца Брауна? Мой любимый священник во всей литературе. «Где умный человек прячет лист? — спрашивает он и отвечает на свой вопрос: — В лесу. Но что он делает, когда леса нет?.. Выращивает его, чтобы спрятать в нем лист. Ужасный грех». И вы сделали именно это — вырастили лес.

Вы отправляли инспектору Квину анонимные послания, но ваша цель отличалась от той, которую я приписывал Питеру Эннису. Вы стремились меня мистифицировать, зная, что, если будете забрасывать меня этими фантастически-

ми девятками, я рано или поздно приду к теории относительно листа в лесу и гальки на берегу. Должен признаться, я покорно танцевал под вашу дудку! Я был марионеткой в руках опытного кукловода. Когда я, как вы планировали, исключил все поддельные девятки, но все еще не добрался собственными силами до ленча Питера и Вирджинии 9 декабря 1966 года, вы обеспечили попадание этой информации ко мне в руки, послав десятое и последнее анонимное сообщение моему отцу, уведомив меня через него.

Это, — неторопливо продолжал Эллери, — привело к подлинной девятке, которую вы запрограммировали в качестве основы для решения мной задачи. Я должен был изложить теорию, что Питер Эннис, будучи убийцей, старался спрятать от меня девятимесячный период вынашивания своего плана и бомбардировал меня девятками, дабы окончательно сбить с толку.

Но ваша конечная цель была еще более изощренной. Вы сделали шаг вперед от концепции листа в лесу. Вы не только скрыли важнейший лист, но использовали сам факт его сокрытия для снабжения меня ложным ответом задачи. Вы побудили меня исключить все девятки, кроме одной, чтобы на ее основании я обвинил в

убийстве того, кого вы предназначили для меня с самого начала.

Теперь они смотрели друг другу в глаза, и на лице убийцы уже не было усмешки — оно застыло, как у животного, почуявшего опасность.

— Беда в том, — снова заговорил Эллери, — что вы вырастили слишком густой лес. Последнее анонимное послание сделало больше, чем вы намеревались. Оно подсказало мне ложное решение, но, к несчастью для вас, этим дело не закончилось. Как я уже говорил, вы не знали, что Питер и Вирджиния невольно обеспечили себе железное алиби на время убийства Нино, что их алиби вынудит меня понять свою ошибку, к которой вы меня подтолкнули, и логически приведет к вам.

Речь Эллери ускорила темп.

— Если Питер — не говоря уже о Вирджинии — был невиновен, как свидетельствует его алиби, значит, убийцей являлся не только кто-то другой, но и кто-то, отвечающий тем же самым двум требованиям. Первое: убийца должен был знать, что Вирджиния и Питер встречались за ленчем 9 декабря 1966 года. Второе: он должен был удовлетворять требованию cui bono в том же смысле, как ему удовлетворял Питер, рассчитывавший

жениться на Вирджинии.

Первый вопрос: как убийца мог знать об этом ленче? Ответ вставлен, как жемчужина в раковину, в конце дневниковой записи Вирджинии за тот день. Она заметила, как вы вошли в ресторан, испугалась, что вы увидите ее с Питером, и увела его из ресторана через кухню. Но если Вирджиния и Питер видели вас, то вы точно так же могли видеть их. И вы их увидели, иначе десятое анонимное послание не было бы отправлено.

Второй вопрос: кому это выгодно? Вы, безусловно, выигрывали от смерти Импортуны, как и Питер, — через Вирджинию. И, кроме Питера, только вы во всем мире находились в этом завидном положении. Более того, если бы что-то помешало вашему контролю над полумиллиардом долларов Вирджинии — если бы, скажем, Питер или сама Вирджиния оказались препятствиями, то я уверен, что вы бы избавились от одного из них или от обоих. Фактически это могло входить в ваш план, так как смерть Вирджинии и Питера — в том случае, если бы они поженились, — позволяла вам претендовать в качестве единственного родственника Вирджинии на все состояние Импортуны.

Тогда в вашем распоряжении по одному щелч-

ку пальцев оказалась бы целая оргия азартных игр и женщин! Кто знает, какие планы строили к своей вящей славе вы, объект презрения и подачек Нино Импортуны? Хотели стать Монте-Кристо двадцатого века?

Эллери поднялся и устремил взгляд на красивое загорелое лицо отца Вирджинии.

— Вы хотели этого? — повторил он.

— Чего-то в таком роде, — ответил Уоллес Райерсон Уайт.